

Юлия ЛАВРЯШИНА

ПОД ЖЁЛТЫМ
ЗОНТОМ

77

7-31-45

~~У/У-207~~ ~~286-~~
8362

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

~~29/V - 142~~ ~~15/II - 105~~

~~550/6 - 360~~ ~~21 - 500~~

~~3/VI - 5.25~~

~~29/II - 184~~ ~~2/III - 824~~

~~11/VI - 402~~

~~2/II - 353~~ ~~2/III - 204~~

~~2/II~~

~~У/У~~ ~~26/II~~
3.600.000

.....
"МАГАЗЕЯ"

**женский
роман**

84Р6
Л13

**Юлия
ЛАВРЯШИНА**

ПОД ЖЕЛТЫМ ЗОНТОМ

роман

**НОВОСИБИРСК
"МАНГАЗЕЯ"
2004**

ББК 84.Р7
Л 13

И Б С
г. Ленинск-Кузнецкий
АБОНЕМЕНТ

Лавряшина Ю.

Л 13 Под желтым зонтом. — Роман. — Серия
«Незнакомка». — Новосибирск: «Манга-
зея», 2004. — 336 с.

«... — Я люблю тебя, — без прежнего страха признался я.

И тогда она впервые сказала:

— Ты — моя жизнь, королевич. Ты ушел, и мне стало нечем жить...»

Зачастую бывает, что двое понимают, как дороги друг другу, только разлучившись. И оказывается, что лишь настоящему любящий человек может уберечь от беды, отдав самое дорогое, даже свои мечты. И тогда в суетном современном мире прорастет сказка...

О том чуде, которое способна совершить любовь, новый роман Юлии Лавряшиной.

ISBN 5—8091—0168—2

71882 (1)

Л 4804010100—002 Без объявл.
М101 (03)—2004

© Ю. Лавряшина, текст, 2004
© В. Савин, оформление, 2004
© «Мангазея», марка серии, 2004

Издательство
Ленинск-Кузнецкий
Мангазея

Пролог

Солнце над городом веселилось вовсю, пуская неуловимых "зайчиков" в лица тем, кто собрался на площади. Горожане повизгивали и весело гримасничали, когда луч попадал в глаза. Особенно их забавляло то, что солнце разбивалось на части, попадая на топор палача.

— Наш палач добрался и до солнца, — хохотали в толпе. — Оно показалось ему тускловатым.

Когда привели приговоренного, веселье вспыхнуло с новой силой, потому что нет ничего более приятного, чем посмеяться над человеком, который уже не сможет ответить. Преступник был молод, невзрачен и обрит так коротко, будто заранее готовился к отсечению головы... Кто-то крикнул:

— Королевич идет!

Все почтительно и в то же время поспешно расступились, потому что молодой сын короля ходил стремительно. Он был очень высок и к тому же надменно вскидывал голову, так что мало кому удавалось заглянуть ему в глаза. Королевича повсюду сопровождала рысь. Подданных удивляло, что не она следовала за хозяином, а он — за ней. словно это кошке удалось пленить человека... Королевич взбежал на эшафот и громко спросил, хотя мог бы говорить шепотом.

— В чем состоит вина этого человека?

Вперед выступил начальник тюрьмы:

— Ваше высочество, указ подписан королем.

Длинная шея рванулась из пышного ворота рубахи, нежный подбородок королевича задрался к небу.

— Я не спрашиваю, кем подписан указ. Я спрашиваю, в чем вина этого человека?

— Он был несчастен, ваше высочество!

Королевич обернулся к приговоренному.

— Это серьезное преступление. Разве ты не знал, что в нашем королевстве все обязаны быть счастливы?

— Я ничего не мог с собой поделать, — пробормотал преступник. — Я был одинок.

В утонченном высокомерном лице что-то неуловимо дрогнуло. Королевич слегка опустил голову и понизил голос.

— Ты мог бы завести себе... — он взглянул на рысь и закончил: — собаку.

— Я не додумался, ваше высочество.

— Это серьезное преступление, — задумчиво повторил королевич. Потом решительно обернулся к устроителям казни. — Но я уверен, что милосердие его величества не знает границ. Я сам буду хлопотать об изменении наказания. Он не додумался, вы же слышали! Нельзя казнить человека за то, что он не слишком умен, — и мысленно усмехнулся: "Не то мы останемся без подданных!"

Толпа оживилась ропотом: "Королевич освобождает преступника!" Каждому хотелось выкрикнуть: "Он лишает нас праздника!" Но никто не осмелился бы на это.

— Доставите его ко мне, — бросил королевич через плечо, и, взглянув на рысь, которая уже задремала на теплых досках, также быстро спустился с эшафота. Площадь мгновенно разделилась, уступая дорогу. Королевич пронесся мимо горожан, не заметив ни одного лица, и скрылся из вида. Рысь поспежала за ним прыжками.

Он вышел к реке, неприглядный берег которой топорщился разрозненными кустиками травы, пробивавшимися сквозь каменные островки. Их окружали неровные пятна бесцветного песка. Опустившись прямо на камни, королевич развязал крахмальный во-

ротник. Рысь уселась чуть поодаль, но так, чтобы не терять его из вида.

— Ты недовольна мной? — спросил королевич. — Но ведь я спас его от смерти. Этот молодой человек повинен в том, чем я сам болел до твоего появления. Его бы казнили, а я остался бы жив. Это несправедливо.

Рысь слушала, жмуря равнодушные глаза.

— Иди ко мне, — попросил королевич, но она не тронулась с места, и он сам пересел. Мелкие камешки зашуршали под его сапогами, словно целые полчища жуков бросились врассыпную. — Я так люблю тебя, моя дикая кошка, — он провел длинными пальцами по ее пятнистой теплой шкуре. — Тебе, конечно, нет до этого дела. Но я хочу, чтобы ты знала: ты очень дорога мне. Несмотря на то, что я собираюсь сделать. Просто, кроме тебя никто не в состоянии мне помочь. Я скажу только тебе... Я решил освободиться. Я устал думать о себе, как о преступнике. И ты освободишь меня...

Глава 1

Когда Лари, как всегда объясняясь куцыми обрубками фраз, сообщил, что собирается недельки две отдохнуть и оставляет ресторан на меня, я едва не закричал от радости. И

Лари, без сомнения, услышал этот не рожденный вопль. Его черные глаза резко сузились, а длинные морщины, что разделяли щеки вдоль, стали еще глубже. Он всегда угадывал мои желания и читал мысли. Много лет назад я наивно верил, что такая близость между нами говорит о том, будто Лари способен заменить мне отца. С тех пор я только тем и занимался, что пытался закрыться от Лари, однако такие моменты, как этот, без труда доказывали, что старик по-прежнему слышит каждый удар моего сердца.

— А в чем дело, Лари? — небрежно спросил я. — Плохо себя чувствуешь?

Он с усмешкой напомнил:

— Мне шестьдесят два года. В твои тридцать пять трудно представить. Иногда нужен отдых.

— Конечно, — вяло согласился я, старательно комкая свою радость. — Странно будет видеть ресторан без тебя.

— Это без тебя — странно, — ответил он. — Ты — лицо ресторана. Ему повезло. Ресторану.

— Ты — хозяин ресторана, а я всего лишь директор. Куда-нибудь поедешь?

Он без сожаления заметил:

— Сердечникам опасно менять климат. Поброжу по лесу. Вокруг дома. Навестишь?

— Куда ж я денусь? Когда ты уходишь?

— Прямо сейчас.

— Сейчас?! — я и растерянности не сумел скрыть.

Он насмешливо протянул:

— Не плачь, котенок.

— Я ведь просил не называть меня так!

— Мы же вдвоем. Никто не узнает.

— Лари, я давно вырос.

— Заметил, — кивнул он. — Двухметрового амбала трудно не разглядеть. Хорошо, что держишься прямо. Высокие часто сутулятся. Жалко смотреть.

— Макс никогда не был высоким, а ходил крючком.

— Чтоб не подумали, будто подражает.

— Кому?

— Тебе, котенок. Ты всегда был высоким и красивым.

— Максимум незачем было себя стесняться, — вскипел я. — Он с детства был личностью. И моим лучшим другом. И твоим родным сыном, между прочим.

Ослепительно белая голова согласно склонилась.

— Я помню, котенок.

— Он давно не звонил?

— Давно. Чего беспокоишься? Вы же больше не друзья.

— Старые дружбы — темное дело.

Лари негромко хмыкнул:

— Вот именно. Ладно, иди работай.

Когда его машина отъехала, мне показалось, что в зале стало светлее. Я огляделся. Был час короткого затишья между однообразно суматошным обедом и непредсказуемым ужином. Мне захотелось сбросить пиджак и закружиться между столиками. Но здесь были свои кулисы, и там готовились к выходу... Я только чуть ослабил узел галстука и стал в очередной раз проверять заказы, потому что радость опустошила мою голову. Свадеб сегодня не было — середина недели. Это радовало. Красивое зрелище условного прощания с невинностью всегда повергало меня в уныние. Моих сил никогда не хватит на то, чтобы дотащить Арину до алтаря. Моя маленькая рысь будет цепляться своими смертоносными когтями за животы собравшихся гостей, и едва наметившаяся совместная дорога станет мокрой и скользкой от крови. Я не хотел этого.

Арина редко приходила в наш ресторан, только если у нее случались перерывы в работе, и ей приходилось гнать себя из дома, чтобы не начать новый роман до того, как она остынет от предыдущего. Она никогда не проходила прямиком в мой кабинет, а усаживалась где-нибудь в уголке зала, спиной к окну, как делают женщины после тридцати лет. Мне, конечно, тут же докладывали о ее появлении, потому что все официантки знали Арину в лицо. Я подозревал, что они давно

обсудили каждый ее волосок, каждую черточку.

Я снимал пиджак, менял галстук на "бабочку", прихватывал поднос и выходил в зал. Роли, которые я исполнял, были разными. Чаще всего мой официант был хамоватым.

— Ну? Чего будем заказывать?

— Во-первых, доброе утро, — строго говорила она.

— Кому доброе, а кому... — гнусаво тянул я. — Ну как, любезничать будем или делом заниматься?

Арина хитро шурила зеленые глаза:

— Каким делом?

Я наклонялся и шептал ей на ухо: "Вот этим..." И она бесстыдно целовала меня на глазах у официанток, которые наверняка подглядывали изо всех щелей. Мы оба знали это, но Арине ни до кого не было дела, а я просто шалел, когда она ко мне прикасалась.

Иногда я прикидывался туповатым новичком и, заикаясь, все переспрашивал. А она изощрялась, вытаскивая из памяти названия блюд, знакомых ей по чеховским рассказам. Я ронял карандаш и, бормоча извинения, нырял под стол, где начинал целовать ей колени. Арина тихонько повизгивала, пинала меня, и столик ходил ходуном... Но сегодня я не надеялся на ее приход. У Арины был творческий кризис — первый на моей памяти — и

она была не расположена не только играть, но и разговаривала-то сквозь зубы.

Нынешний вечер обещал быть спокойным: заказано несколько столиков на двоих, пара отдельных кабинетов. Самое грандиозное сборище включало дюжину гостей, и я подозревал, что отмечалась защита диссертации: у хозяина вечеринки был жалкий вид через силу дозревшего кандидата. Я запомнил его потому, что в тот момент подошел к администратору и еще подумал: "Вот что я представлял бы собой, если б Лари не взял меня". Мама однажды сказала мне: "Ты должен молиться на Лари. Кем бы ты был без него?" И я ответил: "Я молился на него с самого детства".

Это не было пышной фразой. Я до сих пор помню, как Лари впервые назвал меня "котенком", хотя мне было не больше пяти. Мы дружили с Максом, кажется, с самого рождения. Лари посмеивался, глядя, как мы обнимаемся при встречах, словно братья, но поддерживал в нас это зарождающееся чувство. Он часто приносил нам обоим настоящие мужские подарки — наборы оловянных солдатиков, пластмассовые конструкторы, маленькие ружья. Кроме Лари, никто не дарил мне таких вещей, довольно дорогих, как я теперь понимаю. А я ведь был просто соседским мальчишкой, и он не обязан был этого делать. Мое сердце до того переполнялось бла-

годарностью, что я прыгал к Лари на шею и целовал его смуглую щеку. Максу не было нужды поступать так же, ведь он-то приходился ему родным сыном. Лари подхватывал меня и насмешливо шептал в ухо: "Ишь ты. Ласкучий какой... Словно котенок". Потом я подрос и перестал прыгать ему на шею. Но Лари, заметив, что я начал стесняться, сам то и дело обнимал меня за плечи. В такие минуты у меня от восторга сбивалось дыхание, будто я становился для Лари даже чем-то большим, чем сыном.

Тогда я уже заболел мечтой о ресторане, и Лари старательно раздувал во мне этот затеплившийся огонек. Он усаживал меня на диван, обнимал за плечи и рассказывал об отличии китайской кухни от японской, или о гастрономических пристрастиях великих людей. Из его рубленых сжатых фраз я узнавал интересного больше, чем из пространных речей школьных преподавателей. Например, что хороший китайский повар из килограмма теста может приготовить полтора километра лапши. Он рассказывал и довольно страшные вещи: как в Китае отбивают собак еще живыми, чтобы мясо получалось по-настоящему с кровью. Я готов был слушать его часами, замирая от восторга и ужаса. Лари учил меня есть палочками и сервировать стол к разного рода торжествам. Он объяснял: почему сухие белые вина подают к рыбе, а красные — к

мясу. Ночами я повторял все услышанное днем, стараясь запомнить на всю жизнь.

Макс не желал всего этого слушать, наши разговоры казались ему примитивными. "Приходи, когда Макс на тренировках", — однажды сказал Лари. И я стал приходить.

...Меня окликнули: "Кирилл!" Оглянувшись, я увидел, что ко мне буквально летит через зал одна из наших официанток. Ее звали неподходящим для ресторана именем — Клава. И она все время ждала увольнения, потому что была некрасива и знала, что Лари это не нравится. Но мы с ней дружили с того дня, когда я, в отсутствии Лари, принял ее на работу, и он держал Клаву только, чтобы не злить меня.

— Это правда? Он уехал? Мы две недели будем одни?

Я с трудом оторвал от себя ее руки:

— Эй, подруга, хочешь вытрясти из меня мозжечок? Как ты узнала? Я еще никому не говорил.

— Вся бухгалтерия в курсе. Он их предупредил. Ой, даже не верится! Это надо отметить.

Пришлось согласиться:

— Тащи вино, так уж и быть...

Клава примчалась назад так быстро, словно поднос с бутылкой моего любимого "Бургундского" и бокалами уже стоял возле входа. Я сам открыл вино и налил понемногу. Серые

Клавины глаза наполнились вдохновенной синевой.

— Чувствуешь? — она замерла, и потянула широким носом. — Как дышится без старого паука!

— Мы с тобой — неблагодарные создания. Он наш поилец и кормилец.

— Ты не способен выругаться, даже когда хочется?

— Нет, способен. Старый козел дает нам работу.

— Чтоб он сдох! — в сердцах сказала Клава. — Все были бы счастливы. Он гнетет нас, понимаешь? И при этом заставляет всех улыбаться. Все прямо сияют от счастья! Вот ты — директор ресторана. А он шага тебе не дает ступить!

Опустив ресницы, она небрежно спросила:

— Я слышала, он составил завещание. Он завещает ресторан тебе? А сколько у него было инфарктов?

— Хочешь, чтобы я еще раз выругался?

— Нет, правда?

— Два. Много или мало?

— Третий бы не помешал...

— Только не предлагай за это выпить, — предупредил я. — Лари за две недели так надышится свежим воздухом, что проживет еще лет десять.

— И сколько ж тебе тогда будет?

— Страшно подумать! Сорок пять.

— Ужас! — непритворно воскликнула Клава. — Так ты уже такой старый? А твоей дамочке сколько?

Я строго сказал:

— Она тебе не дамочка.

— Твоя Арина ничуть не похожа на писательницу...

— А как, по-твоему, выглядят писатели? — усмехнулся я.

— Ну не знаю! Она — обычная. И говорит обычно.

— Все правильно. Это потому что слова для нее обретают смысл, только нанесенными на бумагу.

Но Клава продолжала нападать:

— А, по-моему, ты в сто раз интереснее, чем она. И защищаешь ее потому, что чувствуешь это. Я как-то подслушала, когда вы ужинали. Она болтала о пустяках.

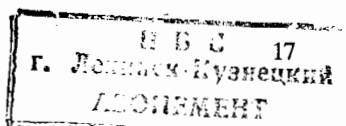
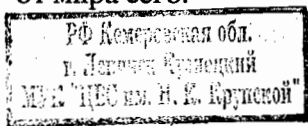
— Все интересное в себе Арина вкладывает в свои книги. Со мной остается нормальный человек.

— Которого ты и любишь? — уточнила она.

— Которого я и люблю. Но и ее книги я тоже люблю.

Клава укоризненно покачала головой:

— Смешной ты, Кирилл. Никто из мужчин столько не говорит о любви... Ты какой-то не от мира сего.

Я поспешил свернуть с этой скользкой дорожки:

— Лари не вовремя уехал. Мне тоже надо было ненадолго отлучиться.

— Проведать свою романистку?

— Слушай, мы, конечно, друзья...

— Но никому не позволено говорить о ней в таком тоне! Ладно, не обижайся. Я иногда просто злюсь, что за столько месяцев мне ни разу не удалось соблазнить тебя.

— Это никому не удалось, кроме Арины.

— Правда, что ли?! Да ты просто святой! Тот Кирилл, что придумал азбуку, был причислен к лику святых?

Я честно признался, что мои религиозные познания не простираются дальше десяти заповедей.

— Я только и помню — не прелюбодействуй, — засмеялась Клава и одним махом допила все вино.

— А ты этим занимаешься? — заинтересовался я.

— Нет. Но меня тянет на это, когда ты сидишь вот так близко и пьешь со мной.

— Клавка-козявка, — сказал я. — Ты ошалела от свободы без Лари? Смотри, скручу я вас всех в бараний рог!

— Да уж, — она презрительно пощелкала по стеклу фиолетовым ногтем. — Дождешься от тебя.

— Поговорили... — я огляделся. — Прикрой меня от вражеского снайпера, ладно? Я ненадолго.

— Катись. Пакет не забудь. Думаешь, никто не замечает, как ты таскаешь ей еду? Она совсем села тебе на шею.

— Ничего, пускай сидит. Я не против. Она маленькая.

Я выскочил на улицу, не заходя к себе. Пакет с продуктами, который я и в самом деле приготовил для Арины, так и остался в моем кабинете. После Клавиных выпадов мне не хотелось выносить его у нее на глазах.

Моя "Мазда" радостно вздохнула, когда я открыл дверцу, и умиротворенно заурчала. Казалось, она была спокойна за меня только, когда я находился внутри. Эта машина была со мной меньше года, но мы успели сдружиться с ней. Слово "любил" я не мог отнести к машине. Его слышала от меня только одна женщина, та, которую я окрестил "моей маленькой рысью". Она и вправду была маленькой, и когда мы шли с ней вместе, это, наверное, выглядело забавно. Изящество, утонченность, красота — все это были понятия, с Ариной не связанные. Но при этом она была ослепительна, как шаровая молния, и я также цепенел в ее присутствии.

Когда она встречала в дверях, по-мальчишески обряженная в шорты и обвислую майку, меня бросало в жар от ее не видимой дру-

гим прелести, и от неловкости за свой дорогой костюм, свой рост, свое лицо... Арина приподнималась на цыпочках, всегда босая и прокуренная, как беспризорник, целовала меня в щеку, а я едва удерживался, чтобы не подхватить ее на руки и не отшлепать легонько за то, что она опять целый день не вставала из-за письменного стола и наверняка ничего не ела, и не проветривала комнату. Я наспех делал омлет из перепелиных яиц, которые славятся тем, что улучшают работу мозга. Проверить это мне так и не удалось, потому что Ариин мозг и без них работал, как швейцарские часы, а моему уже ничто не могло помочь.

Я думал об Арине, о ее нынешнем творческом кризисе, и о ее магическом воздействии на людей, о которых она пишет, и вдруг едва не залетел на тротуар, не справившись с управлением. В ушах у меня звенело — так внезапно расколосась во мне скорлупа. Внутри нее уже дозрело решение, о котором я и не догадывался. Подогнав "Мазду" к бордюру, я достал платок и вытер лицо, которое было таким мокрым, будто это я сам только что родился. Выход оказался настолько прост, что даже не верилось: как я мог плестись к нему столько лет? Мне стало жутко — я сделаю это? И весело — я сделаю это! Руки тряслись так, что пришлось закрыть глаза и постараться восстановить дыхание. Я стал думать о том, что на заднем сиденье лежит старый желтый

зонт. Его жгучая раскраска не затмевала того дня, когда зонт сыграл роль приманки. А еще говорят, будто кошки не различают цвета... Прихвати я тогда, семь лет назад, черный, зонт, и Арина не сделала бы мне навстречу ни шагу.

То, что я сейчас задумал, заставит ее шагнуть в противоположном направлении. Однако за эти годы во мне созрела уверенность, что моя маленькая рысь вернется. Не ко мне, но в то состояние покоя, которое Арина испытывала только со мной. Сделает свое дело и даже не ужаснется тому, что совершила. Ведь ей никогда не было дела до тех людей, что попадали в ее когти... На это я и рассчитывал.

Глава 2

Волосы липли к лицу, а когда она принималась яростно приглаживать их щеткой, коротко потрескивали, норовя высечь искру. Арина мочила их водой и заправляла за уши, но через пять минут они вновь тянулись к щекам. Обвисшие вязанные рукава то и дело соскальзывали и болтались, хотя Арина задирала их выше локтя. Она рычала и стонала от бешенства, но снять свитер не могла — август выдался дождливым, и в квартире было холоднее, чем зимой.

— Пошел вон, скотина! — орала она на рыжего сеттера, который и без того уже носа в комнате не показывал.

Торопливо цокая, он скрывался в квадратной прихожей и с глухим ворчанием укладывался на коричневое одеяльце. Пес ненавидел дни, когда хозяйка ничего не писала, потому что она становилась куда более нестерпимой, чем если часами молчком просиживала за столом. Тогда, положив крупную голову на скрещенные лапы, Цезарь сквозь дрему наблюдал, как она сутулится, то вздергивая плечи, то что-то восклицая, то надолго устремляя взгляд за окно.

Недели три назад для Цезаря началась настоящая собачья жизнь. Хозяйка называла его не иначе, как "скотиной", швырялась книгами, ни одна из которых не могла ее занять, проклинала изготовителей кофе, и без устали меняла на проигрывателе маленькие диски. От музыки у пса уже болели уши, но стоило ему начать трясти головой, как раздавалось свирепое: "Пошел вон, скотина!"

Губы уже пощипывало, потому что Арина не уставала их кусать. Ее раздражал даже сам воздух, который был то пыльным, то застоявшимся, то... Арина отталкивала слова, которые ни во что не складывались, и ненавидела их все, каждую букву, каждый знак за то, что они существовали независимо от нее, а она без них превращалась в ничто.

За несколько лет Арина успела забыть, что это такое — небытие творческого застоя. Сюжеты теснились в ее голове, отталкивая друг друга, герои рвали ее сердце на части, и едва закончив одну историю, Арина Фролова сразу же начинала записывать следующую. Именно — записывать, потому что рука едва поспевала за тем потоком мыслей и образов, что входили в ее мозг и душу, возбуждая их сильнее любого наркотика. Ей даже приходилось выдерживать себя несколько дней, чтобы законченная вещь успела перебродить в ней и следующая не получилась похожей. И без устали правила и правила рукопись. Кирилл в ужасе хватался за голову: "Как ты разбираешься во всех этих вставках?!" Она в ответ удивлялась не меньше: "А как же иначе? Я же не гладью вышиваю, а книги пишу". Он находил, что у нее — мужской склад ума, и потому, если даже Арина писала о любви, у нее получались истории о войне людей друг с другом.

Но в начале августа все вдруг оборвалось. Закончив роман, Арина прислушалась к себе и оцепенела перед полнейшей тишиной. Такое случалось с ней в самом начале, когда она писала короткие рассказы, перерывы между которыми порой составляли месяцы. Тогда Арине было двадцать, и она начинала паниковать только спустя недели. "Я устала, — решила она. — Мне просто нужна передышка".

Но убедить себя не удавалось. Легкость обернулась опустошением, от которого уже подташнивало. В голове тоже было пусто, потому что Арина не умела размышлять в отрыве от листа бумаги. Только за письменным столом ей удавалось сосредоточиться и набраться от белого прямоугольника строгой сдержанности и чувства формы. Но пока садиться за работу было не с чем — зерно не то что не проклюнулось, но еще и брошено-то не было.

— Август, победитель... Священный и высокий, что же ты со мной делаешь? Черт бы тебя побрал...

Знакомый троекратный звонок не выводил ее из оцепенения. Внутри Арина оставалась такой же съезжившейся от гадливости ко всему, что было снаружи. Но делала вид, будто все прошло, и она наслаждается отдыхом. В ответ Кирилл делал вид, что верит. Ее радовало, что он, наконец, усвоил: добиваться правды от человека, делом жизни которого является сочинительство, — занятие совершенно безнадежное. Потому никогда и не спрашивал, как она относится к нему. Называл ее "маленькая рысь", и Арина завидовала точности придуманного им прозвища. Она и впрямь чувствовала себя одинокой дикой кошкой, которая ощущает потребность в других существах лишь, когда просыпается голод. Не физический. Люди становились ей

необходимы, если воображение утомлялось и нужно было увидеть своего героя воочию. Тогда Арина выбиралась из своего однокомнатного убежища и вливалась в мир, пытливо вглядываясь в лица. Стоило ей обнаружить того, чьи смутные черты рисовались ее фантазией, как она вцеплялась в него мертвой хваткой. Правда, продолжая держаться на расстоянии... По сути, Кирилл был единственным, кого она подпускала близко. Арина жила в затворничестве и не тяготилась им. И хотя она знала, что существует множество людей, которые любят ее книги, в ее жизни их любовь никак себя не проявляла.

Вытащить ее за порог было под силу только Кириллу. Но он редко использовал силу, когда дело касалось Арины. Он был так высок, что мог бы поднять ее одной рукой, однако никогда этого не делал. И она знала наверняка — потому что боится. Арина ни разу не указала ему на дверь (главным образом из-за того, что эта дверь, как и вся квартира, была им же и куплена), и ничем не обидела, но печаль, не сходящая с ухоженного лица Кирилла, даже когда он смеялся, говорила о том, что он постоянно ждет этого.

Однажды он обмолвился: "Иногда я чувствую себя таким ничтожеством рядом с тобой". Она ужаснулась, причем на этот раз совершенно искренне: "Как ты мог подумать, что я связалась бы с ничтожеством?!"

Люди искусства, как бы самонадеянны они не были, в глубине души остаются фаталистами. И Арина никак не могла избавиться от ощущения, что Кирилл подослан ей судьбой. Ведь он возник как раз в тот момент, когда Арина освободилась от девчоночьей потребности отыскать мужчину, которому могла бы поклоняться, и поверила в то, что сама способна стать личностью, достойной поклонения. Тут-то и появился Кирилл, с его детскими глазами и смешным желтым зонтом. Когда Арина вкусила его губ, ей стало абсолютно безразлично, что он занимается такой бессмыслицей, как ресторанный бизнес.

Их отношения длились уже больше семи лет, и как-то он даже решился сделать ей предложение. Но вырвавшееся у Арины: "О нет!", сразу все расставило по местам. С тех пор Кирилл ни на минуту не забывал: то, что ему позволено обеспечивать быт этой женщины — величайшая милость с ее стороны. На эту роль он еще годился. Но стать мужем...

На этот раз Арина даже не откликнулась на голос звонка и продолжала курить на диване, обхватив голые колени. На все несчастья наложился гнет клеветы, и сегодня ей не хотелось никого видеть.

Открыв дверь своим ключом, он ворвался в комнату.

— Что с тобой, маленький?!

— Отстань, — буркнула Арина. — Не до тебя.

Он вернулся в прихожую, разделся и неуверенно присел на другой конец дивана.

— Что случилось?

— Ненавижу баб! — она выпустила столько дыма, что Кирилл чуть не задохнулся. Он не переносил запаха табака, но ради него Арина и не подумала бы бросить курить.

— Кто тебя обидел?

— Мне позвонили сегодня... Старая знакомая. В их школе две су... В общем две учительницы обсуждали один мой роман... — она спихнула книгу с дивана. — Вот этот. И хоть бы что-то толковое сказали, а то заявили, что я надергала в него ото всюду, и ничего своего тут нет. Это я-то! Да я сдохну однажды за этим столом, столько себя отдаю!

— Я вижу, как ты работаешь.

— Это, мол, плевое дело — написать такой роман!

— Маленький, — Кирилл подобрался поближе, — тут даже переживать не о чем! Прimitивная зависть.

— Я всегда спокойно переносила критику, но такое обвинение должно на чем-то основываться. Я никогда...

— Я знаю, — он прижал ее и замер от нежности к этому неуправляемому существу. — А ты забыла, что тебе говорили на прошлой неделе? Что твой последний роман — гения-

лен. Что ты — лучший современный прозаик. Разве это не перевешивает? А вот что я тебе скажу от себя... Мы с тобой, конечно, безбожники, но вот в твоих книгах есть Бог. Ты пишешь жестко, но в целом вещи получаются светлыми. Я не знаю, как тебе это удастся... Людям нужны твои книги. Они же их дожидаться не могут! Потому и читают в рукописях. Многие ли писатели могут этим похвастаться? Плюнь на этих дур, маленький! Они не стоят того, чтобы ты так переживала.

— Но эти люди преподают детям литературу!

— Бедные дети...

— Бедная литература!

— Успокойся. Или отведи душу и угрожай парочку своих героев. Это тебе поможет.

Она фыркнула, бросила сигарету в желтую литую пепельницу и потерлась о его плечо.

— Хорошо, что ты пришел, королевич!

— Все, забудь. Жизнь прекрасна и удивительна!

— Жизнь ужасна и отвратительна... На улице все также мерзко?

— На улице — восхитительно, — ответил Кирилл и открыл форточку. — Одевайся, маленький, мы идем гулять.

Пес вздрогнул всем телом и часто завилял хвостом.

— Гулять?! Ты с ума сошел! В такую погоду?

— Мы и встретились под дождем, забыла? Тебе нужен свежий воздух, — Кирилл подтолкнул ее к шкафу. — Что наденем? Ну конечно, штанишки. Куда ж мы без штанишек? Ты заметила? Я захватил свой желтый зонт.

— Черт возьми! Он еще жив?

— Мы тоже. Иногда мне кажется, что мы даже молоды... Маленький, а я хочу предложить тебе одну вещь...

Она выхватила: предложить. Это Кирилл понял по мгновенно расширившимся зеленоватым глазам. Промелькнувшее у нее в голове: "О, нет!" было столь ослепительно, что Кирилл сумел прочесть.

— Поехать! — выпалил он, еще не успев мысленно, составить предложение. Просто бросил ей слово, как спасательный круг: живи, живи, я совсем о другом!

— Мило! Куда на этот раз? — облегчение тепло задрожало в ее голосе — низким, неожиданном для ее маленького тела. — Ты же знаешь, мне некогда болтаться по миру.

— Недалеко. К Лари.

— Черт возьми! Твой босс хочет приготовить рагу из молодого прозаика?

"Мне удалось ее удивить, — с облегчением подумал Кирилл. — Теперь осталось убедить". Он бросил на диван джинсы и пуловер песочного цвета — в тон ее волосам. Потом, заставив Арину поднять руки, стянул с нее потерявший форму свитер. Под ним, как всегда,

ничего не было, и Кирилл не утерпел, воровски вобрал губами ее грудь.

— Эй-эй! — возмущенно прикрикнула Арина. — Ты что это делаешь? Так мы уж точно никуда не пойдем!

"А я уже никуда и не хочу", — подумал Кирилл, но тут же вспомнил, что без него она так и просидит еще сутки в задымленной комнате. Он вздохнул и стал одевать ее, приговаривая, как делают любящие мамы:

— Сейчас мы с тобой отправимся на прогулку... Я открою свой желтый зонт, и мы представим, что идет "слепой" дождь. И я куплю тебе шоколадку, хочешь?

— А когда я не хотела шоколада? — отозвалась Арина.

Застегнув ей джинсы, он выпрямился и на какой-то миг замер в растерянности, внезапно увидев себя ее глазами: слишком изысканный овал лица, слишком бледная кожа, слишком нежный рот, слишком красивые серые глаза, слишком густые ресницы... Однажды Арина сказала, что его можно определить одним словом — королевич...

— Ну, пойдем! Мне уже самой захотелось гулять.

"Моя хитрая лгунья, — подумал он с нежностью. — Удастся ли мне перехитрить тебя?" Прихватив собаку, они спустились вниз. Пока Кирилл открывал зонт, она придерживала дверь подъезда, чтобы Цезарь не

потерял их. Когда они нырнули под дождь, он обнял ее за плечи и оглянулся на свою "Мазду", которая осталась мокнуть у подъезда.

— Свистни ей, — усмехнулась Арина. — Может, и она отправится с нами? А то у тебя сейчас слезы покатятся. Почему ты стал кулинаром? С твоей сентиментальностью надо было писать стихи.

— А кто бы тогда кормил нас обоих? — спросил Кирилл и пожалел об этом, потому что Арина вполне могла ответить: "Меня бы тогда кормил кто-нибудь другой. А тебя не знаю". Но она сказала:

— Помнишь "Любовников с нового моста"? Мы бы ночевали под открытым небом и промышляли воровством.

Дождь шумно зашелестел от порыва ветра. Арине подумалось, что в смехе ее королевича всегда слышится надрыв, будто он делает это через силу, чтобы не заплакать.

— А хорошо тут! — протянула Арина. — Почему мне не пришло в голову пойти погулять?

— Это всегда последним приходит тебе в голову. Даже странно, что мы встретились на улице.

— Не ворчи. Итак, что там с твоим Лари? С какой стати я поеду к чужому человеку? Даже если ты считаешь его чуть ли не отцом. Хотя у него ведь был свой сын? — Она заме-

тила, как вдоль его скул прорезались горькие длинные линии.

— Был сын и есть, — голос Кирилла не изменился. — Максим. Я звал его Максом. Так ему больше нравилось.

— Твой Лари похож на старого цыгана. Макс такой же?

— Раньше он был совсем другим.

— Он уехал, — вспомнила Арина. — А куда?

Он пожал плечом, задрав ей сзади волосы.

— Шляется где-то. Звонит иногда. Главное — жив, — помолчав, Кирилл добавил: — Один раз Макс уже чуть не покончил с собой. Наверное, этого достаточно. Тогда ушла его мать. Макс всегда больше любил ее, чем Лари. Они оба были слегка сумасшедшими... Я до сих пор не понимаю, почему она не забрала Макса с собой. Это выглядело так, будто она его просто забыла. Макс наглотался таблеток...

Поглаживая его длинные пальцы, Арина спросила:

— Почему он уехал? Не захотел работать у отца?

— Макс вообще не хотел работать. Когда Лари впервые привел нас к себе в ресторан, мы еще и в школу-то не ходили. Я просто ошалел... Мы с мамой тогда ели алюминиевыми ложками, а там был какой-то сказочный, сверкающий мир!

Ужас настиг его новым порывом влажного дождя: "Лари, Лари! Неужели я это сделаю с тобой? Я уже это делаю, Лари... Неужели к этому я и шел двадцать лет? Это зрело во мне исподволь, а я и не замечал. И вот оно уже вырвалось и затянуло мою девочку, а я не могу и пальцем шевельнуть, чтобы остановить то, что сам и начал..."

Слегка отклонившись, Арина подняла голову. Дикий крыжовник ее глаз наливался спелостью, пытаясь проникнуть в душу, но Кирилл был к этому готов. Его даже не испугало, что в собранном Арином лице опять проступило что-то рысье. Когда ее желтоватые волосы были короче, они топорщились за ушами, как кисточки.

— Это все ужасно интересно. Только я так и не поняла: какого черта мне надо ехать к Лари?

"О господи, она догадалась!" — похолодел Кирилл, однако голос его прозвучал бесстрастно:

— Я не сказал "надо". Я просто предложил. Мне кажется, Лари как раз тот человек, о котором тебе будет интересно написать. У него отпуск. Я договорился, чтобы ты пожила у него пару недель на свежем воздухе.

"А хватит ли пары недель? Лари ведь не восторженный мальчишка..." Отогнав эту мысль, Кирилл воскликнул:

— О господи, как я проголодался!
— Давай купим по сосиске в тесте, — предложила она.

— Фу! Разве это можно есть?

— Ах ты, гурман хренов, — в сердцах сказала Арина. — Все детство ел алюминиевой ложкой, а вырос аристократом. Когда ты идешь по улице, к тебе приблизиться страшно.

Он простодушно расширил глаза:

— Когда это тебе было страшно?

— Да как-то раз видела... Перед тобой толпа расступалась. Твоя прабабушка не служила у великого князя?

— Как ты можешь так думать о моей прабабушке?!

— Ты хоть знаешь, как ее звали?

— Нет. Не помню. Надо посмотреть в старых альбомах.

Арина наставительно произнесла:

— Надо помнить свое прошлое, королевич!

— Не всегда, — отозвался он. — Иногда его лучше забыть.

Глава 3

В первые месяцы, когда я просто с ума сходил, изобретая способ, как приручить мою маленькую рысь, то пытался воздействовать

на простейшие органы чувств. Если со стены исчезают часы, человек должен заметить переполненность дома тишиной. Я пропадал на неделю, не звонил ей, а когда возвращался, то не слышал ни одного вопроса...

Я давно перестал ревновать Арину к людям, которые становились героями ее книг. Даже научился находить забавным то, как она выслеживает человека, который сам того не подозревая, стал центром ее загадочной Вселенной. Как она запоминает все его жесты, улыбки, повороты головы, гримасы, как ловит интонации голоса, переливы смеха... Словно хищный цветок моя своенравная девочка затягивала в себя жертву и, напившись ее соками, выплевывала, отторгала напрочь. Вся беда была в том, что ее мощное притяжение отзывалось в мужчинах целой гаммой чувств: удивлением, смятением, интересом... Когда с их стороны дело доходило до влюбленности, Арина успевала дописать очередной роман, и его герой переставал ее занимать.

Я уже и не помню, как вышло, что мне пришлось взять на себя роль разъяснителя. Наверняка, я сам же и вызвался... Обзывая себя безмозглым тьюфяком, я брал в ресторане бутылку хорошего красного вина, чтобы хоть чем-то укрепить организм несчастного, и являлся к тому домой. потому что обычно это оказывался кто-нибудь из знакомых. Стара-

ясь смотреть прямо в измученные, больные глаза, я нес какую-то чушь о сложности творческой природы, о быстротечности всего в этом мире. И не верил ни единому своему слову. Как не верили и все эти люди... Я понял это, когда после моего ухода, один юноша попытался покончить с собой.

Тогда я впервые вышел из себя и заорал на Арину. Свирепея от холодноватого непонимания, поблескивавшего в ее взгляде, я кричал, что нельзя так обращаться с людьми, что они живые не только в ее книгах, но и на самом деле, что если бы ей самой... Тут я замолчал, ведь представить, что ей самой доведется испытать хоть нечто подобное, было совершенно невозможно.

Когда мы встретились, Арина не была еще известной писательницей. То есть она уже что-то писала, и несколько рассказов даже были опубликованы в местных газетах. Но тогда литература еще не заменила ей остальной мир. Если бы мы познакомились года на три позднее, она в лучшем случае написала бы обо мне роман, и тут же забыла.

Наверное, Арина терпела меня до сих пор потому, что я был единственным свидетелем ее первых успехов и неудач. Я открывал "Шампанское" и утирал ей слезы. Она дарила мне оригинальные экземпляры своих книг, а я — ужин в своем ресторане. Я бы водил ее туда каждый вечер, но Арине было не до

этого, Тратить на еду время, принадлежавшее творчеству, казалось ей преступным.

Я любил наблюдать, как она пишет, хотя посторонний взгляд не обнаружил бы в этой картине ничего привлекательного. Она крючком изгибалась над столом, подперев левой рукой голову, и пряди волос свешивались между растопыренными пальцами, как пучки соломы. В эти часы мы с Цезарем тихонько сидели в уголке, я читал, а он дремал у моих ног, зная, что к хозяйке лучше не приближаться. Единственное, что она разрешала с благодарностью — это подсовывать ей изредка чашечку кофе. Она говорила, что я варю его лучше всех...

...От Арины я сразу поехал домой, потому что умирал с голоду, а она утверждала, что уже пообедала. Ради меня ей бы и в голову не пришло встать к плите. Когда Арина злилась, то обзывала меня "колбасником". Для нее не было ничего более презренного, чем изготовление хлеба насущного. Хотя есть его Арина не отказывалась. Я не спорил с ней и знал, что никогда даже не приоткрою перед этой женщиной завесу в тот очаровавший меня в детстве мир удивительных превращений и безграничной фантазии, что назывался приземленным словом "кухня". Если б Арина только почуяла силу кулинарной магии, то непременно уцепилась бы за эту находку, и внутри нее неудержимо, как зародыш мутанта в

фильмах ужаса, начал бы вызревать новый сюжет. И его героем мог бы оказаться я. Как раз это и пугало.

Стоило мне только ступить на порог нашего "Ермака", и закрыть за собой дверь, как я оказывался в другом мире, где всегда царили веселье и праздник, а беды были пустяшны — поломка холодильника, необязательность поставщиков... И даже Лари, при одном появлении которого все обмирали, если и был злодеем, то ненастоящим. Я понимал, что он ограждает меня от львиной доли проблем, которые время от времени сваливались на ресторан, но вовсе не был благодарен ему за это. Для персонала я был вроде наследника трона, которому положено оказывать почтение, но прислушиваться к его указаниям не обязательно. Меня выручало то, что у нас работали добрые люди, которые хорошо ко мне относились. И я старался сделать "Ермак" первым среди многих, придать ему оттенок элитарности. Лари называл меня прожектором и снобом.

— Кто этот оборванец на эстраде?! — врывался ко мне Лари. — Кого опять притащил?

Я отвечал как можно тверже:

— Это лучший исполнитель нетрадиционной музыки. Да ты послушай его, Лари!

Но он каждый раз отвечал:

— Не надо нетрадиционного.

— Надо, Лари. Публику уже тошнит от попсы. Завтра будут девчонки из варьете, я уже договорился, но не каждый же вечер! Иначе к нам потянется одно быдло.

Лари выхватывал из кармана свою трубку. И это было, самым убедительным аргументом, потому что от любого табачного дыма я заходил в кашле и уже ничего не мог возразить. Набивая коричневую чашечку, он напоминал:

— Быдло платит, котенок.

— Я знаю. Завтра они насладятся. А сегодня в зале много моих знакомых. Лари, не кури! Ты хочешь меня убить?

Делая скользящие, едва слышные шаги, он заходил за мое кресло и, заставив откинуться на спинку, долго гладил меня по голове сухой теплой ладонью. Я ненавижу такие минуты, но это было легче перенести, чем запах табака. К тому же я давно знал, как всем нравится запускать руки в мои волосы. Даже Арине. Когда мы встретились с ней, я был в душе совсем мальчишкой и слегка выпендривался, делая химическую завивку. Но Арина не имела ни малейшего представления о всяких парикмахерских ухищрениях. Она решила, что мои волосы и впрямь вьются крупными спиральками. С тех пор мне приходилось делать завивку постоянно, чтобы не разочаровать ее.

Вернувшись к себе, я застал маму дома. С самого детства мне было страшно входить в пустую квартиру, и после уроков я сразу отправлялся к Максy. Когда мама стала получать пенсию, я уговорил ее бросить работу в своей поликлинике. Уединение хорошо, когда ты сам полон. С довольно давних пор во мне воцарилась такая пустота, что я не мог оставаться с собой наедине. Я шарахался от зеркала и тайком от мамы глотал снотворное, чтобы опрокидываться в темноту сна прежде, чем первая мысль успеет созреть в моей голове. Я боялся себя, а Макс больше не желал меня видеть. И мне тогда было всего пятнадцать...

— О господи, какой же ты бледный, — мама со вздохом провела по моей щеке ладонью. — И похудел.

Руки у нее до сих пор были нежными и тонкими. Еще мальчишкой я прочитал об одном французском скульпторе, который делал слепки красивых женских рук, и сказал маме, что когда-нибудь повезу ее в Париж специально для этого. Она так разрыдалась, что я перепугался и долго просил прощения, не совсем понимая — за что? В свою очередь, мама до сих пор испытывала вину передо мной за то, что не удержала когда-то мужа; и за то, что ни один из ее друзей так и не заменил мне отца; и даже за то, что я сам до сих пор не стал отцом. Она во всем была готова винить себя,

хотя, клянусь Богом, я никогда не упрекал ее даже в мыслях.

— Дай же я хоть рассмотрю тебя! — мама повернула меня к свету. Изучив мое лицо, она пришла к выводу, что сегодня я выгляжу еще более несчастным, чем обычно.

— Отчего бы мне быть несчастным? — возразил я. — Ты — здорова, дела идут, ресторана в моем распоряжении, пока Лари в отпуске. Кстати, я собираюсь отвезти к нему Арину.

Первое время, когда я только заговаривал о ней, маму слегка передергивало. Потом она смирилась, но до сих пор считала наши с Ариной отношения "ненормальными".

Лаская мои волосы, мама с обидой говорила:

— За тебя с радостью пошла бы любая девушка!

— Ты хочешь, чтобы я женился — на любой?

— Я начинаю думать, что это лучше, чем ждать свою сумасшедшую писательницу до девяноста лет.

Мама даже не догадывалась, что я купил Арине квартиру. Если бы она узнала, что я одним махом потратил на нее все деньги, что Лари дал мне скопить за годы работы, в нашем доме уже толпились бы психиатры всего города...

Когда я заговорил о том, что собираюсь отвезти Арину в гости к человеку, к которому мама столько лет меня ревновала, на ее лице появилось выражение неподдельной обиды.

— Зачем? — коротко спросила она и скрылась на кухне.

Если б я мог сказать ей — зачем! Если б я мог сказать хоть кому-то... Но в городе не росли тростники и не рыли колодцев. Я был обречен носить свой замысел в себе, незаметно расплющиваясь под его грузом. Как монетки, которые в детстве мы с Максом подкладывали под колеса трамваев, я начинал терять форму, и все начертанное в моей душе Богом расплывалось бессмысленными загогулинами.

Я зашел следом за мамой на кухню, которую обставил всеми существующими в мире бытовыми приборами так, что она стала походить на экспериментальную лабораторию. Каждую новую покупку мама принимала в штыки и твердила, что никогда в жизни не научится пользоваться "этим чудовищем". Спустя месяц она расхваливала "это чудо" по телефону. Наблюдая, как она с легкостью программирует микроволновую печь, я спросил:

— Чего ты всполошилась? Арине надо отдохнуть. К тому же Лари заинтересовал ее, как типаж.

Это все было правдой. Когда печка монотонно загудела, мама обернулась, и в ее голосе прозвучала жалость:

— Ты у меня какой-то слабоумный, честное слово! Кто же увозит свою женщину к другому мужчине?

— Лари шестьдесят два года! К тому же, Арина не заводит романов. Она их сочиняет.

— Можно подумать! Если ты — ее единственный мужчина, почему же она не выходит за тебя замуж?

— Уж тебе ли объяснять, что иметь мужчину и быть замужем — совершенно разные вещи?

— Ты у меня такой красивый, — произнесла она, и жалость в ее голосе загустела. — Она не боится тебя потерять?

— Арина — храбрая женщина.

Мама вздохнула с таким горьким постаныванием, будто узнала, что ее любимый сын неизлечимо болен.

— Господи, как же ты занимаешься бизнесом? Тебя, наверное, дурят направо и налево! Ты же совсем простодырый, — она схватила полотенце, и принялась яростно тереть запотевшие окна: — Да если б мне... в свое время... встретился такой парень, как ты... Высокий, красивый, умный, при деньгах... Да что ей еще надо этой твоей Арине?!

Она швырнула полотенце на край раковины и заплакала, прикрываясь ладонями. Ког-

да я ее обнял, мне показалось, что в руках у меня обмирает от горя маленькая девочка.

— Она не любит меня, мама, — сказал я. — Только терпит. Что я могу тут поделать?

Глава 4

Собирая сумку, Арина первым делом уложила две пачки бумаги и несколько ручек. Что положено брать за город из вещей она понятия не имела и решила дождаться Кирилла. "Как ты жила до меня? — ворчал он в такие моменты, польщенный тем, что Арина не сумела без него обойтись. — Питалась яичницей и ходила в одних джинсах?" Вся ее одежда была куплена им. Арина не только не просила ее, но и отбрыкивалась: "Зачем это? Все равно я не выхожу из дома". Он резонно возражал, что иногда все-таки выходит. Хотя бы с ним вместе. Сам Кирилл всегда выглядел так, что ее знакомые говорили: "Твой парень, словно с подиума сошел". Их тон подсказывал недоговоренное: "Сошел-то он с подиума, но почему к тебе в квартиру?!"

Однажды утром она проснулась первой, что случалось крайне редко, и увидела, как от ресниц Кирилла поползла к виску слеза. Всего одна. Арина замерла, наблюдая, и вскоре он зашевелился, растревоженный ее взглядом.

— Что тебе снилось? — спросила она, пока он не забыл.

— Ты.

— Правда? И что же я делала?

— Ты любила меня...

Она сурово сказала:

— Ты — сентиментальный дурак! Я и так тебя люблю.

— Да? — произнес Кирилл с сомнением. — Наверное, да.

Ее умиляли его ребяческие попытки держаться того уровня, на котором, по его же мнению, он мог быть ей интересен. Кирилл смотрел ее любимые фильмы, выхватывал книги, которые она читала. Но всегда оказывалось, что Арина их перечитывает, а он впервые слышит имя автора.

— Темнота, — как-то бросила она в шутку. — Пищевой институт... И как я только тебя терплю?

— Любишь, наверное? — подсказал Кирилл, и Арина сразу уловила, как он сжался изнутри.

Арина вовсе не была холодным человеком. Скорее наоборот: ее душа представляла собой сгусток любовной энергии, которой она заряжала свои книги, и потому люди, прочитавшие их, неделями не могли выйти из-под ее власти. Оставляя для Кирилла закуток, ее сердце переполнялось болью за каждого, кто хотя бы бочком проходил сквозь

роман. Когда они страдали, Арина страдала вместе с ними, а если кто-нибудь погибал, у нее случались сердечные приступы. Столкнувшись со смертью героя, Кирилл не совсем всерьез кричал ей, швыряя листы рукописи: "Убийца!" Она также в шутку оправдывалась: "Я ничего не могла поделать! Мне тоже его жаль". Капризный рот Кирилла искажался злой усмешкой: "Ты просто жить не можешь без чьей-нибудь крови!" Одна мысль об Ариной кровожадности возбуждала его, и он доводил ее до такого иступления, что потом неделю ходил весь искусанный.

"В твоих книгах постоянно присутствует смерть, — как-то заметил Кирилл. — Зачем? Почему это так важно для тебя?" В ответ она процитировала Кушнера:

Но и в самом легком дне,
Самом тихом, незаметном,
Смерть, как зернышко на дне,
Светит блеском разноцветным.
В рощу, в поле, в свежий сад,
Злей хвоща и молочая,
Проникает острый яд,
Сердце тайно обжигая.
Словно кто-то за кустом,
За сараем, за буфетом
Держит перстень над вином
С монограммой и секретом.
Как черна его спина!
Как блестит на перстне солнце!
Но без этого зерна
Вкус не тот, вино не пьется.

Кирилл выслушал ее, как всегда очень внимательно, словно был прилежным учеником. Потом признался: "Я много думал о смерти в юности. А сейчас — нет". Арина усмехнулась: "Но о чем-то же ты думаешь наедине с собой?" Он ответил вполне серьезно: "Конечно, о тебе".

В людей, которых создавало ее перо, Арина вдыхала собственную душу, и этих душ оказывалось так много, что она и сама порой ужасалась своей многоликости. Иногда Арина придирчиво выбирала самого подленького из персонажей и пристально разглядывала: "Неужели и это тоже я?" За спиной раздавалось противное хихиканье: "А то кто же?" Тогда она задумывалась: существует ли в мире та грань зла, которой не нашлось бы места в ее душе? Ответ удручал, но на помощь приходили те герои, о которых люди из реального мира вздыхали: "Вот бы встретить такого (такую)..." И Арина с облегчением понимала, что ведь и это — тоже она.

Читательницы тихонько признавались: "Я просто влюбилась в вашего..." Имена назывались разные. Арина слушала их с удивлением и жалостью, ведь они еще не знали героя той вещи, которую она только писала. И который, конечно, был — несравненным, ведь именно он составлял ее сегодняшнюю жизнь. Спустя год, Арина с недоумением выслушивала дифирамбы в его адрес. "Ах, тот... Да,

этот роман был неплох... Но та вещь, что я пишу сейчас!"

...Отпихнув сумку, она раскинулась на диване и беззвучно рассмеялась. Пишу... В смешном коротеньком слове заключалось столько скрытого от остального человечества счастья, что Аринино сердце не раз переполнялось сочувствием к этому человечеству: "Чем же вы живы до сих пор?!" Лишись Арина Фролова своего дара, что бы от нее осталось? Она отмахивалась от наплывающего страшноватого образа: одинокая женщина в возрасте Христа, заурядной внешности, привязанная к одному только глуповатому псу... Но то азартное веселье, что уже закипало у нее в крови, подтверждало — пока волноваться не о чем. Секущим дождям не удалось изрешетить ее дар до состояния сплошной дыры.

Перечитывая написанное, она и сама удивлялась: откуда взялись эти мысли, эти печальные образы, этот завораживающий ритм, в который попадаешь с первой строки и не можешь выпасть до последней? Она до сих пор помнила самый первый упрек в свой адрес: "Вы пишете слишком интеллигентски". Поразмыслив над этими словами, Арина даже обрадовалась, потому что всегда боялась обратного — простоватости. Ей негде было набраться интеллигентности. Арину угораздило родиться в семье многодетной, а соответственно — полунищей, где на жизнь отец за-

рабатывал, спускаясь в забой. В беспорядочных воспоминаниях детства просматривалось постоянное мельтешение, и только одна фигура оставалась статичной — не отходившая от плиты мать.

"Вокруг меня все только и делали, что ели, — как-то призналась она Кириллу. — А если нечего было есть, то думали о еде. Наверное, поэтому я так ненавижу готовить".

Уединение среди книг, которых у нее не было, стало для маленькой Ариши единственной несбыточной мечтой. Судьбе было угодно наградить ее. Кирилл предоставил ей возможность жить в одиночестве, Арина же заполнила его книгами. Которые, к тому же, были ее собственными.

Глава 5

— Откуда такое странное имя — Лари? — спросила Арина уже на выезде из города.

— На самом деле его зовут Илларион. По моему, в нем есть грузинская кровь, — пояснил Кирилл, не отрывая взгляда от дороги, которая не успевала просохнуть в перерыве между дождями. — В детстве его называли Илей. Это он отверг. Жена придумала звать его Лари.

— Мило! Сколько ему лет? — спросила она, стараясь не глядеть на Кирилла.

Противное чувство вины закопошилось в душе, как бывало всякий раз стоило Арине только занести ногу над тропой невинного увлечения, подпитывающего ее фантазию. Голосом Кирилла оно шептало (крик уже истощился за долгие годы), что нельзя так обращаться с людьми, что и он сам — живой человек, хотя так и не стал героем ее романа. В такие минуты Арина сникала и почти робко гладила его тщательно выбритые щеки. Все же Кирилл оставался единственным родным человеком, и с ее стороны, конечно, было свинством... Обычно Арина прощала себя раньше, чем успевала договорить фразу.

— Уже шестьдесят два. А он и не думает уходить на покой, — он даже глотнул воздух, пытаясь поймать последние слова. Арина соображает так быстро, что способна распутать его замысел до того, как он успеет придумать достойное оправдание. То безразличие, с которым она приняла эту фразу, могло оказаться обманчиво, как и все в ней.

— У него большой дом?

— По нынешним меркам — не очень. Будь я хозяином ресторана, я бы построил побольше.

"Идиот, — простонал он, спохватившись. — Какой из меня, к черту, интриган! Что на уме, что и на языке..."

Насквозь промокший лес вокруг них выглядел вертикально поставленным боло-

том — бурым, зыбким, ведущим какую-то пугающую, смертоносную жизнь. Пальцы Кирилла стиснули руль, будто стоило выпустить машину из-под контроля, и ненасытная трясина поглотила бы их. Столько раз он мечтал об этом, а сейчас от напряжения, с которым Кирилл удерживал машину, заболела спина. Его маленький зверек возился на соседнем сиденье, и Кирилл готов был сам лечь под колеса, только бы "Мазда" благополучно миновала несуществующее болото и вывезла Арину к жизни.

— Эй, ты чего? — окликнула она. — У тебя сейчас такое лицо... Словно ты душишь кого-то.

— Нет, маленький, ничего подобного, — заверил Кирилл. — Это приближение Лари так на меня действует. Вот его дом.

Арина одобрительно заметила:

— Ну, не такая уж избушка. Два этажа. Одному-то хватит! Или он не один?

— Я не знаю. Мы никогда не разговариваем на такие темы. Все-таки я ему не сын...

Она издала какое-то фырканье:

— Но ты-то сводил меня показать ему!

Кирилл так улыбнулся, что у нее сжалось сердце: "Это не мужчина, а просто Аполлон Бельведерский!"

— Ты — единственное, чем я могу гордиться, — сказал он.

— А твой ресторан?

— Это не мой ресторан.

— Но когда-нибудь он станет твоим. Я ведь знаю о твоих грандиозных планах.

Кирилл ответил на удивление спокойно:

— Лари отмел их все. Он боится перемен. У него слабое сердце. Третьего инфаркта ему не выдержать.

"Да кто ж меня за язык-то дергает?!"

→ Первый случился, когда Макс попытался отравиться?

Что-то дрогнуло в нем, будто машина угодила во временную яму, и на мгновение Кирилл очутился внутри себя тринадцатилетнего. Он ощутил ступнями сухую корявость тропинки, ведущей к реке. Макс, как всегда, сзади, но Кирилл не выпускает его из виду — тощего, сутулого, невзрачного. Они с разбегу влетают в воду, и Кирилл не удерживается, повизгивает, хлопая по груди мокрыми ладонями. Но тут темные маленькие глаза Макса наплывают дрожащими сигналами беды: "Слушай, а я наглotalся таблеток..."

Первое, что Кирилл ощутил — не страх, а обиду: "Ах так, тебе наплевать, что я останусь один? Друг называется!" Уже потом он тащил упирившегося Макса к дому, где не оказалось никого из взрослых, и Кирилл от отчаяния орал и матерился, не зная, что предпринять. Телефона тогда у Лари не было. Решив, что один добежит быстрее, он оставил друга возле дома, а сам помчался к магазину,

где был автомат, и долго дозванивался в "Скорую". Вернувшись, он обнаружил, что Макс засыпает, и перепугался еще больше. Подхватил его подмышки и поволок навстречу "Скорой". К счастью, дорога шла под гору, и он заставлял Макса переставлять ноги. Это облегчало ему задачу и не позволяло Максуснуть. Они встретились с машиной на повороте к городу.

Кирилл тогда был так растерян, что даже не попросил взять его с собой. И только когда "Скорая" отъехала, испуганно рванулся следом. Он так и бежал за Максом, не решаясь остановить машину, ведь у него не было денег. Вдруг одна из них притормозила сама: "Эй, парень, ты куда на ночь глядя?" Только тогда Кирилл заметил, что уже стемнело. Водитель беспечно сказал: "А я думаю: грабитель по дороге бегать не станет. Случилось что-то у человека... Да ты к тому же пацан совсем!" Но Кирилл в тот день перестал быть пацаном, потому что спас жизнь своего друга.

Арине он об этом не рассказывал, опасаясь вызвать интерес к Максусу. Тогда она принялась бы расспрашивать, и вынудила его рассказать и то, что было позднее и навсегда развело их... А этого не знал ни один человек, кроме Лари. И, несмотря на случившееся, Кирилл верил, что Лари не обмолвится ни словом, потому и решил отвезти Арину к нему.

Подсознательно он чувствовал, что пороки зачастую связывают людей прочнее, чем добродетели:

— Какого лешего он забрался так далеко?

Светлые волосы метались перед глазами Кирилла единственным крылом любопытной птицы, потому что Арина без усталости вертела головой.

— Сердечникам нужны тишина и свежий воздух.

Остановив машину, он пристально поглядел на Арину, однако последние слова не произвели на нее впечатления. Здоровье Лари могло интересовать ее только с точки зрения использования этого обстоятельства в романе. Если по сюжету списанный с него герой должен быть здоровым и крепким, то хоть умри Лари, она бы не обратила на это внимания.

Закрывая машину, он следил, как Арина плавными движениями заправляет за уши волосы, вытягивает незагорелую шею, пристально осматривается. В ней уже ничего не осталось от того издерганного, ненавидящего мир существа, которое пару дней назад металось по квартире и едва сдерживалось, чтобы не сплюнуть на его голову ругательство.

"Она родилась в год Змеи, — вспомнил Кирилл. — Старая кожа сброшена и забыта. Сколько их будет этих кож?"

— Лари! — воскликнул он так, будто они не виделись полгода. — А я уж подумал, что тебя нет.

— Как же! Жду, — отрывисто проговорил Лари.

Он вдруг притянул Кирилла за шею и поцеловал в щеку. Арина едва сдержала смех, когда бледное лицо ее королевича покрылось багровыми пятнами.

— Что это с тобой, Лари? С чего такие нежности?

— Соскучился, — он повернулся к Арине, и наклонил голову так, что седые волосы скользнули вдоль узкого лица. Его взгляд исподлобья Арине не понравился, но она храбро протянула руку. Сухая темная кисть Лари неуверенно потянулась навстречу.

Заметив знакомый прищур, которым Арина отмечала годные для работы детали, Кирилл спрятал усмешку: "Рысь вышла на охоту". И тут же забыл и о ней, и о Лари, потому что дверь снова негромко скрипнула. У него вырвалось:

— Макс! — Он захлебнулся словами, которые хлынули возмущенной лавой и до того обожгли горло, что Кирилл больше не мог говорить.

Максим шагнул с крыльца, и оказалось, что он по-прежнему почти на голову ниже и также слегка сутулится, и одежда на нем, как и раньше, висит мешком.

— Он вернулся ночью. Я не успел предупредить.

— Да-да, конечно! — буркнул Макс, как в детстве дважды повторяя слова. — Я сам просил не говорить тебе. Ведь тогда ты не приехал бы? Я хотел тебя увидеть.

Стараясь не забыть ни малейшей детали, Арина следила за этой сценой. И заодно пыталась вспомнить, доводилось ли ей видеть Кирилла настолько ошеломленным. На его лице всегда сохранялось несколько заносчивое, но при этом несчастное выражение, будто он и вправду был королевичем, которому заранее отказано в праве на трон. Но сейчас было похоже, что он лишается престола именно в эту минуту.

Наконец Кирилл сказал:

— Здравствуй, Макс, — и протянул руку.

Максим посмотрел на нее с недоумением, словно не знал, что должен сделать. "Он ждал, что они обнимутся, — догадалась Арина. — Сколько же процентов правды о вашей дружбе, я от тебя услышала, мой ресторанный бог? Да ты, оказывается, не так прост, как я думала!" Макс не произвел на нее впечатления. Он выглядел бесцветным и полусонным.

— Ты изменился, — заметил Макс, глядя в сторону.

— А ты — ничуть. Познакомьтесь... — Кирилл обернулся к Арине, и у нее перехватило

дух от вспыхнувшей в его детском взгляде мольбы. Не колеблясь, она шагнула к нему и, обхватив за пояс, прижалась всем телом. И почувствовала, как подрагивает рука, опустившаяся на ее плечо. "Что с тобой, бедный мой? Что тебе сделал этот Макс?"

Внезапно равнодушные глаза Макса ожили, и все его лицо неуловимо изменилось. Возле губ наметились веселые полукружья. "А! — воскликнула Арина про себя. — Вот это уже на что-то похоже". Присев, он раскрытой ладонью ухватил Цезаря за шею и восторженно спросил:

— Это твой? Мечта собачника!

— Это наш, — произнесла Арина прежде, чем Кирилл успел ответить. Он так и повернулся к ней с приоткрытым ртом. Губы у него были пухлые и нежные. Арина вытянула шею и поцеловала их. "Кажется, он совсем обалдел, — скрывая улыбку, она спрятала лицо у него подмышкой. — Ладно, чего там... Он же мне не чужой".

— Пойдемте в дом, — Лари сделал приглашающий жест.

Приотстав, Кирилл спросил:

— Ты насовсем, Макс? Или так, погостить?

Разглядывая прибитую дождем траву, Максим еще примял ее ногой, и ответил вопросом:

— Разве дома гостят?

— Ты вполне мог обзавестись другим домом...

— Мог-мог... Эта женщина — писательница?

— Что Лари еще сообщил тебе?

— Больше ничего. Слушай, я был таким дураком...

— Я не хочу об этом говорить! — вырвалось у Кирилла.

— Брось! Было бы неестественно, если бы мы встретились и не поговорили об этом. Я готовился...

— Мне хочется тебя придушить, — признался Кирилл.

У него все так дрожало внутри, что он и впрямь был готов или наброситься на Макса, или убежать от него, лишь бы избавиться от этой противной дрожи.

— Все-все! — без улыбки остановил Макс. — Мне пока необходимо пожить... Интересная у тебя женщина. Ты почему на ней не женишься?

— Отстань от меня, понял? С чего ты взял, Макс, что я стану выкладывать тебе все, как в детстве?

Влажный комок земли вылетел из-под ноги Макса.

— Ты выкладывал мне далеко не все...

— Ты опять?!

— Я скучал по тебе, Кирилл.

— Зачем ты? — у него дрогнули губы. — Хочешь, чтобы я снова чувствовал себя ничтожеством?

Макс вскинул голову:

— Брось! Никогда я не считал тебя ничтожеством.

Кирилла все еще тянуло побежать, но он направился к крыльцу обычной, несколько заносчивой походкой. Макс поплелся за ним следом, на ходу вытирая перепачканный носок ботинка о траву. На крыльце Кирилл остановился и больно стиснул его плечо. Он смотрел сверху, но не чувствовал никакой уверенности. Макс больше не был его любимым братом. Ни любимым, ни братом.

— Я тебя прошу... Ни слова... при ней.

Макс быстро взглянул и отвел глаза:

— Да ты что? Разве я стал бы при ней?

— Кто тебя знает... Макс, никто этого уже не помнит, кроме тебя. Ни я, ни Лари... Двадцать лет прошло...

— Ладно-ладно, — неожиданно согласился Максим.

У Кирилла вырвалось:

— Спасибо.

— На здоровье.

Когда они вошли, Арина с Цезарем уже грелись у камина. Скинув туфли, она вытянула к огню ноги и сама едва не легла грудью на колени.

— Рыси тоже мерзнут? — Кирилл присел на подлокотник кресла и поцеловал ее круглую макушку. — Спасибо тебе...

— Ну! Нашел за что благодарить!

— Ты никогда не целовала меня при чужих.

"Бедный мой, — ей опять стало не по себе. — Как же я по-свински к тебе отношусь..." Она соскочила и, спихнув Кирилла в кресло, уселась к нему на колени. Его губы еще не согрелись. На вкус они всегда напоминали Ари-не бутон цветка, прохладного от росы. Ей нравилось сжимать его щеки так, что губы выпячивались еще больше, и целовать розовую мякоть. Она предупредила:

— Я сегодня переполнена нежностью.

— Ты меня пугаешь, маленький, — прошептал Кирилл, но все его тело уже отозвалось на ее неожиданную ласку. — Пойдем, попрощаемся? Надо же осмотреть твою комнату. Или давай прямо здесь? Они еще долго будут возиться на кухне. Лари все делает тщательно.

— Прямо в кресле? Мило! — Чуть отстранившись, Арина взгляделась в его лицо. Все в нем дрожало от нетерпения — и губы, и веки, и подбородок. Она уже в который раз подумала, что ей не доводилось встречать человека, способного отдаваться наслаждению полнее, чем он. Стоило ей чуточку приласкаться, и

Кирилл терял себя. Переставал и видеть, и слышать, словно погружался в наркотический сон. Все его тело была сплошная эрогенная зона. То, что он не изменял ей направо и налево, Арина воспринимала, как проявление героизма с его стороны.

— Нет, милый, — ласково сказала она и успокаивающе погладила его по вытянутой голове. — Так нельзя. Мы ведь в чужом доме. Лари и так на меня как-то странно смотрит...

— Я сейчас умру, — простонал Кирилл, прижимая ее. — Не вставай... Нет, я точно сейчас умру.

— Пусти меня, сейчас кто-нибудь войдет... Твой друг мне совсем не понравился, — тихонько сообщила она, встав за спинку кресла. — Почему он все время отводит глаза?

— Не знаю, маленький. Он всегда был таким.

— Я представляла его другим. Он какой-то... мертвый.

Кирилл поймал ее руку и положил себе на голову. Им обоим нравилось, когда Ариныны пальцы, как маленькие настырные существа, пробирались сквозь завитки его волос.

— Я так люблю тебя, — не удержался он и виновато замер, словно нарушил табу.

Но сегодня Арина и сама была готова сказать это. И возможно, сказала бы, если б не слышались чьи-то шаги.

Глава 6

Когда Максим спустился вниз с ребенком на руках, у Кирилла так вытянулось лицо, что она даже испугалась за него. Еще не проснувшаяся девочка жмурилась от яркого света, который уже включили в гостиной, и цеплялась за шею Макса. Его глаза сияли, и в первый момент Арине даже показалось, будто вошел совершенно другой человек.

Приоткрыв от удивления рот, слегка опухший от поцелуев, Кирилл выбрался из кресла.

— Кто это?

— Моя дочь, — с гордостью сказал Макс. — А у тебя нет детей? Не хочешь? Или вы не хотите?

От страха за Арину Кирилл тут же пришел в себя. Она терпеть не могла разговоры о детях, потому что действительно их не хотела, но считала это ненормальным. Не именно для женщины, а для человека вообще, и мучилась собственной ущербностью.

— Откуда она? — Кирилл вернулся к началу разговора.

— А я думал, ты за эти годы узнал, откуда берутся дети!

— Я имел в виду: где ее мать?

— Даже я не интересуюсь, где ее мать.

Кирилл все еще не мог поверить:

— И ты сам ее воспитываешь? Откуда ты знаешь, как обращаться с детьми? Ты же был единственным ребенком.

— Что ты на него напал? — неожиданно вступилась Арина. — Я родилась уже третьей и вот результат...

Максим уселся за стол вместе с дочкой, которая тут же схватила кусок хлеба, и погрузила в мякоть маленькие зубки. Когда он смотрел на девочку, у него неувовимо менялось лицо. Кирилл не сводил с него глаз. Переводя насмешливый взгляд с одного на другого, Лари негромко сказал:

— Опять вместе. Как в старые добрые времена.

— Не такие уж они были и добрые, — рассеянно заметил Макс, стряхивая крошки с байковой кофточки.

— Это тебе сейчас так кажется, — возразил Лари. Он повернулся к Арине и произнес таким тоном, будто предлагал что-то непристойное: — Попробуйте хлеб. Сам пеку.

— Это сложно? Даже не представляю, как пекут хлеб.

— Проще простого! — вставил Макс. — За него печка все делает. Он только продукты с вечера забрасывает.

— Да что за черт?! — вдруг заорал Кирилл, бросив вилку. — Мы так и будем болтать о всякой чепухе? Лари, что происходит? Откуда он взялся? Да еще с ребенком!

— Я тебе мешаю? — невозмутимо спросил Макс.

— Я имею право хоть что-нибудь знать!

— Ты? Уж ты-то, конечно, имеешь.

— Мне не нравится твой тон.

— А мне — твой.

Они оба замерли на грани, за которой начиналась ссора. Украдкой поднимая глаза, Арина следила за ними, наполняя кладовые своей памяти слепками с искаженных яростью лиц. Тонкий рот Макса растянулся бледной чертой отрицания всего, что еще только собирался сказать Кирилл, в говорящих глазах которого метался крик. Лари призывал:

— Не слушайте их. Накладывайте салат. Здесь нет ничего ресторанного. Вы что-то пишете сейчас?

— Собираюсь, — она отпихнула коленом Цезаря, который вкрадчиво пытался пристроить свою морду на столе.

— Придумываете сюжет?

— Я их не придумываю, — созналась Арина. — Мои истории рождаются сами собой, когда я вижу человека, в лице которого что-то есть... Непонятно, да?

Максим поднял голову:

— Уж не меня ли вы увидели?

— Не тебя, — ответил за нее Кирилл.

— Жаль-жаль. Такой роман мог бы получиться.

Чтобы поддержать Кирилла, она холодно сказала:

— Вот и напишите его сами.

— Как зовут твою дочку? — спросил Кирилл.

Арине показалось, что теперь он пытается сгладить ее резкость. В тот же момент Цезарь молча боднул ее в бедро, и пришлось незаметно сбросить ему кусок буженины.

— Лика.

Арина усмехнулась:

— Ну и имена у вас! Извините, Лари.

— Ничего. Все удивляются.

— А как будет полное имя от Лики?

— Никак, — сказал Макс. — Лика и будет.

В уме соединив это с отчеством, Арина с недоумением покосилась на Кирилла. Но тот не выглядел удивленным.

— Сколько ей?

— Одиннадцать месяцев, — четко ответил Макс.

— Разве в таком возрасте дети едят пельмени?

— Едят-едят! Ты же видишь, она ест.

Лари предположил:

— Он воспитывает из нее завсегдатая ресторана. Кирилл, тебе еще придется выгонять ее. Тогда "Ермак" уже будет твоим.

— Я не люблю, когда ты так говоришь!

— Эй, приятель! — окликнул Макс. — А ты все еще боишься жуков-могильщиков? —

Он обратился к Арине: — В детстве этот дурачок верил, что если раздавишь жука-могильщика, то вскоре умрешь. Не помню, кто сказал ему такую глупость. Я, наверное. Он был таким... доверчивым. Мы с мальчишками специально для него сочиняли всякие небылицы. Всем нравилось следить за ним... Глаза у него становились совсем круглыми, и рот тоже.

Кирилл слушал так внимательно, будто речь шла совсем не о нем. Арине даже захотелось потеревить его за щеку: "Эй! Тебе ведь не десять лет. Не позволяй над собой смеяться!" Но наблюдатель опять взял над ней верх.

— Ты с тех пор научился обманывать? Знаете, он никогда не умел солгать, как следует. Может, фантазии не хватало? Вы, как профессионал, должны в этом разбираться.

"О нет, — возмутилась Арина, — Я не стану смеяться над ним вместе с тобой!" За нее успел ответить Лари:

— Я бы не взял к себе лгуна. А фантазии у него хватало.

— Для ресторана? Это просто царство фантазии!

— Ты никогда этого не понимал, — заговорил Кирилл. — Арина, можно тебя на минутку?

Не дожидаясь ее, он быстро вышел на веранду. Когда, неловко улыбаясь хозяевам,

Арина присоединилась к нему, ей невольно подумалось: "Краше в гроб кладут..." Кирилл стоял у окна, боком привалившись к раме, и с тоской глядел в сторону черного леса. Оттуда не доносилось никаких звуков, а деревья уже были неразличимы, поэтому казалось, что за окном только густая от сырости мгла. Притянув Арину, он прижался щекой к ее волосам и умоляюще прошептал:

— Давай уедем отсюда. Лучше я отправлю тебя к морю.

— Отправишь меня? — она с недоумением отстранилась. — Что это значит — ты отправишь меня?

— Ну, извини, — спохватился он. — Я не так выразился.

— Не заискивай! Терпеть этого не могу!

— Ты хочешь остаться?

— Да. Хочу. Мне нужен свежий воздух.

— Конечно, — Кирилл прикрыл глаза, но, уходя в себя, он еще ни разу не обрел мужество. Откуда-то из темноты пришло спокойно, будто и жило в нем, безо всякой примеси страха и отвращения: вот оно наказание. Свершилось раньше преступления. Я хотел, чтобы она сделала шаг в сторону. И она делает этот шаг. Но — от меня. И во мне нет даже намека на силу, способную ее удержать...

— Что тебя так расстроило? — смягчилась Арина.

— Я люблю тебя, — вдруг сказал он, и Арина сморщилась от досады. Момент признаний уже прошел, и Кирилл не мог этого не почувствовать. Немного подождав, он снова заговорил: — Я боюсь даже думать, что рано или поздно наступит день, когда ты не откроешь мне дверь.

Арина хладнокровно, заметила, заранее зная, что эти слова больно кольнут его:

— Этого не случится. Я живу в квартире, купленной тобой. И в этой квартире дверь для тебя всегда будет открыта.

— Я поехал, — он вдруг заговорил деловито, словно очнулся от забытья. — Завтра куча дел, надо выспаться. Ты позвонишь? Впрочем, не надо. У Лари мобильный телефон, это дорого. Надо было купить тебе... Ну, спокойной ночи!

Не успела она очнуться, как Кирилл уже шел к машине — высокий, летящий, элегантный даже в пуловере и джинсах. "Любимый!" — вдруг впервые захотелось ей крикнуть вслед, но он бы решил, что над ним опять смеются. Ей представилось, как он ребенком жадно вбирал чужой обман, и красивые печальные глазки наполнялись ужасом. А после он ходил, внимательно глядя под ноги, чтобы не раздавить жука-могильщика и не умереть... Припав к стеклу, она сумела разглядеть: сейчас Кирилл шел, вскинув голову.

Глава 7

Перед тем, как заехать в ресторан, я остановился у набережной, потому что от скорости все бушевавшее во мне только усиливалось. Я прошел вдоль черной решетки к лестнице, ведущей к пляжу, но спускаться не стал. Металлические перила были совсем холодными, хотя и сухими. Я взялся было за них, но в тело тотчас пробрался озноб и пришлось спрятать руки в карманы джинсов. Только сейчас я вспомнил, что не успел переодеться, задержавшись у Лари дольше, чем предполагал. Впервые мне предстояло появиться в "Ермаке" не в костюме и без галстука. И это лишний раз доказывало, что все пошло наперекосяк. И вдруг я почувствовал облегчение: мой зловещий план провалился.

— Ничего не вышло, — сказал я вслух, чтобы окончательно в это поверить, и как последний городской сумасшедший громко засмеялся от радости. Сегодня сама Судьба объявила меня своим любимцем. Я попытался превратиться в негодяя, а она уберегла меня.

Больше не пугая прохожих, торопливо перебежавших от одного круглого, как луна, фонаря к другому, я вернулся к машине, и обнаружил, что забыл включить сигнализацию. "Ты совсем простодырый", — вспомнились слова матери, но ужаснулся я другому: как я

мог оставить Арину с этим бродягой?! Забыв зачем приехал, я достал телефон и набрал номер Лари. Кнопки уворачивались из-под пальца, и несколько раз приходилось начинать заново.

— Добрый вечер, Лари, — сказал я со всей вежливостью, на какую был способен. — Извини, что беспокою. Как там Арина? Она не забыла прогулять пса?

— Они уже ушли спать, — без выражения ответил Лари.

Я едва не выронил трубку:

— Они?!

— Я имею в виду ее с собакой, — было слышно, как Лари усмехнулся: — Да не волнуйся ты так! У твоей женщины есть голова на плечах.

— Не называй Арину "моей женщиной", — попросил я. — Если она услышит, то придушит тебя.

— Ты дал ей много свободы.

— Я ничего ей не давал и не забирал.

Лари признался:

— Мне трудно тебя понять, котенок.

— Ладно, Лари, — сказал я, — спокойной ночи.

— И тебе, — пожелал он. — И не волнуйся. Работай.

Все, что я слышал от него все эти годы, было вот это — "работай". Но стоило мне начать работать, как я себе это представлял, то

есть не перебирая ногами на месте, а двигаясь вперед, как Лари снисходительно ухмылялся: "Мальчишеские фантазии! Не вита́й в облаках". — "Ты бы еще призвал меня ползать у твоих ног!" — однажды вырвалось у меня. Несколько дней я ждал увольнения, но вместо этого Лари выписал мне премию, хотя вообще-то деньгами он меня не баловал. Я обозвал его про себя "сукиным сыном".

Но сейчас я все равно был рад, что нашептанное августовским дождем, сорвалось. Я еще сидел в темноте, сжимая телефон, когда меня внезапно осенило: "Макс! Это Макс убе­рег меня своим появлением. При нем ничего не произойдет, это уж точно". Я не рассказал Арине и сотой доли того, что связывало меня с Максом. Он был мне не просто другом и даже не братом. Но это я понял, только потеряв его. Как бывает в настоящей дружбе, Макс был частью меня, как я, надеюсь, был частью него. Когда мы расстались, я почувствовал, что половина моей души умерла. Та самая, где жили первые мечты, настолько яркие и высокие, что последующим просто не суждено дотянуться до них.

Мы любили забираться на чердак нашей типовой "пятиэтажки", и там, сидя на пыльных балках, с которых свисали серые нити паутины, представляли, как однажды соберем­ся в дорогу. Мы обговаривали все детали, даже то, что уложим в свои котомки. Никаких

котомок у нас не было, но Макс обещал украсить у отца немного денег на снаряжение. Ничего зазорного мы в этом не видели. Мы воображали, как пройдем незнакомыми, путанными дорогами, ночуя в сене и согревая друг друга. И, наконец, выйдем к морю. Я построю там маленький ресторанчик, по типу таверны, а Макс будет обеспечивать его разными морскими деликатесами. Он был храбрее меня, и выйти одному в море было ему под силу.

Через несколько лет Макс и впрямь отправился в странствие. А я остался... Я никогда не решался на действие. Когда нам было лет по семь, Макс накрыл шапкой одного из котят, которые родились у нашей Маруськи, и хохотал, показывая пальцем: "Живая шляпа!" Я едва не заплакал от жалости, но так и не посмел пойти наперекор и освободить малыша. К счастью, подросла моя мама и спасла его.

А сейчас подросел сам Макс и успел спасти меня прежде, чем задуманное мной стало срастаться с жизнью...

...Когда я опять вышел (выбежал!) из ресторана, уже была совсем ночь. От того, как я дал по газам, моя "Мазда" испуганно взвизгнула. Просохший асфальт неудержимо понесся навстречу, светлый, как Млечный путь. "Кретин! — твердил я всю дорогу, пытаюсь остановить себя. — Полудурок слюнявый! Что же я делаю?!" Никогда я не ездил к Лари

ночью и теперь боялся пропустить поворот. Чужие дома следили за мной из темноты желтыми совиными глазами, и я бы не удивился, если б кто-нибудь ухнул у меня над головой. Когда я выключил фары, не доехав метров двести, оказалось, что небо так и сочится звездным светом. "В такую-то ночь, — подумал я с бессильной ненавистью. — Что может, удержать ее от любви в такую ночь? Я убью тебя, Макс!"

Побелевшим от страха Отелло дотащился я до дома Лари и только начал прикидывать, как бы добраться до окна на втором этаже, как знакомый шепот обжег меня:

— Это ты, котенок? Иди сюда.

— Лари?!

— А кто же? — насмешливо спросил он. — Это ведь мой дом. Лестницу ищешь? Она за углом. Тащи сюда.

— А зачем она? Ты все равно меня заметил...

— Ты всех разбудишь. Забирайся. Поговорим.

Вскарабкавшись к его окну, я спрыгнул в комнату. В отличие от Арины, он никогда не курил у себя, и мне здесь легко дышалось. Справедливости ради надо отметить, что если Лари и доставал при мне свою трубку, то лишь в качестве предмета устрашения, вроде розги, которую держат на виду. Хотя запах трубочного табака и приятнее сигаретного, а

Лари покупал только самый лучший, однако и от него у меня сжималось в спазме горло. И Лари этого не забывал.

Его комната была стилизована под берлогу философа-отшельника: бесчисленные фойлианты вдоль стен, старое кресло-качалка у окна с видом на закат, какие-то потрепанные тетради на столе (меня все тянуло заглянуть хоть в одну), пожелтевшие журналы... А возможно, Лари и был тем, за кого выдавало его жилище, только со мной он никогда не пускался в подобного рода рассуждения, зная, что философское мышление у меня отсутствует начисто. У Арины я пробовал читать и Платона, и Ницше, и, на худой конец, Фрейда, но все их измышления либо смешили меня, либо раздражали, либо погружали в уныние.

Оглядевшись в темноте, я неловко усмехнулся:

— Глупо. Как будто я к тебе на свидание примчался.

— А может, ты ко мне и примчался? — голос у Лари был низким, у меня от него мурашки бежали. Заметив, что я отшатнулся, он спросил другим тоном: — Как в ресторане?

— Спасибо, хозяин. Все нормально, хозяин.

— Играешься, котенок? — он усмехнулся и указал на кресло. — Садись. Коньячку выпьем.

— Ты не включишь свет? — спросил я.

— А зачем? Боишься темноты? — Он подал мне глиняную рюмочку. Почему-то Лари нравилось пить коньяк необычным образом. Отпив глоток, он присел на мягкий покаты́й подлокотник моего кресла, и я невольно отклонился. Лари сидел ко мне вполоборота, не скрывая усмешки. — Смотри, ты поранился... Наверное, о лестницу.

Он взял мою руку и вдруг слизнул кровь. Я дернулся, но Лари крепко держал меня.

— Котенок, ты знаешь, как "кровь" по-английски?

— Blood, — ответил я, не понимая, к чему он клонит.

— По-русски, это звучит, как "блад". Хотя по всем правилам должно бы как "блуд". Это было бы вернее. Потому что блуд и кровь неразделимы.

Я с раздражением вырвал руку:

— Со мной незачем говорить о блуде.

— Кровь, — тихо повторил Лари. — Если это есть в тебе, то оно живет в крови. Ты избавишься от него, только выпустив из себя всю кровь.

Я невольно взглянул на царапину и холодно сказал:

— Я сейчас уйду.

— А зачем ты вообще приехал? — он причмокнул, сделав глоток. — Не доверяешь Максусу? Правильно делаешь.

— Зачем он вернулся, как ты думаешь?

Лари слегка пожал плечами, прикрытыми прозрачной белой рубашкой:

— У него ребенок. Ты останешься ночевать?

— Чтобы на утро выглядеть идиотом? Арина со смеху умрет, если увидит меня... Макс точно в своей комнате?

Его сухая рука снова поползла по моим волосам.

— Успокойся. Как ты из-за нее нервничаешь, котенок...

— Не зови меня так!

— Как же тебя звать? Сынок?

— Так тем более не надо...

— Тебе нравится мой дом? Хочешь, он тоже будет твоим? Как и "Ермак".

— У тебя рука трясется, — заметил я. — Поставь рюмку, а то мы оба сейчас будем в коньяке.

Можно было ожидать чего угодно, однако Лари послушался. Избавившись от рюмки, он резко повернулся ко мне, и в тот же момент я встал, толкнув его плечом.

— Ты куда? — испугался он.

— Я поеду. Не нужен мне этот дом, Лари.

— Котенок, подожди! Я обидел тебя?

— Мне все это не по душе. И разговор этот, и коньяк...

— И я?

Даже в такой момент он сумел разом усмирить меня. Я беспомощно пролепетал:

— Нет, Лари. Ты же знаешь...

— Подожди, — умоляюще повторил Лари, но я уже вылезал из окна. Лестница покачнулась у меня под ногой, и стоило мне только вскинуть голову, как Лари уже оказался рядом. Но я удержался.

— Уходишь? — спросил он, наблюдая за мной сверху.

— Да я уже ушел, — пробормотал я и спрыгнул на землю.

Стараясь держаться поближе к стене, чтобы меня не было заметно из окон, я обогнул дом, путаясь в низких лопухах и пиная репейники. Я чувствовал себя еще более растревоженным, чем по дороге к Лари. О моем визите он не расскажет, за это я не беспокоился. Мы, все трое, умели хранить тайны. Даже те, которые не удавалось похоронить на протяжении двадцати лет...

Я думал о своем сорвавшемся жутковатом плане и уже не мог с той же определенностью, как у реки, сказать, что рад возвращению Макса. То, что он одним своим появлением спас меня от адского пламени, уже не воспринималось мной с таким восторгом. Моя душа давно была определена в ад. Целых двадцать лет для нее готовили там место, и количество грехов ничего не могло бы изменить. О Лари я старался вообще не думать. Он уже остался жив...

Глава 8

Темнота окутывала лицо девочки сброшенной из будущего вуалью, сквозь которую можно было различить женские, совсем взрослые черты: капризно приоткрытые губы, опущенные ресницы. Но когда глаза привыкли, Макс с облегчением увидел, что перед ним лишь младенец.

Когда-то, выстроив в своем воображении таверну "Ветер Зурбагана", они с Кириллом пошли дальше и заполнили белесый песчаный берег своими сыновьями. О дочерях они оба не желали и думать, потому что находились в том возрасте, когда принято презирать девчонок. Жены ими тоже не предусматривались. Однако прошло более двадцати лет, а ни тот, ни другой так и не обзавелся сыном.

Когда Макс подобрал девочку, он не очень задумывался, что делать с ней дальше, одержимый идеей примирения с Кириллом. Он стремился к нему и думал только о том, как заставить друга поверить, что в его душе нет и тени осуждения. Максим освободился от него не так давно и сразу же решил вернуться. Теперь ему казалось, будто все эти годы скитаний он только и делал, что не пускал себя к Кириллу.

Макс почти не вспоминал те смрадные подвалы, где ночевал зимой, уйдя из дома. Грязные отсыревшие доски возле обмотан-

ных войлоком труб служили ему и постелью, и обеденным столом, от которого приходилось отпихивать крыс. Но Макс ни разу даже не приблизился к той грани, за которой начиналось отчаяние, потому что постоянно помнил: как бы низко он не пал, Кирилл пал еще ниже.

Несколько лет Макс проработал в кочегарке одного подмосковного городка. Он с трудом мог припомнить, чем питался тогда и на чем спал, зато без труда перечислил бы книги, которые там прочел. Макс тратил на них почти всю зарплату, а, прочитав, без малейшего сожаления швырял в топку, не желая обременять себя собственностью. Он старался ни с кем не знакомиться без особой необходимости и не обзавелся ни одним другом, ведь это место в его душе до сих пор занимал Кирилл. Даже не он сам, а оставленная им гниющая рана. Макс верил в народную мудрость и надеялся, что время все залечит, но годы шли, неразличимые, словно крупинки снега, а Кирилл никак не желал из него уходить.

И только попав в Москву и устроившись сторожем в детский дом, Максим понял — почему. Его рану бредило чувство собственной вины. Он поступил с Кириллом несправедливо, и это не давало ему покоя. Детдомовские дети приоткрыли Максy, насколько глубоко в некоторых людях сидит потребность в от-

цовской любви. Максим никогда не ощущал этого, потому что не был ее лишен. И сперва пугался, когда кто-нибудь из ребятишек начинал ластиться к нему. Они подсовывали ему под руку свои головы, и постепенно Макс научился их гладить. Он был единственным мужчиной на территории детского дома и без малейших угрызений выполнял роль общего любовника для всех воспитателей и нянечек. Но роль общего отца тяготила его. Он чувствовал, что не справляется с ней. А глаза детей молили: "Ну, погладь меня!", "Нет, меня!", "А лучше всего — меня!" Максим запирался от них в своей комнатке с железной кроватью и белой тумбочкой, но их глаза доставали его и здесь.

Тогда-то он и увидел ту сцену, что перевернула его жизнь, совсем в другом ракурсе. Макс помнил ее до мельчайших деталей, хотя ему было всего пятнадцать. Он помнил, как май захлебывался от нетерпения перерасти в лето, и все вокруг шелестело, щебетало, сверкало. Макс бежал домой чуть ли не вприпрыжку, чтобы поскорее отправиться к Кириллу, который подвернул ногу ("Бегемот неуклюжий!") и уже неделю не ходил в школу. Ключ наматывал стремительные круги вокруг пальца. Но, подбежав к своей двери, Макс увидел, что она только прикрыта. "Воры!" — пронеслось подозрение, но он не бросился за помощью, а на цыпочках

вошел в переднюю. В огромном зеркале, висевшем почти у входа, отражалась большая часть гостиной. Затаив дыхание, Максим взглянул в него и остолбенел, увидев своего друга. Он сидел рядом с Лари на большом диване и внимательно слушал. Слова до Макса не долетали, зато он видел, как его отец обнимает Кирилла за плечи. Макс так и сжался от ревности. Ни разу они вот так не сидели с отцом, обнявшись, и не разговаривали на равных.

"Он опять рассказывает ему о ресторане, — с обидой подумал Макс. — Помешались оба!" Его ничуть не смущало то, что он подглядывает, ведь Лари был его отцом, и Макс верил, что имеет право знать о нем все. Ему были видны широко открытые глаза Кирилла, которыми он, казалось, вбирал каждое произнесенное слово, его мягкий, "девчоночий" рот, вытянутая шея. Ему все было видно... И он увидел, как отец вдруг наклонился и поцеловал Кирилла. Совсем не по-отечески, а так, как это делали в фильмах.

Максим схватил ртом воздух и все же не двинулся с места. Он ждал, что Кирилл вырвется, закричит, убежит, но его тело только слегка дернулось и обмякло, точно что-то сломалось в нем. А Лари все не отрывался от его губ. Макс видел, как смуглая отцовская рука скользит по изогнувшейся шее Кирилла, спускается на ключицу. Когда Лари стал рас-

стегивать пуговицы на рубашке мальчика, Макс зажмурился, потом снова открыл глаза. Плечи Кирилла уже были обнажены, но от рукавов он не освободился и сидел точно связанный. А темная рука гладила и гладила его, спускаясь все ниже.

И тогда Макс не выдержал. Он ворвался в комнату, захлебываясь проклятьями, которые швырял прямо в побелевшее лицо Кирилла. Он кричал самые гадкие слова, какие только знал, и, наконец, они дошли до помутившегося сознания его друга. Кирилл вскрикнул и метнулся к раскрытому балкону, но Лари успел обхватить его сзади.

— Уйди отсюда, — крикнул он Максиму. — Пошел вон!

— Я?! — Максим задохнулся от несправедливости: он гонит меня, своего родного сына.

И он ушел. Уехал на лето к бабушке, хотя до конца занятий оставалась еще неделя. Лари часто звонил туда, но Макс не подходил к телефону. А когда в конце августа отец приехал за ним, оба вели себя так, будто ничего не произошло. Макс успел внушить себе, что ему на всех наплевать.

С Кириллом они встречались в школе, но не делали попыток поговорить. Максим смотрел на него с презрением и знал, что он это замечает. Он ни разу больше не видел, чтобы отец подошел к Кириллу, или тот взглянул к ним домой. Макс до сих пор не знал:

было ли что-нибудь между ними, кроме того поцелуя; и насколько глубока степень падения бывшего друга. Он старался не думать об этом, хотя во сне увиденная сцена всплывала из темной пучины памяти, расцвеченная новыми деталями, и тогда Макс просыпался задыхающийся, мокрый и полный ненависти к обоим.

Впервые после того случая он увидел их вместе во время выпускного бала на лестничной площадке. Расстояние между ними было никак не меньше двух метров. Всегда чуть надменное лицо Кирилла на этот раз так и кривилось от брезгливости. Но, видимо, Лари говорил вещи столь важные для него, что постепенно это выражение сменилось жадным любопытством. Через месяц Кирилл поступил в пищевой институт, а Макс ушел из дома.

Он знал, что вернется. И заживет по-настоящему, ведь был не глуп и отдавал себе отчет, что его затянувшееся бродяжничество по Руси — всего лишь мальчишеский протест. Но Макс почувствовал себя готовым вернуться только там, в московском детском доме, который был не хуже других и не лучше. Максим протягивал детям руки и вспоминал перекошенное от едва сдерживаемого крика лицо Кирилла, который так и не посмел ответить, как следовало одной из учительнице. Эта молодящаяся математичка с душой матерого эсэсовца, находила удо-

вольствие в том, чтобы ковырять заточенной указкой в душах своих учеников. Кирилла она спросила прямо на уроке, перед всем классом: "Ты хоть помнишь всех своих отцов-то? Гляжу, твоя мама — не промах!" Тогда они еще не были в ссоре, и Макс взорвался: "Да как вы смеете?! Старая дура!" На педсовет они явились всем классом. Кирилл был в полубморочном состоянии, и Максу приходилось пихать его в бок. Учительницу не отстранили от занятий, только мягко пожурили, а Максу посоветовали познакомиться с книгами по культуре общения.

Он вспоминал это, ворочаясь на узкой казенной койке, и чувствовал себя таким же сиротой, как и все в этом большом доме, ведь Кирилл всегда был ему больше, чем другом. Теперь ему не стыдно было признать, что единственный, кого он по-настоящему любил, и за кого пошел бы в огонь и в воду, это тот красивый, мечтательный мальчик, от которого Макс так легко отрекся.

А ведь Кирилл буквально пас его, когда из семьи ушла мать Максима. И если б его не оказалось рядом, Макс уснул бы тогда мучительным сном, наглотившись таблеток. Когда его откачали в больнице, Кирилл оказался первым, кого он увидел, хотя Макс помнил, что в машине "Скорой помощи" его не было. Почему-то он постеснялся спросить, как же Кирилл оказался рядом и до сих пор не

знал этого. И почему-то Макс обязательно нужно было это узнать...

Незнание уводит во тьму. Кирилл в свое время не знал, каким образом общаются наедине отец с взрослеющим сыном. Просто не знал. Макс этого не понял. Он забыл, что у Кирилла нет опыта в общении с мужчинами, ведь друзья его матери, как правило, исчезали на рассвете, буркнув: "Привет, пацан!" Это были совершенно чужие ему люди.

А Лари не был чужим. Хотя бы потому, что был отцом его друга. И потому, что Кирилл доверил ему свою мечту. И еще потому, что Лари разговаривал с ним, как со взрослым. И Кирилл старался вести себя по-взрослому, чтобы не разочаровать Лари. Вот только он понятия не имел, как это делается, догадался Макс. Может, глупенький, доверчивый Кирилл даже решил, что это нормально, когда отец целует сына в губы. Ему так хотелось иметь отца. А лучшего, чем Лари он не мог и вообразить.

Макс корчился ночами, изнемогая от желания увидеть своего друга и объяснить, что он все понял. Что все можно вернуть, ведь Кирилл по-прежнему значит для него больше, чем что-либо на земле... И однажды Макс взял расчет. Он так торопился к Кириллу, что даже не обласкал напоследок ни одну из своих любовниц. А потом нашел на дороге ту девочку, и многолетние мысли о сиротстве

Кирилла внезапно обратились решимостью стать для нее отцом.

Глава 9

Цезарь никогда не будил ее. Он был не особенно умен, но обладал врожденным тактом, не позволявшим навязывать собственное общество ни людям, ни собакам. Но утро шаловливо запустило ему в глаза солнечным "зайчиком". Цезарь чихнул и ударился подбородком об пол, разбудив Арину. Не открывая глаз, она свесила с постели руку, и пальцы ее забрались в теплую шерсть. Потом она вдруг взвизгнула и подскочила, отчего у Цезаря замерло сердце: сейчас она опять назовет меня "скотиной"... Он заранее виновато отвел янтарные глаза, однако в голосе хозяйки не слышалось и отзвука ярости.

— Солнце, псина! — кричала она шепотом, подпрыгивая на кровати, как маленькая. — Птенчик мой, дождь кончился!

Слова для Цезаря никогда много не значили. Он упивался голосом, еще более солнечным, чем утро за окном, и ловил зеленые брызги, которые металы по комнате ее глаза.

— Идем, идем! — она уже сбегала по лестнице, напевая старую песенку: "Антон, Андре, Симон..." Хоровод имен кружился вместе с опадающими с сосен невесомыми чешуйка-

ми. Было похоже, что их теряют гигантские летучие рыбы, что плывут в глубине небесной синевы навстречу и задевают друг друга нежными телами. Откинув голову, Арина засмотрелась в небо, а пес, не дожидаясь разрешения, рванул к ближайшим кустам. Короткие волосы щекотали ей шею, это тоже было весело, и все утро напоминало неожиданную, безудержную улыбку. Как у Кирилла...

Еще пахло сырой землей, но трава уже источала пар, который хотелось собрать в пригоршню и умыть лицо, чтобы исчезли едва наметившиеся морщинки. Арина спрыгнула с крыльца и провалилась назад в ночь...

...Она видела перед собой глаза, невеселые, усталые, и не могла вспомнить — чьи? Не было ни солнца, ни утра.

— Макс, — произнесла она, — откуда вы взялись?

— С неба. Меня послал вам Бог.

— А! У вас еще и мания величия?

— У меня много разных маний...

— Где это я? — приподнявшись, Арина огляделась. — Я что — потеряла сознание?

— У вас закружилась голова от свежего воздуха. Жаль, что я не врач.

Ей стало смешно:

— Вам бы хотелось осмотреть меня?

— Да, — неожиданно ответил Макс и, протянул руку, расстегнул пуговицу на ее рубашке.

Она в изумлении приоткрыла рот, но не произнесла ни слова. Худые твердые пальцы скользили по рубашке все ниже, а ей никак не удавалось побороть любопытство: и чем же это кончится? Она не почувствовала ни малейшего смущения, даже когда Макс поднял глаза.

— Что это вы такое делаете, хотела бы я знать?

— Собираюсь вас осмотреть.

— Но вы же сами сказали, что не врач!

— Предположим, я — экстрасенс.

— Экстрасенсы не раздевают пациентов.

— Я — начинающий.

Взвизгнув оттого, что его пальцы коснулись пупка, Арина расхохоталась.

— Вот это скромница Макс!

— С чего вы взяли, что я — скромница? — удивился он.

— Не знаю. Что со мной случилось, Макс?

Мягкий гул в голове опять нарастал, и лицо Макса становилось нереальным, будто снилось ей. Арина вцепилась в его руку, испугавшись, что он ускользнет, и она останется один на один с тем непонятным, что творилось внутри. Осторожно придерживав затылок, Макс вновь уложил ее. Потом сдернул с кресла накидку, укрыл Арину и тщательно подоткнул со всех сторон.

— Тихо-тихо, ничего страшного. Это обилие кислорода так подействовало.

— Раньше такого не случалось. Кирилл время от времени вытаскивает меня в лес.

— Раньше вы были моложе.

— Мило! Вы считает меня старухой?

— Я бы не стал раздевать старуху.

— А как же ваши многочисленные мании?

Среди них нет геронтофилии?

Она заставила его рассмеяться. У него оказалась красивая и добрая улыбка, чего Арина никак не ожидала. Краешек переднего зуба был отколот, и ей подумалось, что кого-то Макс довел-таки до того, что его ударили со всей ненавистью, на которую способен человек.

— А где, кстати, ваша дочь?

— Ваш будущий герой... так ведь? гуляет с ней по лесу. Пытается разбудить в себе дедушку. По-моему, безуспешно. Хотя мой отец — сама непредсказуемость. Учтите это.

— Учту. Макс, вы, конечно, можете не отвечать, но мне ужасно интересно узнать о ее матери.

— Конечно-конечно! Только я все равно не расскажу.

— Мило! Даже не верится, что вы дружили с Кириллом. У него — душа нараспашку, а вы — сплошная тайна.

У Макса вырвался короткий недоуменный смешок:

— Это у Кирилла — душа нараспашку? Да вы о нем вообще ничего не знаете!

— Чего я не знаю? — насторожилась Арина.

Максим рывком поднялся и без слов пошел к двери.

— Вы куда это?

— За чаем, — ответил он, так и не обернувшись.

Оставшись одна, Арина натянула покрывало, потом спряталась под него с головой. Головокружение уже прошло, но ей все еще было как-то не по себе. Последние слова Макса встревожили ее. "Вот еще новости — я не знаю Кирилла, — раздосадовано думала она. — А вдруг и правда, не знаю? Мой печальный молодой королевич, а может вовсе не я — причина твоей постоянной грусти?"

Вместо чая Макс принес виски.

— Выпейте, от виски поднимается тонус.

— Никогда не пробовала, — принявшись, призналась Арина. — Кирилл приучил меня пить только красное вино. Это единственное, что я не ленюсь делать для здоровья.

Рассматривая этикетку, Максим спросил:

— А что делает он сам? У него такой измученный вид.

— У Кирилла?!

— Может, я просто давно не видел его... Он стал совсем взрослым. Кажется, теперь он может постоять за себя.

— Он действительно был объектом насмешек?

— Я так не говорил. Никто над ним не смеялся. Мы... Как бы это оказать? Умилялись. Он был очень хорошеньким и простодушным. Грех смеяться над таким. Давайте за него выпьем. Хотя, боюсь, он все равно не станет счастливее.

Не давая себе перевести дыхание, Арина выпила виски и жадно схватила ртом воздух.

— Ох, простите! — спохватился Макс. — Я ничего не принес. Сам-то я никогда не закусываю.

Она просипела, отмахиваясь:

— Не надо. С чего это вы решили, что он несчастлив?

Раздумывая над каждым словом, Максим спросил:

— Вы — сильная женщина, да? Самостоятельная. Вы любите, чтобы вам подчинялись. Вершите судьбы людей, и не позволяете, чтобы вами командовали.

— К чему вы клоните?

— Я рассуждаю вслух. Мне интересно, почему он выбрал именно вас. Но это, в общем, логично.

— Логично — что? — требовательно спросила Арина.

Не отрывая сосредоточенного взгляда от рюмок, будто приходилось считать капли, он сказал:

— Если уж у Кирилла могла появиться женщина, то лишь такая, как вы. Он — хороший любовник?

Потеряв самообладание, она выкрикнула:

— Превосходный! Лучший из всех, что у меня были! Какого черта, вы об этом спрашиваете?

Максим так и расплылся в улыбке:

— А я думал, вы занимаетесь изящной словесностью...

— Ладно, я пошла, — Арина сбросила накидку. — Вы меня доведете до того, что я тут все переколочу.

— Нет-нет, этого я не позволю, — Макс даже перестал улыбаться. — Эту коллекцию я собирал всю жизнь.

Она растерянно огляделась:

— Коллекцию?

— Ну да... Вставайте, я вам покажу.

Коллекция Макса оказалось самым необычным зрелищем из всех, что ей доводилось видеть. Он собирал ее с самого детства, ползая по городским свалкам. Свои экспонаты Макс называл "свидетелями преступлений". Здесь были очки, в одной из линз которых было пробито крупное отверстие; погнутая серьга, с запекшейся на дужке кровью; тусклый наперсток с просверленной в верхушке дырочкой...

— Видите? — совал он ей в нос наперсток. — Это же сделано специально, чтобы женщина уколола палец иглой.

— Это преступление? — усмехнулась Арина.

Положив наперсток на место, Макс угрюмо спросил:

— По-вашему, если человек остался жив, значит, совершенное против него, — невинный грешок? Я знаю людей, которым такие невинные грешки перевернули всю жизнь.

Арина приподняла пинетку с вырванной пяткой:

— А зачем вам все это, Макс?

— Чтобы не считать себя последним человеком на земле, — произнес он так четко, словно давно заготовил ответ.

— И ваша коллекция разрастается?

— Как же, как же! В каждом городе я первым делом посещаю свалку. Хотите поискать со мной?

— Вы предлагаете мне отправиться на свалку?

— Уверен, что Кирилл не приглашал вас в такие места. Пойдемте, — он потянул ее за руку.

— Прямо сейчас?

— А зачем откладывать? Жизнь-то проходит!

Жизнь проходит. Она содрогнулась, услышав эти слова, потому что сама произносила

их тысячу раз, когда Кирилл пытался оторвать ее от работы. Жизнь проходит... Надо успеть закончить роман. В шуршании секундной стрелки слышится укор — теряешь время! Твои книги дарят людям радость, а ты валяешься у телевизора и жуешь мандарин. Сочная мякоть наполняла рот горечью: жизнь проходит. Арина вскакивала, заваривала кофе и садилась за работу.

...Максим вывел из приземистого гаража мотоцикл и посоветовал, глядя в пространство:

— Привяжите собаку, а то помчится за нами.

— Я просто запущу его в дом. Вдруг дождь начнется.

— Не начнется. Взгляните, какое небо! Кирилл когда-нибудь смотрит на небо?

— Да забудьте вы о бедном королевиче!

— Королевиче? Да-да, это ему подходит.

Сев верхом, он надел шлем и протянул другой Арине. К ней вдруг вернулась осмотрительность.

— А у меня не закружится голова?

— Крикните мне, если что.

— А вдруг я и крикнуть не смогу?

— Вы-то? Ну, нет! Я уверен, что вы будете цепляться за жизнь до последней возможности.

Не найдясь, что возразить, Арина уселась позади него. Мотоцикл нетерпеливо задро-

жал под ними, просохшая трава качнулась и важно поплыла широким полукругом. "Я не позавтракала, — спохватилась Арина. — Да еще и выпила натошак. Этот Макс и меня заразил своим сумасшествием. Кирилл был прав..." В чем был прав Кирилл, она так и не додумала, застигнутая врасплох хлестнувшим по лицу ветром. Он восторженно вопил однообразную и все равно захватывающую песню о скорости. Солнце несло чуть впереди и справа. Арина старалась не смотреть на него, но оно то и дело заглядывало в глаза. "Оно выныривает из чаши, как золотая рыбка из волны, — подумала Арина. — Вот только его не поймать. А если и поймаешь, как выбрать три желания? Или наоборот — как наскрести целых три?" Иногда ей приходило в голову, что с тех пор, как она всерьез занялась литературой, ее жизнь стала скучнейшей в мире. Но эта внешняя жизнь была ничто в сравнении с тем смерчем страстей, что бушевал внутри нее. И Арине не хотелось ничего менять.

Свернув с шоссе, ведущего к городу, Максим съехал на проселочную дорогу, а потом помчался напрямик через поле. Высокие, сухие стебли стегали Арину по ногам, кочки норовили сбросить, но она крепко держалась за куртку Макса. Махнув рукой, он что-то крикнул, и, взглядевшись, Арина увидела очертания надвигавшейся свалки. Ей показа-

лось, что на горизонте вырастает целый город, не существовавший раньше и обязанный умереть после них.

Когда она встала, у нее опять потемнело в глазах, и пришлось опереться о мотоцикл, чтобы не упасть.

— Вы мне доверяете? — пробился сквозь гул голос.

— Ни капли, — ответила Арина, еще не видя Макса.

Туман рассеялся в тот момент, когда он так хорошо улыбнулся, что у нее сразу потеплело на душе.

— А! — воскликнула она. — Вот теперь доверяю.

— Я хочу показать вам свой город.

— Макс, вы на самом деле сумасшедший?

— Это особый город. Его никто не видит.

— А я увижу?

— Вот это мы сейчас и проверим, — он достал из внутреннего кармана куртки старую побитую фляжку и протянул ей. — Выпейте. Это волшебный напиток.

— Наркотики?

— Я похож на наркомана? — рассердился Макс.

— Еще как!

— Говорю вам: это волшебный напиток. Вы хотите увидеть мой город или нет?

Свалка темнела угловатыми завалами. Арина обвела их пристальным взглядом, и на

какой-то миг ей опять почудилось, что из-под замшелых обломков проступают контуры не то города, не то замка. Так угадывается под бесформенной чадрой юное, прелестное тело.

Она боязливо поднесла фляжку к губам и отпила немного теплой сладковатой жидкости.

Глава 10

Мостовая вырывалась из-под ног так стремительно, что сливалась в одну тускло блестящую полосу. Арина не успевала как следует рассмотреть ни яркие стены невысоких домов, ни причудливые лесенки, мелькавшие там и тут, ни палисадники, то и дело вспыхивавшие свежими пятнами.

— Не так быстро, Макс! — взмолилась она и только сейчас заметила, что его нет рядом. Ее охватил такой ужас, что она оцепенела и сразу остановилась. Улочка, на которой Арина очутилась, показалась ей знакомой по старинной гравюре, только здесь все было не нарисованным, а живым.

— Что это за город? — спросила она у веселого булочника с рыжими усами, который выглянул из окна. Белые марлевые занавески, ласкаясь, облепили его круглые плечи.

— Наш город! — с недоумением воскликнул булочник. — Это самый прекрасный город на свете. Здесь все счастливы.

— Вот как? Мило! И как же он называется?

Безмятежность слегка померкла на его лице, но еще не сошла совсем, будто он сдвигивал ее слой за слоем.

— Никак не называется, — ответил булочник. — А зачем ему имя? Разве вы называете как-нибудь свой дом?

— Но на свете много городов. Как же их различать, если не будет названий?

Булочник снял еще один слой безмятежности.

— Я слышал, что есть другие города. Но их ведь никто не видел! Может, это всего лишь сказка?

— Вот отправились бы и посмотрели.

— А зачем? — искренне удивился он. — Все равно лучше нашего города нет! Потому что...

Арина насмешливо закончила:

— Здесь все счастливы!

— Вот именно! А тех, кто несчастлив — казнят. Если, конечно, не вмешается королевич, как в прошлый раз.

— Королевич?! Кто это?

— Как кто? — опешил булочник. — Сын короля, конечно.

Из окна донесся протяжный сигнал. Оглянувшись, булочник развел руками, мол: пора!

— Постойте! — выкрикнула Арина. — А как зовут короля?

— А зачем ему имя? — донеслось из глубины пекарни. — Он ведь король. Его ни с кем не перепутаешь.

— Вы хотите видеть короля?

Обернувшись, Арина едва не столкнулась с человеком, который неслышно подошел сзади. На нем был смешной костюм из нежно-розового бархата и большой малиновый берет, слегка оживлявший землистого цвета лицо.

— Макс? — протянула она с изумлением и заглянула ему в глаза. — Чего это вы так вырядились?

— Я не Макс, — возразил тот. — Раньше я звался Собирателем, а теперь — Пажом его высочества.

— Это он заставил вас надеть этот костюм? Ужас!

Он равнодушно сказал, рассматривая мостовую:

— Розовый — веселый цвет. Его высочеству хотелось, чтобы я выглядел вполне счастливым. Иначе король опять захотел бы отрубить мне голову.

— А! Так это он вас уберег от казни? Знаете, вы очень похожи на одного человека.

— Мне говорили, — он настороженно оглянулся и перешел на шепот, — что существует такая книга, в которой написано, будто все счастливые люди похожи друг на друга.

Арина поправила:

— Семьи. Там говорится о счастливых семьях.

— Разве это не ужасно, когда все похожи?

— А королевич? Он на кого похож? Он счастлив?

У Пажа сделались страшные глаза.

— Конечно! — громко произнес он. — Королевич — счастливейший из людей. Он красив, умен и богат. Когда-нибудь он станет королем. Что еще нужно для счастья?

Арина язвительно подтвердила:

— О да! Вполне достаточно.

— И еще у него была своя рысь.

— Рысь?! — вскрикнула она. — Почему — была?

— Он подарил ее королю, — пояснил Паж.

— Зачем? Зачем он отдал ее? Как он посмел?

Паж вдруг схватил ее за руку и увлек за собой:

— Пойдемте. Здесь слишком узкие улочки.

"Нас подслушивали, — догадалась Арина. — И что за город..." Мостовая свернула направо и повела их к реке. Уже издали Арина увидела, что вода в ней, как расплав-

ленное серебро. Расписывая воздух невидимыми вензелями, носились над водой чайки. Время от времени какая-нибудь из них взмывала ввысь с бьющейся в клюве рыбешкой. На берегу у самой реки сидел человек в огромной желтой шляпе и белой рубахе с пышными рукавами. Беспокойные мелкие волны почтительно лизали носки его башмаков.

— Смотрите, — сказал Паж. — Это наш королевич.

Арина спросила, понизив голос:

— Желтый тоже веселый цвет?

— Очень. Еще веселее, чем розовый. Это цвет солнца.

— Но королевичу ведь никто не отрубит голову?

— Если на то не будет воли короля.

— А ее не будет? — она стиснула его руку, требуя ответа.

Паж указал в сторону реки:

— Смотрите.

С пологого склона шумно осыпались сухие камни — к реке спускались солдаты. Командир шел последним, будто надеялся укрыться за их внушительными спинами. Услышав хруст шагов, королевич поднялся.

— Но это же... — воскликнула Арина.

— Да тише вы! — зашипел Паж. — Смотрите!

Когда солдаты остановились, командиру пришлось выступить вперед. Он двигался так,

словно обходил рассыпанное в камнях битое стекло. Что-то пробормотав, он подал бумагу, и королевич долго читал ее, время от времени поднимая печальные светлые глаза. Потом что-то спросил. Слабый ветер донес ответные слова:

— ...прощения ...арестовать ...донос... плакали...

Арина ужаснулась:

— Он собирается казнить собственного сына?!

— Не он первый, — отозвался Паж и сел среди нестриженных кустов, обхватив колени.

— Что вы уселись? — она толкнула его ногой. — Вы что — вот так и отдадите своего королевича?

— А что я могу? Рысь не сделала свое дело.

— Но он ни о чем ее не просил!

— Откуда вам знать?

— Понятия не имею... А почему королевич плакал?

— Это же очевидно. Он несчастен без своей кошки. А ей наплевать! Она прижилась. У короля пища посытнее.

Арина осторожно раздвинула кусты: королевич все еще разговаривал с командиром. Его изысканные губы то и дело расходились в улыбке.

— Его на казнь ведут, а он еще и улыбается!

— Ну, не сразу на казнь, — успокоил Паж. — К такому торжеству надо как следует подготовиться... — решившись, он прошептал: — Наш королевич считает, что человек не может быть счастлив круглые сутки. Часто смех — поверхностен, а слезы идут из глубины души. Он полагает, будто люди имеют право сами распоряжаться своими чувствами...

Выпрямившись, Паж громко и уверенно произнес:

— Но это совершенная ересь.

— Конечно, ересь, — оглянувшись, она испуганно вскрикнула: — Его уводят! Что же вы сидите?!

— А вам-то что за дело? Вы его впервые видите.

— Да, — растерянно признала Арина. — А мне почему-то так плохо, будто я теряю главного человека в своей жизни...

— Ну, слава Богу! — сказал Макс, и, подсунув ладонь ей под голову, помог приподняться. — Два обморока за одно утро — это уж слишком.

— Обморок? — она слепо огляделась. — Там город...

— Какой город?

— Как какой? Вы же привезли меня сюда, чтобы показать свой тайный город.

Максим помахал у нее перед носом рукой:

— Сколько пальцев?

— Отстаньте со своими пальцами! А волшебный напиток?

— Это вы о виски?

— Виски мы пили дома. Я все помню! А здесь?

Он покачал головой:

— Ничего мы тут не пили. Но если хотите...

— Мне надо к Кириллу, — она оттолкнулась от пыльной земли и, цепляясь за плечо Макса, с трудом поднялась.

— Даже слышать не желаю, — отрезал Максим. — Сейчас мы поедem домой, и я уложу вас в гамаке возле дома. Меня уже пугают ваши обмороки.

— Но мне нужно его увидеть!

Макс твердо сказал:

— Завтра. Не умрете за день без вашего Кирилла.

Арина взгляделась в неровные очертания свалки:

— У меня правда был обморок?

— Нет, я стукнул вас по голове и изнасиловал, — обиженно ответил Макс.

— Я бы не удивилась... Так вы обещаете — завтра?

— Может, мне и самому хочется увидеть Кирилла? — он вдруг доверчиво признал-

ся: — Знаете, я ужасно по нему соскучился! Ужасно!

— Да ну? Что-то незаметно было, когда вы встретились.

— Это вы помешали. Без вас все вышло бы по-другому.

— Значит, вам придется смириться с моим существованием, — дрожа от негодования, сказала Арина. — Потому что я буду рядом с Кириллом всегда.

— Вы так уверены? — спросил Макс и, отвернувшись, пошел к мотоциклу.

Глава 11

Маму радовало, когда я приезжал домой обедать, и она заражала меня своей радостью. От того, что я не был женат, а может, и по другой причине, она продолжала относиться ко мне, как к ребенку, за которым нужен уход. Когда я звонил ей и предупреждал, что останусь ночевать у Арины, трубка наполнялась тишиной, словно мама была потрясена открытием, что ее сын спит с женщиной. Она не подозревала, что до встречи с Ариной все мои попытки сблизиться с женщинами оканчивались постыдно, и страх постоянно держал меня за горло. Арина явилась для меня бесценным даром судьбы, о котором я уже и не мечтал.

Тогда, семь лет назад, она все взяла в свои руки. Я увидел ее под дождем. Арина шла без зонта, распахнув ветровку, и по-девчоночьи растирала по асфальту мелкие лужицы. Голубые джинсы быстро покрывались темными штрихами. Все кругом спешили укрыться, забегали в магазины и подворотни, а она шла, как ни в чем не бывало. Дыхание судьбы понесло меня к ней. Я догнал Арину и предложил свой вызывающе желтый зонт.

— А как же вы? — удивилась она.

— А вы хотите забрать его целиком? — я был слегка обескуражен. — Мы могли бы его разделить.

— Я ничего ни с кем не делю, — отрезала Арина. Потом, смягчилась: — Но вы такой милый...

Зонт был большой, она могла бы просто идти рядом. Но Арина взяла меня сначала под руку, затем ее пальцы заползли на мои и переплелись с ними. Я едва не выронил зонт. Остановившись, Арина сердито спросила:

— Что это значит?

— Мне хочется вас поцеловать.

— Но мы ведь не в Париже. Тут нельзя этого делать.

Почти не слыша себя, я сказал: "Можно" и наклонился. Тогда она схватила меня холодными ладонями за щеки, и голос ее зазвучал совсем низко:

— Какие у вас губы, с ума сойти! Какие красивые! У мужчин таких не бывает. Но мне это нравится.

Она так целовала меня, что я на самом деле выронил зонт. Спиной я чувствовал решетку каких-то ворот, к которым Арина меня прижала, и даже как-то ухитрился следить за пустой, вымытой дождем улочкой, и в то же время понимал, что умираю. И мне только этого и хотелось.

У меня сохранились только отрывочные воспоминания о том, как мы добрались до гостиницы — Арина тогда жила в общежитии и проникнуть туда было не так просто. Я совал администратору деньги, не помню сколько, и, видимо, у меня было такое лицо, что он без слов протянул ключ. В номер я ворвался одержимый мыслью умереть от наслаждения и, в общем, оказался недалек от истины, потому что настоящее открытие женщины пропускает через ад и рай.

К утру я понял, что до сих пор получал всего лишь суррогат любви. Проснувшись, Арина закурила в постели, я тут же закашлялся и только сумел простонать: "Пожалуйста!" Она тотчас потушила сигарету, бормоча: "Прости, королевич!" Я удивился: "Как ты меня назвала?" Она без смущения наговорила мне гадостей: "У тебя такое красивое, изнеженное лицо... Кажется, что ты спишь в кровати с балдахином, и ешь с японского фар-

фора. И у тебя куча золота". Я решился спросить: "А ты хотела бы, чтоб у меня нашлась куча золота?" — "А ты думал! — ответила она. — Только у тебя ведь ее нет. Ладно, я пошла, королевич!"

Пока Арина одевалась, я мучительно подыскивал слова, которые могли бы ее удержать. И брякнул наугад: "Хочешь, я куплю тебе квартиру?" Кошачьи глаза так и впелись в меня: "Ты шутишь?" Я упрямо повторил: "Куплю". Вернувшись к постели, она почти с жалостью произнесла: "Ты такой молоденький... Откуда у тебя деньги?" Мне пришлось признаться, что их только и хватит на однокомнатную квартиру. Арина вытянулась рядом поверх одеяла: "И что же ты хочешь взамен?" У меня вырвалось: "Тебя!" — "Нет, — подумав, сказала она. — Больше всего на свете я хочу принадлежать себе. Больше отдельной квартиры. Но я могу пообещать, что никто не войдет в нее, кроме тебя". Я тут же согласился. И мы оба сдержали слово. Правда, с тех пор меня не оставляло ощущение, будто Арина каждым своим вздохом доказывает, что я купил ей всего лишь квартиру.

Мама встретила меня в прихожей и, вцепившись в рукава пиджака, взволнованно зашептала:

— Детонька, ты только не сердись. Там пришла одна женщина... Она умеет снимать порчу, привороты... Я не могу больше смотреть, как ты мучаешься! Ну, пожалуйста!

— Мама, — взмолился я, — зачем Арине меня привораживать? Она бы только вздохнула с облегчением, если б я куда-нибудь исчез.

— От тебя же не убудет, если она посмотрит.

— Все это не имеет смысла, — мне вдруг стало тоскливо, будто сейчас с меня и вправду могли снять чары. Тогда я остался бы голым и беззащитным на виду у всего мира, который без Арины был мне неинтересен.

Но мама не сдавалась. Просунув свою тоненькую ручку в мою, она так и ввела меня, своего маленького мальчика, за руку. Сидевшая в уголке дивана пожилая женщина поднялась навстречу. Я поздоровался, и она подала руку, теплую и чуть шершавую. Я тут же подумал, что сеанс уже начался, и, прикоснувшись ко мне, она считала информацию. Может, так оно и было, потому что Ксения Петровна нахмурилась. Не разжимая руки, она усадила меня на диван — все молча. "Таинственности напускает", — предположил я и пожалел, что Арины нет рядом: ей могла бы пригодиться эта сцена.

— От той женщины — никакой угрозы, — наконец сказала она.

Я с облегчением улыбнулся маме, но Ксения Петровна настойчиво удержала мою руку. Я вопросительно посмотрел на нее, и она сделала знак бровями.

— Мама, разогрей мне чего-нибудь, — попросил я, чувствуя, что заинтригован. — У меня мало времени.

Когда она вышла, Ксения Петровна заговорила так внушительно, будто пыталась запечатлеть все сказанное у меня в мозгу:

— Это правда. Но вас подстерегает другая опасность.

— От другой женщины? — мне стало смешно.

— Нет. От мужчины.

Тут уже мне стало не по себе. Я попытался уточнить:

— Какого рода опасность?

— Не берите конверт. Какой бы конверт вам не подали в ближайшие недели, не берите его.

— Там будет взрывчатка? Но у меня нет врагов.

— Это вам так кажется, — она вдруг засмеялась. — Вы похожи в профиль на верблюжонка. Красивого, грустного верблюжонка. У вас такая длинная шея.

— Я весь длинный. Сколько я вам должен? — я достал бумажник и еще раз спросил: — Значит, с той женщиной у меня все будет нормально? А как, именно, не скажете?

Мне так хотелось это узнать, что я боялся себя выдать.

— Вам придется принять ряд непростых решений. Но если вы все сделаете правильно, ваша дама склонится к вам.

— Как это — склонится?

— Увидите. Главное, не берите конверт. Это очень серьезно!

— Я понял, понял. Отобедаете с нами?

— Некогда, — вздохнула она. — Столько работы, вы и не представляете. Всем надо помочь.

Я вышел проводить ее. Когда она наклонилась, чтобы обуться, в прорези ворота показался кусочек старческой, пятнистой кожи. Мне отчего-то стало жаль ее.

— Спасибо вам большое! Хорошо, что мама к вам обратилась. Вы мне очень помогли.

Выпрямившись, Ксения Петровна тяжело отдышалась. На висках, под короткими волосками, блеснули капельки пота. Меня потянуло достать платок и стереть их, но, конечно же, я этого не сделал. Она качнула перед моим лицом коротким некрасивым пальцем, будто сожженным марганцовкой.

— Вы даже не представляете, как я вам помогла.

"Переигрывает", — с досадой подумал я и улыбнулся ей в ответ. Она тоже улыбнулась, но как-то жалобно, словно умоляла чем-то, а я был так туп, что не мог понять.

— Что? Что-то еще?

— Нет, — она мелко затрясла головой. — Берегите себя.

— Да со мной и так все нормально, — заверил я. — Многие считают меня баловнем судьбы.

Ксения Петровна шагнула к двери и, не обернувшись, спросила:

— Но вы-то знаете, как они ошибаются, правда?

И я с ужасом догадался, что она прочла по моей руке гораздо больше того, что произнесла вслух. Она обернулась, но я не смог заставить себя взглянуть ей в глаза.

— Хорошие люди редко бывают счастливыми, — негромко сказала она. — Таков уж закон природы. Но поверьте мне, счастье не стоит того, чтобы стать негодяем.

Глава 12

Цепляясь друг за друга, слова вытягивались изящными цепочками, из которых уже вырисовывался узор будущей кольчуги, готовой защитить только зарождающееся тело романа. Главное, как всегда, скрывалось от посторонних глаз внутри, но среди Ариновых читателей почти не было посторонних. Ей везло — они все понимали с полуслова, заражались ее страстью и были готовы, на время

чтения книги, разделить ее жизнь и смерть... Она споткнулась на последнем, не написанном, но подуманном слове. Иногда мысли о совершенно разных вещах созревали у Арины как бы в двух полушариях. Одним Арина отслеживала сюжет, другим размышляла о вещах, происходивших с ней в реальной жизни. Это было крайне утомительно, как и любое раздвоение, и потому случалось редко и продолжалось недолго.

— Господи, ведь с ним ничего не случилось, правда?!

Свистнув пса, Арина вышла в коридор и прислушалась к происходящему в комнате Макса. Детское лепетание перемежалось с его приглушенным смехом, и она едва удержалась, чтобы не подглядеть в замочную скважину. Макс прятался со своей дочкой в комнате или уходил в лес, значит, в эти минуты он был настоящим. Кирилл, наверное, помнил его таким...

Будь он рядом, она расспросила бы обо всем. Сначала же ее интересовал только Лари, потом королевич так быстро сбежал... В тот странный вечер, когда Арина изнемогала от нежности к нему и едва не назвала любимым. Что помешало, ей это сделать? Она ухватило за испытанное годами оправдание: он слишком красивый. Впервые слова, которые она произносила всегда с искренним убеждением, показались непроходимой глу-

постью: "Если я отдам ему себя целиком, он потеряет ко мне интерес".

Ступенька вскрикнула под ее ногой: "Глупо!" Арина даже остановилась. Цезарь умоляюще оглянулся и бросился к двери. Она поспешила выпустить измучившегося пса и удрученно решила, что все это и впрямь — глупо. Всем, что было написано ею до сих пор, каждой мыслью, каждым образом, она только и делала, что пыталась рушить стереотипы. А в реальной жизни попала к ним в плен. Красивый мужчина — не обязательно подонок. Однажды Арина написала об этом целый роман. И свято верила в каждое рожденное слово. А когда приходил Кирилл, боялась лишний раз поцеловать его, чтобы он, не дай Бог, не подумал, что дорог ей. Он покорно следил за ней просящими глазами, такими чистыми и глубокими, что хотелось нырнуть в них и забыть обо всем. Но она так ни разу и не позволила себе этого, потому что знала: назад ей уже не выбраться...

— Арина! — окликнул Лари из кухни. — Хотите поучаствовать? Я готовлю рисовый пудинг с черешней.

— Нет, спасибо! — с ходу отказалась Арина. — Вы уж извините, Лари, но меня просто воротит от кухни.

— Вам хорошо у меня пишется?

Она села в плетеное кресло возле окна:

— Отлично! Совсем потеряла счет времени.

— Можете задержаться здесь на любой срок. Скучно жить одному. Я был бы горд, если б вы работали в моем доме. Вам ведь здесь нравится. Я видел, как вы бродили утром вокруг дома. И гладили сосны. Извините, если я подглядел слишком интимное... Макс хотел отнести вам обед. Я решил не мешать.

— И правильно. Когда пишу, я только кофе глотаю. Кирилл варит очень вкусный... Я хотела позвонить ему...

— Телефон на буфете, — Лари отвернулся к плите. — Можете взять с собой.

На ходу набрав номер, Арина присела на крыльцо и толкнула дверь. Небо уже потемнело, но было высоким и ясным. "Взял бы да приехал, — уныло думала она, слушая бесстрастные гудки. — Совсем сожрал его этот ресторан!"

Она торопливо набрала другой номер и наспех потрепала собаку. В ладони тотчас ожило воспоминание об упругих, густых волосах Кирилла. Ее внезапно пронзило подозрение, что кто-то ласкает сейчас эти волосы, и потому Кирилл не берет трубку. Ведь в мире не существовало такого, что могло бы оторвать его от наслаждения. Она не позволила мыслям пуститься этой опасной доро-

жкой и снова пробежалась пальцами по маленьким кнопочкам.

Кирилла не было нигде. Ни один из номеров не отвечал, и даже у него дома, куда Арина звонила только в крайних случаях, никто не брал трубку. "Да разве сейчас — крайний случай?! — рассердилась она на себя. — Он пропал и на больший срок... И ведь никогда ничего не объяснял, паршивец этакий! Откуда же эта чертова тревога?"

Проснувшийся ленивый ветер донес из леса шепот: "Прозевала ты своего королевича... Прозевала". Перед глазами мелькнул белесый берег реки, красные мундиры солдат... Красный — веселый цвет? Телефонная антенна ткнулась между ребер затупившимся кинжалом. Арина скорчилась, хотя боль была пустяковой. "Да что все это значит?!"

Позади легко скрипнула дверь. Взглянув через плечо, Арина протянула трубку.

— Ну, как он? — поинтересовался Лари. — Надо было мне дать. Я хотел узнать, как дела.

— Я не нашла его.

— Как это — не нашли? А домой звонили?

— Там никого нет.

Лари с недоумением сказал:

— У него всегда телефон с собой. Я доставал его даже из ванны. Может, неполадки на линии? Эти перемены погоды... Сейчас бы на юг! Хотите на юг?

— Не хочу, — безразлично отозвалась она.

— А то бы махнули куда-нибудь на Канары...

— Вы серьезно?

Он спокойно сказал:

— У меня отпуск. Я бы с удовольствием с вами прокатился. Без всяких дурных намерений.

— Да вы с ума сошли, Лари! О чем вы говорите?

— Вам ведь нужны новые впечатления?

— Не помешали бы, но...

— А за мной необходим присмотр, — он побарабанил пальцами по груди. — Старый сердечник путешественник ненадежный. Третий инфаркт меня доконает.

Арина с подозрением сказала:

— Меня пугает ваша разговорчивость. Вы стараетесь меня отвлечь?

— А почему вы вообще забеспокоились?

Лари равномерно похлопывал трубкой по ладони, и Арине вдруг почудилось, что он не дает ей зазвенеть. Засмотревшись, она не ответила, и он снова спросил:

— Неужели соскучились? Кирилл уверен, что значит для вас меньше, чем этот пес.

Они оба посмотрели на Цезаря, который без усталости шнырял по кустам, ошалев от свежих вечерних запахов. От долгих дождей листья кое-где подгнили, и вокруг дома уже было заметно наступление осени. У Арины

стало нехорошо на душе: скоро небо опять затянется сыростью, начнется сезон дождей, за ним — бесконечная зима, а Кирилл так и не вернется. Почему-то такой исход их спокойного романа никогда не представлялся ей возможным.

— Давайте разожжем костер, — внезапно предложила она, поддавшись надежде, что беспокойство огня, слившись с ее беспокойством, поглотят друг друга. Не дожидаясь одобрения Лари, она быстро обошла край леса, подбирая сухие ветки, уродливые, как лапы гигантского насекомого.

— Ах ты, холеный мерзавец, — бормотала она, переживая приливы головокружения. — Тебе все же удалось сцапать меня целиком! Видит Бог, я сделала все, чтобы этого не случилось. У меня просто что-то не в порядке с головой...

Вчерашние обмороки ее вначале не очень встревожили, но сейчас именно в них Арина пыталась обнаружить причину своего беспокойства. Такого с ней раньше не было, и обмороков тоже не было, значит, между этими явлениями существует какая-то связь. Не влюбилась же она в Кирилла после семи лет близости, честное слово!

Она швырнула ветки на землю и крикнула Лари, который все еще наблюдал за ней с крыльца:

— Бросьте мне телефон!

— Бросьте? — удивился он. — Это дорогая вещь.

— Черт с тобой, жмот несчастный, я подойду, — процедила Арина и, приблизившись, почти вырвала трубку. Внезапно подавшись вперед, Лари пытливо заглянул ей в лицо:

— Зачем вы сюда приехали? Что задумал этот прохвост?

— Задумал? Он хотел, чтобы я отдохнула. Вот так отдых получается!

— А как насчет Багамских островов?

— Вы говорили о Канарах.

— Без разницы. Я отвезу вас, куда захотите.

— Я никуда не хочу, — тщательно проговаривая каждое слово, ответила Арина.

Он снисходительно усмехнулся:

— Я не собираюсь соблазнять вас.

— Еще чего! Это вообще невозможно!

— Как это? — удивился Лари. — Но Кириллу же удалось!

— Не удалось. Это я соблазнила его. Он был такой хорошенький и невинный. Я его чуть не проглотила.

— Вот это да! — он издал короткий смешок. — Я вас понимаю. Красота и невинность способны свести с ума. Вот только вы опоздали. Он уже давно перестал быть невинным.

— Да уж я догадалась! — тем же тоном сказала она. — Не мог же он оставаться девственником до тридцати лет!

— О чьей девственности речь? — донесся голос Макса. Он, перегнувшись, смотрел на них из окна своей комнаты.

— Мы говорили про Кирилла, — нехотя пояснила Арина, не обратив внимания на предупреждающий жест Лари.

Лицо Макса внезапно побагровело. Он оказался на крыльце быстрее, чем Арина успела удивиться.

— Что это еще за разговоры? — отрывисто спросил он у отца. — Ты затеял?

Лари безразлично пожал плечами:

— Мы просто разговаривали. Чего всполошился?

— Это я еще не всполошился! Может, мы больше и не друзья, но я не позволю говорить гадости у него за спиной.

Арина решила восстановить справедливость:

— Никто и не говорил гадостей. Еще не хватало! Я пыталась дозвониться до Кирилла. Он куда-то пропал.

— Пропал, — рассеянно повторил Макс, потом вскинулся и непонятно переспросил: — Что это значит — пропал?

Глава 13

Я шел и шел, ни о чем не думая, ничего не помня. Только следил за небом, чтобы вовре-

мя заметить, если появятся дождевые тучи. Я боялся их потому, что боялся всего на свете. Страх вытеснил все мысли. Я начинал думать о чем-то, и тут же оно ускользало... Спустя секунду, я уже не мог вспомнить о чем. Тяжесть возмездия расплющивала мою голову. Мне было не избежать его, потому что я дерзнул распорядиться человеческой судьбой и не подумал, что выпущенное мной зло вернется ко мне бумерангом. Его полет оказался холостым. Зато я был сражен наповал.

Я пытался вспомнить, когда начал осознавать, что происходящее — не череда нелепых случайностей. Что оно неотвратимо, как та самая судьба, в ход которой я посмел вмешаться. С чего началось мое прозрение? То ли с того, что в мой кабинет заглянул наш заведующий и озабоченно попросил: "Кирилл, будь другом, закажи для Лари два билета на Канары. Он летит с какой-то дамой. Вот листок с их данными... Лари позвонил мне, а тут, понимаешь, жена требует, чтобы я отвез пацана в травмпункт — с дерева свалился... Вроде ничего серьезного, но лучше проверить, правда?"

Выросло ли то дерево, о котором он говорил? Или оно тоже было ложью, злобной фантазией, как и все, что окружало меня? "Что с тобой, Кирилл? У тебя такие глаза... Ты не заболел?" Я не мог вспомнить, ответил ли ему... Наверное, да, потому что он оставил меня в покое.

Помню, как пытался сосредоточиться, но все расплывалось, будто я рисовал слишком водянистыми красками. Я силился представить Канары, куда так и не собрался, потому что мне не хотелось туда без Арины, а она отказывалась... Я, не отрываясь, смотрел на листок с ее именем, и оно выжигало мне глаза... Мама издали качала головой, ее голос срывался от жалости: "Ты у меня какой-то слабоумный... Кто же увозит свою женщину к другому мужчине?" Я не собирался устраивать скандал, и мне даже не хотелось плакать. Но и не хотелось жить. Мысли стали вдруг коротенькими, как у Буратино. Но ни одну я не успевал додумать до конца.

...Или это произошло чуть позднее, когда я смотрел на незнакомого человека, сидевшего напротив меня, и никак не мог понять — кто он?

— Вы — налоговый инспектор, — внезапно осенило меня.

Он с недоумением проговорил:

— Я твержу вам об этом уже пять минут. Вы что, нездоровы?

— Здоров, — возразил я. — Я молод, красив и здоров. Что вам от меня надо? Налоговые отчеты заполняет бухгалтер.

— Вот именно, — подтвердил он. — Прорисовки в последнем видны невооруженным глазом. Хотите взглянуть?

Не дожидаясь моего согласия, инспектор достал из кейса небольшой пакет, и подал мне. Я протянул руку, и вдруг женский голос вскрикнул: "Не берите конверт!" Я отдернул руку, но он продолжал держать пакет над столом.

— Почему он в конверте? Разве так подаются отчеты в налоговую инспекцию?

Оглянувшись на дверь, инспектор понизил голос:

— Я не хотел, чтобы его кто-нибудь увидел. За такие нарушения вам придется дорого заплатить. Посмотрите же!

— Откройте конверт, — потребовал я.

На его незапоминающееся лицо напоззло оскорбленное выражение.

— Не хотите, не надо, — пробубнил он и хотел было убрать конверт, но я схватил его за руку.

— Что в конверте? — Быстро обогнув стол, я прижал его к креслу. — Открывай конверт, скотина, — прошипел я, сдавив его горло. — Там деньги? А здесь где-то камера, да?

— Да, — просипел он, хватая воздух.

— Ты хотел меня подставить? — я уже понял это, и все же сам поразился. — Взятка налоговому инспектору... На сколько лет я бы сел? Кто тебя нанял?

— Беги, — вдруг выдавил он, и я разжал пальцы. Отдышавшись, он повторил: — Беги, черт бы тебя побрал! Слов камера не пишет, он поймет, что ты обо всем догадался. Этот

тип все равно достанет тебя, если не смоешься.

— Кто он? — Мне было страшно услышать ответ.

— Ты сам знаешь, — он опять боязливо осмотрелся. — Здорово же он тебя ненавидит.

— За что? — голос у меня прозвучал почти жалобно, и я испугался того, что кажусь ему смешным.

Но инспектор уже шел к двери, бормоча на ходу:

— Это уж тебе лучше знать. Мой тебе совет: уходи сию же секунду, пока он не нанял киллера. Все бросай и никому не звони. Теперь он уже не остановится, я таких знаю... Ты, вроде, хороший парень. Мне жаль, что с тобой так обошлись.

— Спасибо, — я действительно был благодарен ему, ведь никто из нас не представлял, чем это для него обернется.

— Дурацкая сцена вышла, — криво усмехнулся он и, не простившись, вышел.

Мне хотелось еще что-то сказать ему, но я так ничего и не придумал. Он тоже больше не произнес ни звука, только в дверях подмигнул мне, и это короткое движение век было, как щелчок гипнотизера, выводящего из транса. Я очнулся и едва не закричал от боли.

Кажется, я метался по кабинету, натыкаясь на стены, а потом они исчезли, и мне в глаза налетел песок. Я катался в пыли на проселоч-

ной дороге и не помнил, как здесь оказался. На мне все еще были дорогой костюм и галстук, только цвет их теперь невозможно было определить. Пыль забила в горло до самых легких. Я весь состоял из пыли, как ничтожная моль. И со мной обошлись, как с молью...

Не отряхиваясь, я пошел по дороге навстречу закату. Больше всего мне хотелось дойти до него и сгореть. Но в жизни не сбываются как раз главные желания. Эта безнадежность и поддерживает в людях веру в загробный мир.

Тучи не появились, но я так старательно вглядывался в меркнувшее небо, словно дождь мог мне навредить. Когда солнце все же скрылось, так и не подпустив меня, я просто рухнул под первым кустом. Перед моими глазами по узким травинкам торопились домой запоздавшие насекомые. Когда-то мы с Максом без усталости ловили бабочек. Не для коллекции, просто соревновались в ловкости. Мы тут же их отпускали, и ни ему, ни мне даже не приходило в голову, что бабочки уже успели пережить ужас смерти. Теперь я понимал, каково это — выскользнуть из-под сачка... Тебе возвращают жизнь, но забывают вернуть желание жить.

Кажется, я только-только задремал, когда кто-то тряхнул меня за плечо. Я сел, ничего не видя в темноте, и потер глаза, до сих пор горевшие от пыли.

— Вот это находка, — произнес незнакомый хриплый голос. — Ты что тут делаешь, салажонок?

— Я не салажонок, — ответил я, еще не разглядев, с кем разговариваю.

Он присел, обдав меня ненавистным запахом крепкого табака, и тяжело задышал в лицо. Теперь я видел, что лучше было не огрызаться — даже на шее у него, красовались тюремные наколки. Он самоуверенно взял меня за подбородок и, пристально оглядев, довольно произнес:

— Интеллигент... Люблю интеллигентов. Со мной на зоне один сидел... Фальшивомонетчик. Так языком чесал — заслушаешься! У тебя с этим как?

— Не знаю, — честно сказал я. — Помоему, не очень.

— Ломаешься? — насторожился он. — А ты чего тут разлегся посреди леса? Кореша тебя, что ли, забыли?

— Вроде того. А вы здесь живете?

Он отрывисто хохотнул:

— Ага, прямо под кустом. Как зайчик. Ты пьяный, что ли? Вроде, не пахнет. Дрянью, поди, обкурился?

— Я вообще не курю.

— Ну, вставай тогда. Болячку прилежишь на голой земле-то. Переночуешь у меня... Куда среди ночи идти?

Его звали непривычно, забыто — Макаром. Пока мы добирались до его дома на окраине деревни, он выложил, что освободился только полгода назад, а до этого зона шесть лет была его "мамкой". Посадили Макара, по его словам, за глупость — спалил по пьяни колхозную ферму, которую сторожил. Но на земляков Макар зла не держал, вернулся сюда и в первый же вечер сошелся с одной разведенкой.

— Пашуней звать, — произнес он с нежностью. — Накопилось в бабе ласки — замучила меня!

Когда мы выбрались на опушку, за которой начиналась деревня, Макар оглядел меня с удивлением:

— А ты чего такой грязный? Увалился куда?

— Вроде того.

— Чего ты все — вроде, вроде. Не доверяешь?

— Доверяю. Просто не хочу, чтобы ты смеялся.

— Не буду, — неожиданно серьезно пообещал Макар. — Тебя побил кто?

— Вро... Не кулаками. Так тоже бывает.

— Рассказывай! — важно отозвался он. — Уж я-то всякого на зоне насмотрелся. И кулаками, и словами, и чем хочешь... Дай-ка я тебя отряхну... Пашка домой в таком виде не пустит. Хотя она уже спит, поди, ты там потише.

В доме кисло пахло дрожжами, и я с порога понял, что сейчас предложит Макар. И впрямь он затащил меня на кухню и хитро подмигнул:

— Давай по маленькой?

— Давай, — согласился я.

— А я думал — откажешься, — удивился он. — Ты, поди, хуже коньяка ничего и не пил?

— Пил, — заверил я. — В детстве, как и все с бормотухи начинал. Мы с другом в седьмом классе попробовали.

Макар снисходительно протянул:

— Ну, чего-то вы припозднились! Я еще в школу не ходил, уже самогонку со стопок допивал.

Мы выпили с ним по первой — за встречу. С непривычки я задохнулся, и Макар тут же сунул мне под нос кусок ржаного хлеба:

— Занюхай!

Я втянул пряный запах, и мне сразу стало легче дышать. Макар, причмокивая, зажевал огурцом.

— А ты, правда, откуда сбежал-то?

Самогонка уже мягко обволокла мою память, чтобы я мог взглянуть на все нетрезвыми и оттого близорукими глазами. И если повезет — вообще ничего не разглядеть. Но Макар ждал, безразлично похрустывая огурцом. Конечно, я бы мог с ходу наплести ему с три короба, и он, пожалуй, не усомнился бы.

Ведь мы были из разных миров, и он понятия не имел, что происходит в моем.

Но неожиданно для себя я ему все рассказал.

Глава 14

— Вот сучара! — воскликнул Макар, когда я замолчал. — Ни хрена себе, как отец! И баба твоя тоже хороша... Нашла кусок пожирнее, так что ли?

— Она никогда меня не любила.

— А ты не заступайся, простофиля. Чего ж ты в нее вцепился, коли не любила? У тебя, поди, от девок-то отбою не было! Ты ж как из кино, если отмыть хорошенько.

— Вот это точно, — спохватился я. — Помыться бы...

— Ну, ты сказал! Баню среди ночи топить? Здесь тебе не город. Этих ваших душевых кабинок нету.

Мне стало смешно.

— Где ты видел душевые кабинки?

— Рассказывали, — сознался он. — Тот парень, фальшивомонетчик. В деньгах купался, паразит! Да, видать, зарвался малость... У тебя есть дома такая кабинка?

— Нету. И квартира у меня обычная.

— И евроремонт не делал? — усомнился Макар.

Я вспомнил отставшие в углу своей комнаты обои. Когда открывали форточки, стены начинали угрожающе потрескивать, будто под бумагой расправляло сухие крылья неведомое насекомое. Но ремонт пугал меня сильнее, чем это существо. К тому же, нам с мамой просто некуда было переселиться на это время. Она еще могла бы пристроиться у подруги, но кто приютил бы меня на целых три месяца?

Макар между тем продолжал допытываться:

— Куда ж ты деньги тратишь?

— Да я не так много и получал... Лари только раз прибавил мне зарплату. Может, он ждал, что я попрошу?

— Ну, и попросил бы! Чего там, раз все равно на хозяина работал? Теперь-то оно, вроде, и лучше, что не просил...

— И потом я мечтал купить дом... За городом, как у Лари. Только побольше. Чтобы у Арины был светлый кабинет. И чтобы спальня была. И две или три детские.

— Э-э! — встревожился Макар. — Да ты сейчас разревешься... Давай-ка, еще по одной. Чтоб дух укрепить!

Выпив, он решительно сказал:

— Ничего, Кирюха, жизнь она, собака, длинная. Очухаешься. Перво-наперво знаешь что? Откормить тебя надо, дохловат ты ма-

лость... Может, потому этот Лари так легко с тобой и справился?

— Не потому, — сказал я.

Он постелил мне прямо на полу драное ватное одеяло:

— Завтра мы тебя отмоем, а нынче уж так перекантуйся. Спи, дружок, — Макар заботливо прикрыл меня полушубком.

Овчина пахло терпко и чуть душновато, но я накрылся с головой, чтобы получше спрятаться от того мира, который все еще был со мной. Или я с ним? От выпитого в голове завертелась шальная карусель, и постепенно я перестал различать лица тех, кто кружился на ней. А когда снова открыл глаза, передо мной оказалось совершенно незнакомое лицо. Смуглое и круглое, как большой спелый абрикос. Еще не проснувшись окончательно, я сел и машинально произнес:

— Доброе утро.

Женщина заливисто расхохоталась и лихо закинула за плечо мягкую косу.

— Ой, какой смешной! Головка-то бобо?

— Что?

— Болит голова, спрашиваю? Похмеляться будешь?

— Нет, — я еще плохо соображал, но уже вспомнил ее имя. — Вы — Паша, да?

Она повторила с таким удовольствием, словно звук собственного имени ласкал ей слух:

— Паша. А ты-то кто?

— А где Макар? Он вас не предупредил?

— Макар, где и положено — гусей пасет, — ее развеселила собственная шутка. — На работе он. Ты с ним сидел, что ли?

Видно у меня так перекошилось лицо, что Паша задохнулась от смеха, Вытирая глаза, она простонала:

— Ой, умора! Ты откуда такой взялся?

Мне постепенно передалось ее настроение:

— Не поверите, Макар нашел меня в лесу. Под кустом.

Она даже взвизгнула:

— Грибочек! Масленочек! — Отдышавшись, Паша сменила тон на укоризненный: — А грязный-то какой! Костюм такой хороший весь изгвоздал... Ты с кем там валялся-то?

— Еще смешнее — один.

Но Паша повторила неожиданно жалостливо:

— Один. Такой хорошенький и один. Ты — пьяница?

— Нет. Я пью только красное вино.

Паша беззлобно усмехнулась:

— Ага, видела я ваше красное вино — вон в стаканах на доньшке... А я думала, ты злой, — вдруг призналась она. — Ты когда спал, у тебя такое лицо было... Будто проснешься и прикажешь меня плетью отхлестать. Барское у тебя лицо.

Я согласился:

— Знаю. Но что я могу с этим поделать?

— Вставай, баня уже топится. Я тебе сейчас таких блинов напеку! Я уже на ферму свою сбегала, пока ты спал. Да оставь ты одеяло это! Сама уберу. Ты в деревню-то надолго?

— Не знаю, Паша, — сознался я. — Ничего не знаю.

— Не знаешь, так узнаешь. Я порой сама утром встану и не знаю — чего хочу, чего делать буду... И вот так всю жизнь. Сеструха моя младшая выучилась, институт закончила, а я так еле-еле восьмилетку дотянула. А все потому, что не знала, чего хочу. А Лизка знала.

Чтобы поддержать разговор, я спросил:

— И чего же она хотела?

— Завклубом быть. И стала! У нас, между прочим, молодежь только из-за Лизки и остается. Такая выдумщица, никому скучать не дает! Да ты меня не слушаешь!

— Слушаю-слушаю, — очнулся я. — Наверно, я просто не до конца проснулся.

Она добродушно улыбнулась:

— Сейчас баня будет готова. Только вот во что обрядить бы тебя, не знаю. Макарово-то все тебе коротко будет... Ой, а я к Лизке сейчас сбегая! Ее покойничек высокий был.

Я попытался отказаться, но Паша только возмутилась:

— Чего — не надо-то? А что наденешь? Я-то, конечно, не против, чтобы ты голым походил, — она игриво хохотнула. — Да, боюсь, Макарке не понравится. Пойдем, я тебя в баньку запущу, и к сеструхе сгоняю.

Баня оказалась прямо за домом, в той стороне, откуда мы ночью пришли, но в темноте я ее не разглядел. Даже на расстоянии от нее пахло древесным паром и влажной березовой листвой. А может, я все это придумывал, до отказа нагружая свой новый мир деталями, которые могли оживить его. Я торопливо засовывал в себя и этот прозрачный дымок над плоской крышей баньки, и свисавшие между бревнами словно тина, куски пакли, и завалившуюся на бок тачку, в днище которой зияла дыра. Я распухал от этих подробностей, и все равно чувствовал себя пустым. Все, чем я был полон до сих пор, оказалось лишь блефом.

— Можешь не запираяться, никто не войдет, — сказала Паша, приоткрыв маленькую дверцу. — И слышь... Говори мне "ты", ладно? Я слегка побаиваюсь, когда мне "выкают". Да и лет-то мне всего сорок. С копеечкой.

Когда я остался в бане один, мне почудилось, будто стены ее покачиваются в полумраке — так густо колыхался пар. Передергиваясь от брезгливости, я сорвал грязную одежду, и скомкал в углу лавки. Хотелось залезть в какую-нибудь бочку и отмокать в ней

до вечера. Но это была бы уж слишком большая роскошь... Первая грязь сошла, и в голове у меня тоже слегка прояснилось. Я с недоумением огляделся: "Что я здесь делаю? В этой деревне? В этой бане... Словно попал в параллельный мир, и живу чужой жизнью. А где моя? Что от нее осталось? Одна только мама..."

Внезапно я понял, что рано или поздно мама вычислит номер Лари и дозвонится туда. Это показалось мне самым унижительным из всего, что я мог представить. Она будет просить у них помощи. У них! Скорее всего, мама даже не удержится и заплачет, потому что мать не может не плакать, когда у нее пропадает сын. Я корил себя за то, что и впрямь оказался умственно отсталым, и не смог придумать получше, как обставить свое исчезновение. Я просто взял и ушел. И теперь уже не мог вернуться...

Глава 15

Когда сестра попросила у Лизы что-нибудь из одежды ее покойного мужа, она сначала отмахнулась: "Как это, Паша? Чужому человеку!" Но сестра настаивала: "Гольшом ему, что ли, по деревне рассекать? Он же не виноват, что таким длинным вымахал. Горе у него какое-то, понимаешь?"

И Лиза сделала над собой усилие, чтобы понять. Она заставила себя рассуждать здраво: память мужа не оскорбит то, что другой человек наденет его джинсы. Почему-то она сразу остановилась именно на джинсах. Может потому, что эта одежда — безлика. Положив их в пакет, она протянула его Паше, потом спохватилась, и сунула туда же футболку.

— Что еще? — сурово спросила Лиза, желая показать, что вся эта затея ей не по душе.

— И на том спасибо, — ответила Паша, будто чужой. — Пока босиком по избе ходит, носки его я постирала.

— Что это ты для него так стараешься?

Паша по-девчоночьи зажмурилась:

— Он такой хорошенький! Ты б только видела... Молоденький. Ты приходи к нам обедать, сама увидишь.

— А это удобно? — с опаской спросила Лиза.

— Ты все ж таки моя сестра, имеешь право. Да и его отвлечь надо. Тошно ему. Уж не знаю, что там стряслось, только видать, что сильно тошно. Прямо, глаза у него такие... Как у побитой собаки. А такие славненькие глазки!

Лиза усмехнулась:

— Блудливая ты, Пашка. И не подумаешь, что из старообрядцев.

— Ты шибко строго живешь! С тоски подохнуть можно.

— Да я веселей всех живу в этой деревне!

— Так-то на работе... А для души? Так мы ждем тебя!

"Мы, — повторила про себя Лиза, глядя ей вслед. — Глупая Пашка... Городские да хорошенькие — не для нас".

И все же она решила заглянуть к сестре, потому что была уверена: Паша уже сообщила "городскому". Если же Лиза не придет, он может подумать, что она по-деревенски ломается. Даже мысль об этом была Лизе неприятна.

На пути к Пашиному дому она заметила Макара и пустилась с холма бегом, чтобы войти с ним вместе. Трава мягко пружинила под ногами, а солнце тепло скользило по голым икрам, и Лизе вдруг стало так весело, точно ее и в самом деле ждало свидание с прекрасным незнакомцем, доставленным ей судьбой. Когда она в изнеможении окликнула Макара, тот озадаченно протянул, сплюнув окурок:

— Ух, как раскраснелась! Куда так поспешаешь?

Лиза объяснила, и он одобрительно кивнул:

— Хорошо Пашуня придумала. Вытягивать Кирюху надо. Совсем плох. Как бы руки

на себя не наложил... А ведь такой парень!
Черт вас, баб, разберет!

— Так его женщина бросила? — небрежно спросила Лиза и сама удивилась: почему ей приходится делать над собой усилие, чтобы вопрос показался проходным. Она ведь еще в глаза не видела этого Кирилла.

— Сука, — подтвердил Макар. — На старика променяла. Прямо с ума мужик сходит! Все бросил, ушел из города, никому не сказал... Вот ты у нас, между прочим, тоже совсем городская, только покрасивше.

Лизин смех покотился по склону, и ей представилось, что сейчас она пойдет, наступая на собственный голос.

— Ты меня сватаешь, что ли?

— А чего? Чем черт не шутит? Он тебе под стать.

— А он действительно такой хорошенький? Макар сразу насторожился:

— Это кто тебе сказал?

— Да ты сам! Раз он мне под стать...

— Видный парень, ничего не скажешь... Да вот он!

Заглянув через ограду, Лиза увидела сидевшего на крыльце человека. Кирилл сидел, опустив голову, и она не видела его лица до тех пор, пока Макар не открыл калитку. Тогда Кирилл поднялся и пошел к ним навстречу, но Лизе показалось, что он делает это

бездумно, подчиняясь въевшимся понятиям о приличии, и не очень понимает, кто перед ним. Внезапно лицо его просветлело: он узнал Макара. Они поздоровались. Лизе он руки не протянул, и она с облегчением подумала: "Ну, хотя бы хорошо воспитан".

— Это Кирилл, — Макар по-свойски хлопнул его по плечу. — А это Лиза, младшая сестра моей Пашуни.

— Я очень рад, — сказал Кирилл и улыбнулся, но в больших серых глазах не проявилось даже интереса. — Спасибо за одежду, вы меня очень выручили.

— Носите на здоровье! — откликнулась она. — Не мало?

— Джинсы вроде чуть коротковаты. Не очень смешно?

— Ничуть! По-моему, вам все впору.

— Спасибо, — повторил Кирилл, и Лиза поняла, что он ее больше не видит.

Паша уже накрывала на стол и, увидев всю компанию в сборе, так и рассыпалась восклицаниями. Тарелки засверкали у нее в руках, ложки зазвенели праздничными колокольцами. От свежего ржаного хлеба пахло так терпко, что не терпелось впитаться в него зубами. Лиза бросила короткий взгляд на гостя: он следил за Пашиными движениями, вежливо улыбаясь, но в глазах не было ее отражения. Она подумала с досадой: "Никого он не заме-

чает! Мы для него, как ночные тени на стенах — на них смотришь и не видишь".

— Прошу к столу! — воскликнула Паша и повернула к Кириллу раскрасневшееся лицо. — Садись, масленочек!

"Неужели она не понимает? — Лиза пыталась перехватить взгляд сестры. — Не надо смотреть на него. Не надо отвлекать его и веселить. Он слишком глубоко сейчас. Его нельзя рывком вырвать на поверхность — расплющит".

— Ну что? — громко спросил Макар, и гость слегка вздрогнул. — Едал ты такой борщ в ресторане?

Пашин борщ славился в деревне, но она никому не раскрывала секрета его приготовления. В том числе и сестре.

— Не доводилось, — встрепенулся Кирилл. — Честное слово, Паша! У вас талант.

Макар зарделся, будто похвала относилась к нему.

— Ну уж, ты скажешь! Что она — балерина какая?

— Талантливый повар — это сердце ресторана.

— Сердце? — протянул Макар. — А ты тогда кто же при твоей должности?

"А я его лицо", — вспомнились ему слова Лари.

— Я — часть мозга. Одно полушарие. Самое бесполезное.

У Лизы замерло сердце, но Пашу это признание так насмешило, что она подавилась борщом. Обстоятельно похлопав ее по спине, Макар с укором сказал:

— Чего ж капустки-то не достала? Еще б... этот... комплимент бы заработала. Пашуня капусту квасит — умереть!

— А знаете, почему капусту именно квасят? — у Кирилла неожиданно заблестели глаза. — Раньше ведь действительно добавляли квас. Очень давно, конечно.

— Да ну? — усомнилась Паша.

— Правда! А кроме капусты еще и картошку квасили.

Паша снова залилась смехом. Лиза с тревогой подумала, что сестра очень уж веселится. Так нельзя, он заметит. Да и Макар не полный идиот... Ей самой почему-то было не до смеха. Лиза сердито спрашивала себя: почему? Красивый, избалованный парень не обратил на нее внимания — и что? От этого еще никто не умирал. Она следила за ним придирчиво, но Кирилл вел себя так естественно, что Лиза пришла к неожиданному для себя выводу: "А он — хороший человек. Открытый". Слова "простой", каким обычно хвалили в деревне, она не любила. Да Кирилла и нельзя было назвать простым. Лизе хватило одного часа, чтобы понять: его душа, как ствол дерева, закручена кольцами, и самых узких, по-

тайных, не знает никто, кроме него самого. А может, и он сам...

После обеда Макар послал его проводить Лизу. Если б Кирилл проявил хотя бы малейший признак неудовольствия, она тотчас отказалась бы. Но он так радостно улыбнулся, точно лишь этого и ждал.

— Это будет очень неприлично, если я пойду с вами без носков? — спросил он, наклонясь к самому ее уху.

Лиза осторожно приподняла голову, испытывая отчаянную боязнь человека, желающего взглянуть на солнце. Его удивительные глаза были так близко, что на миг ей почудилось: она падает в их пространство и летит долго-долго, до головокружения, до остановки сердца.

— Никто не заметит, — прошептала она в ответ и опустила взгляд на его губы. Такого рисунка Лиза еще не встречала. "Как можно отказаться от таких губ?" — с недоверием подумала она о той неведомой женщине, что бросила его.

— Тогда — вперед! — Кирилл открыл перед ней дверь.

— Погуляйте! — крикнул Макар им вслед, словно отпускал на улицу детей. Губы Кирилла задрожали от направленного внутрь смеха, но отвечать он не стал.

— Он неплохой парень, — отозвалась она о Макаре. — Несмотря ни на что...

— На что именно?

— Да вы ведь, наверно, знаете. Он же сидел.

— От тюрьмы да сумы... Я сам недавно чуть не сел.

— О боже! Что вы натворили?

— Пока не знаю. И, может, никогда не узнаю.

— Странно... Вы уже видели нашу деревню?

Кирилл огляделся, поворачиваясь всем телом.

— Да, это деревня. Нет, еще не видел.

— Вы, похоже, ничего не видите вокруг себя, — она постаралась скрыть обиду, но ей не очень это удалось.

— Нет, вас я вижу. Вы заведуете клубом, да? Паша мне говорила. Это весело?

— Это должно быть весело. И я стараюсь делать свою работу веселой. По-моему, то, что ты делаешь в жизни, должно, прежде всего, нравиться тебе самому. Тогда и другим понравится. Вы как думаете?

— Я думаю, что у вас очень красивая коса, — ответил Кирилл. — И вообще, вы — удивительно красивая женщина... Никогда не был в деревне. Как здесь принято себя вести?

Лиза тихонько рассмеялась:

— У вас такое напряженное лицо! Ведите себя как обычно. Все равно ведь забудетесь и...

— И всему миру станет видна моя отвратительная сущность. Куда мы идем?

Лиза взмахнула рукой:

— Вон на пригорке, видите? Это мой дом. Я должна подготовиться к вечеру. Сегодня у нас рыцарский турнир для мальчиков. Приходите? Будете в жюри.

У Кирилла заметно вытянулось лицо:

— С какой стати? Как рыцарь, вышедший в тираж? Нет, извините. Я еще не готов к этой роли.

"Не готов, — подумала она о другом. — Ну, конечно, не готов. Разве это происходит в один день?" Подняв вихрь пыли, мимо них промчался грузовик. Кирилл шагнул к ней и закрыл собой, слегка приобняв. Он сделал это инстинктивно, повинувшись тому, что во все века отличало рыцаря от обычного мужчины. Лиза поняла это, и все же была потрясена так, будто он разорвал себе грудь и отдал ей сердце.

Разняв руки, он встряхнулся и без улыбки спросил:

— В глаза не попало?

"Какие же у него глаза..."

— Нет, — ответила она машинально. Широкие брови Кирилла задрожали вопросом. Лиза поспешно отвернулась и поманила его кивком: — Пойдемте...

— Почему никого не видно? — озираясь, спросил Кирилл, шагая за ней следом.

Она со смехом откликнулась:

— Да ведь в деревнях тоже днем работают!

— Я правда ничего не знаю о деревенской жизни.

— Сейчас она не так уж и отличается от городской, — с сожалением заметила Лиза. — Работа, телевизор, домашние хлопоты... Разве не то же самое?

— Пожалуй, — рассеянно ответил Кирилл. — Я редко смотрел телевизор. У меня была немножко другая жизнь.

"Была, — отметила Лиза. — Он на самом деле считает, что все в прошлом, или только заставляет себя так думать?"

В ее огороде рос огромный подсолнух. Кирилл показал на него через изгородь и насмешливо спросил:

— Лузгаете семечки вечерами?

— Вечерами я работаю, — сухо ответила она. — Я кажусь вам заурядной деревенской бабой?

Он смутился так, что даже уши у него покраснели.

— Ну что вы! Я глупость сморозил. У меня какой-то туман в голове. Вы обиделись?

— Нет, — сказала Лиза и даже не покривила душой. — Я тут ко многому научилась относиться терпимее.

— Мы еще поговорим об этом, да?

Он торопился распрощаться. Лиза содрогнулась, как если б он толкнул ее в грудь. Растерянно взглянула на часы:

— Ох, уже сколько! Мне пора.

В его улыбке была одна лишь натянутая вежливость. Кирилл убрал ее с лица, и наспех кивнув, пошел прочь. "Он почувствовал облегчение, избавившись от меня, — подумала Лиза с досадой. — Только не оглядывайся! — и оглянулась. — Вон как легко ему шагается... Что ж, будем считать, что мы разминувшись в этой жизни... А шоу должно продолжаться".

Глава 16

Утро началось для Арины с желтоватых цифр на кнопках телефона. Перебирая их со шноровкой старой машинистки, она посылала в эфир требовательные сигналы, только никто ей так и не ответил. Измучившись от подозрений и страхов, Арина привычно выругалась в полголоса:

— Черт бы тебя побрал, скотина ты этакая! Где ты?

Услышав слово "скотина", Цезарь со вздохом поднялся и поплелся к двери. Но Арина строго окликнула:

— Ты-то куда? Ну-ка, вернись!

Пес обрадованно бросился назад, и сунул хозяйке в колени повеселевшую морду. Она слегка оттолкнула его:

— Ну! Подожди со своими нежностями. Не до тебя.

С вечера они с Максом решили ничего пока не говорить Лари. Утро вечера мудренее... Но утро уже наступило, а Арина не чувствовала себя помудревшей. Однако она была не из тех, кто ждет у моря погоды. В жизни ей это уже помогло: в те годы, когда ее не издавали, Арина не позволяла себе ныть и проклинать судьбу, сидя без дела, и, в конце концов, ее упорство было вознаграждено — одна за другой вышли несколько книг. Теперь она тоже не собиралась изнывать в ожидании звонка. Дотерпев до семи часов, она оделась так, точно собиралась в поход, и отправилась будить Макса. Но когда уже занесла руку, чтобы постучать, знакомое любопытство зашевелилось в ней. Сантиметр за сантиметром приотворяя дверь, она просунула голову в щель. Максим спал, свесив с кровати голую руку, а его дочка беззвучно копошилась у него за спиной. Заметив Арину, она положила в рот палец и задумалась.

— Тс-с... — на цыпочках подобравшись к кровати, Арина присела, и принялась разглядывать Макса. Его рот немного приоткрылся, точно он удивлялся своим сном. На щеке,

обращенной к Арине, пробивалась рыжеватая щетина, хотя волосы у Макса были скорее темно-русыми. Подмигнув девочке, Арина быстро потеревала пальцем его губы.

— Что? Что? — Макс подскочил.

— Ничего, — сказала она и отступила от кровати. — Я так и не нашла его. Ты можешь отвести меня в ресторан?

Он со стоном потер глаза и долго смотрел на часы.

— Да там же еще никого нет. Стоп-стоп! Ты никуда не поедешь без завтрака. Хватит с меня твоих обмороков!

— Не суетись! Я тогда просто расслабилась на свежем воздухе. Или давление скакнуло. А теперь все. Я в форме.

— Прямо Артемида, — хмыкнул Макс. — Ты долго охотилась за Кириллом или подстрелила случайно? Внимание, я встаю!

Приоткрыв створку окна, Макс высунулся до пояса. Спина у него оказалась более загорелой и мускулистой, чем у Кирилла. Чуть повернув голову, Максим спросил:

— Так он вспоминал обо мне?

— Мы поедем его искать или нет?!

— Ты не ответила.

— Постоянно. Только о тебе и говорил! Он рассказал о тебе перед тем, как отвезти меня сюда. Словно чувствовал...

— Если бы с Кириллом что-нибудь случилось, отцу бы уже позвонили.

И в тот же момент они оба увидели на дороге синий "BMW" Лари. Резко выпрямившись, Макс отпрянул от окна.

— Что это значит? Он не ночевал дома? Когда он уехал?

— Откуда мне знать? Ты — его сын!

— Да ну? Я все время об этом забываю.

Посоветовав Максиму поскорее одеться, она сбежала вниз, по пути кликнув собаку. Лари ворвался в дом, тяжело дыша, словно не ехал, а бежал из города. Цезарь успел прошмыгнуть в дверь. Не решаясь задать ни один из тех вопросов, что теснились у нее в голове, Арина стояла, ухватившись за спинку стула, и пыталась взглядом прочесть ответы, которые мог дать Лари.

— Я знал, — он бросил на столик ключи от машины. — Мальчишка. Ему нельзя доверять.

— Что вы узнали?

— Ночью звонили. Он ушел куда-то еще днем.

— Что значит — ушел? — спросил Макс. Он быстро спускался по лестнице с ребенком на руках. Девочка цеплялась ножками за болтающийся пояс его махрового халата.

— Ушел и все. Ногами.

— А машина?

— На стоянке.

— Куда он мог уйти без машины? — растерялась Арина. — Он сам говорил, что редко ходит пешком.

Никто ей не ответил. В образовавшейся тишине угадывалась пустота, в которую ушел Кирилл. Для этого ему оказалось достаточно нескольких шагов.

— Эй, держи ее! — крикнул Макс. — Она опять сейчас рухнет!

— Ничего я не рухну! Я тебе не гимназистка.

Лари с подозрением оглядел обоих:

— Когда это вы перешли на "ты"?

— А что такого? — Макс пожал плечами и опустил девочку на пол. — Нам же не по шестьдесят лет. Так удобнее общаться. Куда ты ездил? В ресторан?

— Не твое дело, — отрезал Лари.

У Макса дрогнуло лицо, но он не отступил:

— Кто-нибудь видел, как он уходил?

— Никто не видел, — Лари отвернулся и пошел к кухне. — Надо позавтракать.

Арина сказала ему в спину:

— Мы сейчас уедем. Я, пожалуй, вообще останусь в городе. Какой отдых, когда такое творится!

Он обернулся:

— На мотоцикле? Но вы не сможете взять с собой собаку. А мне нужна машина. Придется вернуться. Вам неприятно мое общество?

Не глядя на отца, Макс бросил:

— Ей было бы куда приятнее общество Кирилла. Да и не ей одной.

У Лари слегка вытянулась лицо.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, — отрезал Макс.

— Я думал, ты стал взрослым. Все понял.

Отпустив дочку, которая тотчас поползла в другую комнату, Макс шагнул к нему, и впился взглядом в смуглое, все еще красивое лицо.

— Я и понял. Только не на счет тебя. Этого я никогда не пойму.

Лари долго молчал. Арина лихорадочно зарисовывала своим невидимым карандашом, как подрагивают уголки прямого рта, как быстро скользит в пригоршне большой палец, будто Лари что-то подсаливает, как непрерывно движется темный кадык на морщинистой шее. О чем идет речь, она не понимала и не могла спросить, ведь было очевидно, что все равно никто не станет ей объяснять.

— Зачем же ты вернулся? — наконец спросил Лари.

— Я вернулся к Кириллу. Чтобы помириться с ним.

— Что ж не помирился?

— Не вышло. У нас еще будет время поговорить.

— Хорошо, — кивнул Лари. — Бог в помощь.

Он вышел, как всегда очень ровно держа спину. Арине подумалось, что Лари не мало потрудился, желая придать своему облику до-

стоинство. "Зачем ему это надо? — удивилась она. — Разве он не чувствует его в себе?"

— О чем это вы говорили? — не ожидая ответа, спросила Арина.

— Ты называешь это разговором?

— Ты вообще не умеешь разговаривать. Потому вы с Кириллом и сцепились. Он ведь очень мирный человек.

— Не потому. Ты этого не понимаешь.

"Похоже, кроме королевича никто мне ничего не расскажет, — с тоской решила Арина. — Где же ты, горе мое?"

Глава 17

Утро было уже по-осеннему холодноватым, поддающимся солнцу нехотя, как равнодушная любовница. Ветер же пронизывал даже не до костей, а — насквозь. Арина пыталась спрятаться за спиной Макса и с сожалением думала, что любая одежда смотрится на нем, как на корове седло. Кирилл украсил бы собой даже рубище. Она приставила его в этом самом рубище, и вскрикнула от того, как больно толкнулась в ней внезапно родившаяся идея.

— Давай заедем на свалку! — прокричала она Макс. — Я хочу кое-что проверить.

Он кивнул и через некоторое время свернул к знакомому полю. От тряски в Ариной

голове слегка помутилось, но теперь она была начеку и не пускала себя раньше времени в ту мягкую тьму, что поджидала на границе сознания. Волнение пьянило, и замирало сердце, ведь то, что ей пришло в голову было уж слишком невероятно.

Остановив мотоцикл, Макс вопросительно оглянулся, но она потребовала:

— Не смотри на меня!

— А что ты собираешься тут искать?

— Вход в твой город.

У него изумленно забились веки:

— Какой еще мой город?

— Ну, может, это мой город... И не мешай мне.

Но она и сама не знала, что собирается делать. Ее привела сюда уверенность, что, как в прошлый раз, все получится само собой. Однако сегодня город Вечного Счастья опустил все засовы на непрошибаемых воротах. Арина напряженно вглядывалась в беспорядочные развалы и от бессилия сжимала кулаки. Но сознание не желало оставлять ее...

— Поехали отсюда! — выкрикнула она в отчаянии и нахлобучила шлем. — Значит, дело вовсе не в этом месте.

Макс тихо подтвердил:

— Его будет не так просто найти, как ты думала. Это я бродяга. Я ухожу и возвращаюсь. А Кирилл никогда не отрывался от дома. И если уж он ушел...

— Тогда — что? — у нее дрогнул голос.

— Ничего, — спокойно ответил Макс. — Я отыщу его. Он мне нужен. Из-под земли его достану! Обещаю тебе.

Город напоминал проснувшийся муравейник, где все копошатся, и никто ничего толком не делает. Сбавив скорость, Макс выехал на проспект. Оказалось, что там обновляют полосы пешеходного перехода — приближался День шахтера, а их город считался шахтерским, хотя почти все предприятия уже закрылись. Пока Макс пробирался в объезд, Арина думала о том, что надо послать отцу открытку и знала, что не заставит себя это сделать. Она не испытывала к родителям недобрых чувств. Но и видеть их ей никогда не хотелось. Они остались в той жизни, где она сбросила свою первую кожу, и уползла — тихонько, почти не оставляя следа. Все, продолжавшее существовать где-то там, было столь далеко от ее нынешней жизни, будто давно умерло и лишь изредка вспыхивало в памяти бледными фрагментами. Сказать определенно, что составляет ее теперешнее бытие, Арина, пожалуй, и не смогла бы. Она никогда не позволяла стать Кириллу его частью, а кроме него оставался один пес, потому что главное, чем она жила, по сути, все равно су-

ществовало лишь в ее воображении. И если бы вдруг все рукописи сгорели, что бы там не утверждал Булгаков, Арина понимала, что останется с кучкой пепла. Вот это и была ее жизнь...

— Приехали, — объявил Макс. — Ты уснула, что ли?

Внутри "Ермака" слышалось движение, но центральный вход все еще был закрыт. Макса это ничуть не смутило.

— Пошли со служебного. Хотя меня вряд ли кто помнит, но только пусть попробуют не пустить!

Сдавив Аринин локоть, он завел ее в неосвещенный коридор, сплошь заставленный коробками. Она попыталась прочесть английские надписи, в надежде почерпнуть что-то для работы, но Макс тащил ее слишком быстро.

— Там зал, — кивнул он направо. — А нам сюда.

— Ты здесь не был полжизни, и все помнишь?

— Какой жизни? — он на минуту замедлил бег. — Я только то и помню, что происходило до моего ухода.

Миновав еще несколько дверей, Макс остановился возле одной. Арина посмотрела на табличку, и ей захотелось погладить имя Кирилла, как она гладила его волосы.

— Любишь его, да? — отрывисто спросил Макс и быстро отвел глаза. — Он вернется, не бойся.

— Недавно ты говорил совсем другое.

— Ну, мало ли! Потрепаться я люблю...

На всякий случай Макс толкнул дверь, и она оказалась не заперта. У Арины екнуло сердце: Кириллу пришлось убежать, иначе он не забыл бы закрыть кабинет. Лари строго следил за подобными мелочами. Кирилл не раз жаловался, что он делает из него Плюшкина.

Макс уверенно вошел внутрь и обогнул стол, чтобы посмотреть на все глазами Кирилла. Потом сел в его кресло и громко побарабанил пальцами по крышке, словно пытался вызвать духа, который охранял эту комнату, и учинить ему допрос. Внезапно он склонился над лежавшим слева листком, а когда поднял голову, Арине подумалось, что она еще не видела его столь потрясенным чем бы то ни было.

— Ты собиралась с отцом на Канары?

— Нет, конечно же! Хотя он приглашал...

— А ты отказалась? Почему же он попросил заказать два билета? Тут твое имя.

Она выхватила листок.

— Не может быть! Ах ты, мерзкий подонок!

— Это ты кому?

— Папаше твоему, черт бы его подрал! — выкрикнула Арина, комкая листок.

— Он попросил Кирилла...

— Ах ты, сукин сын!

— Слушай, ты ругаешься, как сапожник, — с упреком сказал Макс. — Ты, конечно, женщина эмансипированная, и все такое, но меня от этого уже тошнит.

— Неженка! — отрезала Арина.

— Мужичка!

— Что?!

Макс поймал ее руку и неожиданно поцеловал.

— Ты что делаешь? — пролепетала Арина.

— Пытаюсь напомнить тебе, что ты — женщина.

— Думаешь, я забыла об этом?

— Кирилл слишком мягок. Тебя надо держать в узде.

Арина отдернула руку:

— Я тебе не лошадь!

— И то слава Богу! — язвительно воскликнул он. — Это дает надежду еще превратить тебя в настоящую женщину.

— Пигмалион вшивый!

Макс хрипло рассмеялся. Улыбка у него была такой широкой, что лицо мгновенно преображалось.

— Я не вшивый. Я ходил в баню, даже когда ночевал в подвалах. И потом, меня часто

приглашали разные женщины. Ты не заметила? Я ведь чертовски симпатичный малый! Мне и в "джакузи" доводилось поваляться.

— Потом похвастаешься, — сурово оставила она. — Что делать-то будем?

Макс живо предложил:

— Поедем душить отца?

— Да пошел он! Ну ладно, извини. Больше не буду. А Кирилл не возражал, когда я ругалась.

Максу захотелось закрыть глаза, чтобы не видеть этой невольной сообщницы Лари. "Отец все же сломал его, — подумал Макс с болью. — Сделал из него бабу. Может, не физически, но... Поэтому Кирилл и ухватился именно за нее".

Он думал об этом все время, пока они опрашивали персонал ресторана. Кто-то вспомнил, что видел незнакомого человека, выходящего из кабинета Кирилла, но было неясно — кто он, и существует ли тут связь. Арина непрерывно курила, не обращая внимания на свирепые взгляды Макса. Когда они выбрались на улицу, она с досадой бросила:

— Ну, и что теперь делать? Время уходит впустую, мы топчемся на месте. Я уже два дня ничего не писала, хотя начала новую вещь. Так нельзя. Жизнь-то проходит.

— Вот иди и пиши, — ледяным тоном приказал Макс. — Я привезу и твою собаку, и твои вещи.

— Как это — иди пиши?

— А вот так. И забудь обо всем этом. И о Кирилле тоже. Он совсем пропадет с тобой.

— Что ты говоришь? Да как ты смеешь так говорить?!

— Смею. Потому что знаю его побольше твоего. Ему нужна не такая женщина. Ты — талантливая, сильная, везучая, ты переживешь это. От того, что не будет Кирилла, ты писать не разучишься.

Арина ровным голосом спросила:

— А какая, по-твоему, женщина ему нужна?

— Нежная, — без промедления ответил Макс. — И слабая. Которая сделала бы его сильным. Чтобы он поверил в себя...

— Я бываю с ним нежной...

— Да уж! Когда вы тайком целовались у нас дома, у Кирилла все губы были искусаны. Ты не даешь ему почувствовать себя мужчиной, — Макс вдруг притянул ее и легонько похлопал по спине. — Я не желаю тебе зла. Ты мне даже нравишься. Просто вы с Кириллом не созданы друг для друга. И кроме меня вам обоим этого никто не скажет.

— А может, и не стоило говорить? Мы с ним вместе уже семь лет. Разве это можно вот так прекратить?

— Ладно, поехали! — бросил Макс, отпуская ее. — Отвезу тебя домой.

— Я не хочу домой.

— Ты же собиралась писать? Все, мне надоело с тобой спорить!

Схватив за руку, Макс потащил ее к мотоциклу. Арина так упиралась, будто он на самом деле мог силком увезти ее и запереть дома. Впервые ей не хотелось укрыться от мира, в котором было столько раздражителей, мешающих работать. Они так и лезли в глаза, требуя запомнить их до лучших времен: трясущаяся старушка в белых кружевных перчатках и с авоськой; безногая собака, пытавшаяся поймать бабочку — зубы ее клацали так, что Арина слышала; поющий на тротуаре нищий мальчик, по виду — азербайджанец. Босые ноги он поджал под себя, но одна штанина протерлась и наружу торчала маленькая ободранная коленка.

"Ах ты, паразитка! — обругала она себя. — У тебя горе, а ты только и думаешь о своей писанине!" Этим словом мать называла ее первые пробы пера. Уже в десять лет Арина перестала ей показывать написанное, и родители были не на шутку удивлены, когда Арина выслала им первую книгу.

В который раз пробившаяся мысль о них так расстроила ее, что она без сопротивления уселась на мотоцикл. Макс сделал удивленное и в то же время одобрительное движение головой и сам надел на нее шлем. Когда он

тщательно заправлял ей волосы, Арине вдруг захотелось плакать.

— Я — ущербная, да? — спросила она, разглядывая замок на его куртке. — Детей нет, мужчин от меня надо спасать... Я что, какое-то чудовище? Я ведь люблю его.

— Мне даже неудобно напоминать тебе такие вещи... — Макс вздохнул. — Ты ведь не хуже меня знаешь, что бывает любовь созидательная, а бывает разрушительная.

— У меня — разрушительная?! — она сорвала шлем. — Забери. Катись отсюда. Я пойду пешком... И знаешь что? Я найду его раньше тебя! Безо всякого мотоцикла.

Макс внимательно посмотрел на нее, на шлем, на мотоцикл, потом сказал:

— Может, и найдешь. Но кому от этого станет лучше?

— Я рожу ему сына!

— Ой-ой! Не надо таких жертв! А как же твоя драгоценная литература? Знаешь, горбатого могила исправит.

— А это мы еще посмотрим!

Они стремительно разошлись, унося в себе враждебность друг к другу и тревогу за одного и того же человека. "Только бы королевич не совершил никакой глупости, — молила про себя Арина, шагая к дому. — С Лари на Канары... Бред какой! Неужели он мог в это поверить?"

Глава 18

Ночами я уходил в запах сена, как в легкий наркотический сон. Я катался, комкая безвольные стебли, в голове у меня мутилось от векового настоя надежд, которые всегда возрождаются с приходом лета. Потом зной высушивает их, и появляется человек, готовый все срезать под корень. Всегда находится такой человек...

— Лари, — стонал я, терзая сено. — Конечно, Лари... Кого еще можно полюбить, если есть Лари?

Я до того дурел на этом сеновале, куда упросил Пашу пустить меня ночевать, что мне начинало казаться, будто моя маленькая кошка свернулась клубком внутри стога, и этот дурман исходит от нее. Разбрасывая сено, я искал ее, потом останавливался и говорил, себе, что схожу с ума. Я собирал сено, и словно заклинание твердил одно и то же: "Ты — сентиментальный дурак. Просто дурак..."

Ночами я здорово замерзал, но Макар выручил, отдав мне в пользование тот самый тулуп, которым укрыл меня в первую ночь. Иногда он приходил "посумеречничать" со мной и пытался вести умные разговоры. Но мне с трудом удавалось их поддерживать. И потому, что я никогда не был особенно умен,

и потому, что мне просто не хотелось говорить. Во мне не было ни боли, ни озлобления. Я был пуст.

Как-то вечером Макар предложил:

— Эй, Кирюха, пошли с утрачка на рыбалку? Ты рыбалить любишь?

— Нет. Я никогда не был на рыбалке.

— Ты? Никогда? Не был? На рыбалке?!

От удивления он даже пополз ко мне по суну. В хитрых глазах его металось недоверие и некоторый страх, будто я на поверку оказался заморским чудищем.

— Врешь! Как же так?

Макар продолжал тормошить меня и заставил признаться, что в детстве, когда мы пытались удить с Максом, мне было до того жаль рыбешек, которых приходилось бить головами о камни, что я едва не плакал над ними. И чтобы такого, в конце концов, не произошло при Максе, я вообще бросил это занятие. А когда я вырос, мне стало не с кем ходить на рыбалку. Хотя я и сейчас оставался таким ничтожеством, что мог бы разрыдаться над убитой рыбкой.

— Ну, ты чудной, — протянул Макар с такой жалостью, будто разговаривал с убогим. — Так давай завтра сходим? Женщин своих возьмем. Все веселее будет.

— Кого?! — я даже приподнялся.

— Как это кого? Пашуню с Лизой.

— Ты в своем уме? Какое отношение я имею к Лизе?

Но Макара трудно было сбить с намеченного курса.

— Не имеешь, так займешь, — он сплюнул прямо на сено. Я постарался запомнить то место, куда угодила его слюна. — Красивая ж баба, чего ты?

— Ты не понимаешь...

— Да все я понимаю! — взвился он. — Не дурнее тебя! Твоя тебя кинула, так? И чего ты теперь до конца жизни убиваться будешь? Ты ж вон какой парень, тебе женщина нужна. Никто тебя венчаться не гонит, но чего ж себе отказывать? Она не против...

— Откуда ты знаешь?

— Да ты слепой или дурной совсем? Не видал, как она глядит на тебя? Ты, Кирюха, вроде не пацан и важный человек, а в чем-то прям как дитя малое. Ну, вот чего ты на сеновале этом торчишь, как сыч?

Я только и смог возразить:

— Сычи не живут на сеновалах. Я тут не повешусь, успокойся. Я не настолько неблагодарный тип.

— Лады, — Макара оглянулся и, понизив голос, спросил: — Слышь, а ты чего, правда, бабу не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, ты даешь! На твоей свет клином сошелся?

— Сошелся, — виновато подтвердил я, понимая, что для нормального мужика, каким и был Макар, это звучит дико.

Однако он сказал:

— Уважаю. Так оно и должно быть. Только, браток, недолго ведь ты продержишься. Природа свое возьмет.

— Возьмет так возьмет, — согласился я, помня, что со мной выдывала моя природа. — Что ж тут поделаешь?

— И то верно! Ты меня пойми правильно, я тебя к Лизке в постель не толкаю. Только ты имей в виду: Лиза наша, она ведь из тех баб, о которых только мечтать можно.

— Женщин. Никакая она не баба.

— И то верно, — опять сказал он. — Я в своей Пашуне души не чаю, да только понимаю, что разница между ними — ой-ой-ой! Лиза совсем другого поля ягода. Твоего поля.

— Мы не вдвоем на этом поле, там и других полно.

Макар охотно согласился:

— Полно. Да только где они? А вы оба здесь. У тебя на ней душа отошла бы. Она добрая баба... Женщина то есть.

— Это ты меня так уговариваешь пойти на рыбалку? Да я уже вроде, согласился.

— Вроде! — фыркнул Макар. — Идем — и все тут!

...Он разбудил меня не так рано, как я опасался. В моем представлении рыбалка была

связана с утренним туманом, неудержимой зевотой, ознобом и дешевой водкой. Я не рассчитывал получить никакого удовольствия. Но когда я, следом за Макаром, выбрался с сеновала, оказалось, что солнце уже успело оживить все вокруг. Чтобы не выглядеть белой вороной, оставалось встряхнуться и вдохнуть полной грудью. Привыкнуть к тому, какой тут воздух, я еще не успел, и каждое утро начиналось с этого изумления.

— Айда, перекусим, — позвал Макар.

Он совсем по-летнему расхаживал по двору в одной майке и джинсах неведомого производства. Каждой пробежавшей мимо курице Макар норовил дать пинка, однако то ли они были настолько тренированными, то ли он не слишком старался, но его нога так ни разу и не достигла цели.

Паша накормила нас сосисками, от которых меня подташнивало, хотя Арина всегда уплетала их за милую душу. Я пытался втолковать ей всю пагубность этого увлечения. В ответ она снисходительно похлопывала меня по щеке: "Плевать! Время, мой мальчик, дороже всего!" Я думал о ней в тот момент, когда вошла Лиза, и, видимо, на моем лице отразилось такое не узнавание, что она смутилась и застыла на пороге совершенной статуей, которую глупый шутник обрядил в человеческую одежду.

— Чего ты, Лизок? Проходи! — Макар пнул меня под столом и прошипел: — Ты чего волком смотришь?

— Доброе утро, Лиза! — пристыжено пробормотал я.

Она ответила так весело, будто нам всем лишь почудилось, как я в очередной раз оттолкнул ее.

— Какое утро, а?! — воскликнула она, усаживаясь рядом с сестрой. — Кажется, что помолодела лет на десять!

— Куда тебе-то молодеть? — любовно сказала Паша.

— Молодеть всегда есть куда. А вы, Кирилл, хотели бы сбросить лет двадцать? Снова стать беззаботным мальчишкой, которому все по плечу?

Она понятия не имела, о чем говорит. И никто этого не знал. И все же эти слова заставили меня сжаться, а мысли мои заметались в поисках ответа.

— В пятнадцать лет в человеке меньше всего беззаботности, — сказал я. — Вы просто уже забыли это время вечных страхов, презрения к себе, бесконечных обид. Время, когда ты один против целого мира. И еще не догадываешься, что все можно пережить.

— Так это было такое время? — Лиза нахмурилась. — Наверное, я и вправду забыла...

Макар пригрозил:

— Я сейчас напыюсь от вашей болтовни. Нашли о чем с утра пораньше...

Подмигнув Лизе, я приложил палец к губам. Она кивнула мне, как опытная заговорщица, и остаток завтрака прошел под более приятный разговор. Но мы все время переглядывались с Лизой, точно ждали возможности продолжить начатый самоанализ. Мне нравилось это и не нравилось. Я хотел бы поговорить с ней без свидетелей, но не оттого, что она была так красива, а просто потому, что больше разговаривать было не с кем. Но меня насторожила брошенная Макаром фраза насчет ее мнимого согласия. С чем? Я ничего не предлагал.

Когда мы, с удочками и провиантом, наконец, вышли за ограду, Лиза удержала меня за руку:

— Я подумала, может, вам станет легче, если вы с кем-нибудь поговорите.

— Разве от этого может стать легче? Разговор может увлечь человека в пучину, а вот вытолкнуть наружу... Все это придумали психоаналитики, чтобы деньги зарабатывать.

— Вы никогда не обсуждаете свои проблемы?

— Никогда, — я подумал: "И Лари не обсуждает. И Макс тоже. Может, лишь это нас теперь и роднит".

Обернувшись на ходу, Макар крикнул:

— Идите сюда! Вот подходящее местечко.

"Подходящее для чего?" — скептически подумал я, но уголок, облюбованный Макаром понравился и мне. У самой воды были мелкие камни, но не бесцветные, а пятнистые, как детские драже. Чуть подалее шла полоса белого песка, а за ней — травяная дорожка. Словно высаженные специально на ровном расстоянии друг от друга росли кусты ракиты. Неугомонный Макар тут же загнал нас с Лизой за самый раскидистый, а жену увел вверх по течению.

— Дурачок! — засмеялась Лиза. — Не обижайтесь на него. Он хочет, как лучше.

— Вы, наверное, неловко себя чувствуете? — предположил я, потому что сам не знал, куда деть глаза.

— Нет, что вы! — легко воскликнула она. — Вся моя жизнь проходит в общении. Я ко всему привыкла. Вы умеете нанизывать червяков?

— А это сложно?

— Да вы попробуйте! Как можно заранее сказать: окажется это для вас сложным или нет?

Когда я закинул удочку, Лиза от восторга захлопала в ладоши. Она, видно, тоже считала меня полным идиотом.

— Тише! — остановил я. — Рыбу распугаете.

Она восторженно зашептала:

— Вы говорите, как заядлый рыбак! Если так пойдет, скоро за ружье схватитесь.

Я заговорил, не отрывая взгляда от поплавка:

— Когда-то в детстве мне попалась одна книга... И там был рассказ об охотнике, который подстрелил иволгу. Она казалась ему такой красивой! А к ногам свалился серый комок... Кажется, он даже не взял птицу. А потом, пока этот человек не вышел из леса, за ним летел самец иволги и кричал: "Отдай ее! Отдай!" Вот тогда-то я и понял, что не смогу спокойно жить, если на моей совести будет хотя бы птичья смерть. Наверное, я просто сентиментальный дурак...

— Вовсе нет! — серьезно сказала Лиза. — В чем же тут дурость? Доброта и сентиментальность близки, но все же это разные вещи. Сентиментальность — избирательна. Она вполне может уживаться с жестокостью. А доброта — нет.

— Ну, спасибо, — я усмехнулся, не зная, как себя вести. Потом выдернул из воды крючок и положил удочку рядом с собой. Черные Лизины глаза рассмеялись.

— И правильно. Давайте лучше посмеемся?

— Над чем? — удивился я.

— А не над чем! Просто так! Это полезно для организма. Хотите, я покажу вам, где находится хохотальная точка? — Лиза прило-

жила палец к кончику моего носа. — Вот она! Прижмите. И начинайте смеяться. Вот увидите, что будет.

Я послушно ткнул указательным пальцем себе в нос, и она проделала то же самое. Глядя друг на друга, мы стали издавать какие-то странные звуки. Должно быть, со стороны мы были похожи на двух сумасшедших. Но этот прием и вправду подействовал. Когда прибежал Макар, мы оба уже катались от смеха.

Глава 19

Неожиданно роман вышел из-под ее контроля. Арина еще пыталась вернуть его в намеченное русло, однако что-то стояло поперек течения. Вернее кто-то. Она вглядывалась в смутный образ, и все отчетливее проступавшие черты пугали ее. Этот человек хотел стать главным героем романа. И не просто хотел, а требовал этого, хотя когда только зарождался замысел, его не было даже среди второстепенных персонажей. Такая настойчивость пугала Арину, ведь она не могла припомнить другого случая, когда Кирилл чего-либо требовал. "Я собиралась искать его, и вот он нашелся сам, — внезапно поняла она. — Не надо никуда бежать. Он уже здесь. Он во мне. Я могу писать о нем".

Это открытие придало ей сил. Арина паршиво чувствовала себя в последние дни, будто с исчезновением Кирилла некому стало вливать в нее жизненные соки. Казалось бы, все сложилось, как нельзя удачнее. На какой-то период (Арина и мысли не могла допустить, что — навсегда) она осталась в одиночестве, которого всегда искала. Холодильник был забит Кириллом до отказа. Мешки с собачьим кормом занимали антресоли. И, главное, был замысел, без которого все остальное потеряло бы значение. Оставалось только сесть за стол и продолжить работу, а Арина все слонялась по квартире, и не могла найти себе места, со страхом узнавая приметы тех дождливых дней начала августа.

Но стоило Кириллу вновь вступить в ее жизнь, как она тут же успокоилась. Собравшись, она принялась за работу, но первые полчаса ее все тянуло оглянуться, потому что чудилось, будто Кирилл, как прежде, сидит в уголке дивана и делает вид, что читает, а сам исподтишка наблюдает за ней, то и дело поднимая свои поразительные детские глаза. Арина прекрасно видела все его уловки, но не возражала против них, хотя и не понимала. Он был таким смешным со своей ненормальной влюбленностью!

Головокружение то и дело подкарауливало ее и укладывало на диван. Арина закрывала глаза и заставляла себя вспомнить мель-

чайшие детали его лица. Но особых усилий не требовалось. Она отчетливо видела горькую линию его губ, широкую полосу бровей, нежный подбородок, резкие морщины, что спускались от крыльев носа, высокий, уже исчерченный временем лоб. Широко открытые печальные глаза были, как всегда, бесхитростны. Только теперь в них поселилось удивление: как ты могла так поступить со мной?!

— Я не собиралась ехать с Лари! — вырывался у нее стон. Цезарь настороженно поднимал голову, но хозяйка успевала взять себя в руки, и пес опять засыпал. Арина же теперь ложилась спать далеко за полночь, и каждый раз взывала к Богу: "Позволь же мне увидеть его!" Но Кирилл не являлся даже во сне.

От Макса не было никаких вестей до тех пор, пока она, наконец, не взялась за работу. Стоило Арине попасть в ритм прозы и нащупать волшебную нить, которая посылалась ее неведомым покровителем и вела в страну фантазии, как явился Макс и оторвал ее.

— Что тебе надо? — забыв свое обещание, грубо спросила Арина и спохватилась: — Он нашелся?

— Нет, не нашелся, — тонкий рот его так искривился, точно он собирался по-собачьи оскалиться. — Но он жив.

— Конечно, жив! Еще бы! Но откуда ты знаешь?

— Он оставил на двери ресторана заявление об уходе. И забрал машину.

— Что ж ты не проследил?! — завопила она. — Этого же следовало ожидать!

Макс сбросил ее руку:

— Я кто, по-твоему? Частный сыщик? У меня маленький ребенок, между прочим!

— Извини, — отступила Арина.

Бесцветное лицо Макса поплыло куда-то... Она поняла, что сейчас опять упадет... Но не при Максе... Он требует, чтоб она стала слабее... Черта лысого!

Макс подхватил ее и отнес на диван.

— Сейчас пройдет, — сурово оказала Арина. — Не смотри на меня, как на усопшую.

— Часто это случается?

— Только в твоем присутствии. Ты вытягиваешь из меня энергию.

— Нужна мне твоя энергия! — фыркнул он, и Арина невольно благодарно улыбнулась.

— Макс, — позвала она, — ты ведь найдешь его?

Он ответил тусклым, усталым голосом:

— Уже не знаю... Как я могу его найти? Он этого не хочет. Теперь он на колесах и может уехать черт знает куда!

— Он должен узнать, что я и не думала ехать с Лари...

Макс кивнул, потом, громко шмыгнув, сказал:

— Надеюсь, что он нашел какую-нибудь опору. В одиночку ему не выдержать.

— Не такой уж он и слабый, как тебе представляется, — не согласилась Арина. — Может, он и был таким когда-то... Но Лари воспитал из него мужчину.

Ей показалось, что в глазах Макса мелькнул ужас.

— Отец? — переспросил он, будто не понял, о ком идет речь. — Знала бы ты, о чем говоришь... Как твоя голова?

— Все прошло. Слушай, я, кажется, кое-что придумала... Почему бы нам не съездить к его матери?

В его голосе завibriровала ирония:

— Блестящая идея! Она и без нас там с ума сходит!

— Вот именно! Думаешь, он допустит, чтобы его мать сходила с ума? А может, он вообще дома?

— Как это — дома?

— А ты проверял? Его мать не звонит никому из нас.

— Даже, если она знает, — с сомнением сказал Макс, — с чего ты взяла, что она выдает его? Да никогда!

— А мы спросим понастойчивее...

— Будем загонять старушке иглы под ногти? А с тобой опасно иметь дело...

Чтобы не развивать эту тему, Арина спросила:

— А с кем сейчас твоя дочь?

Он равнодушно отмахнулся:

— Отец нанял ей няньку. Самую толстую и безобразную, какую только можно представить.

— Чтобы ты не преподнес ему еще парочку внучат?

— Это не мой ребенок, — внезапно признался Макс.

У нее снова слегка помутилось в голове. Осторожно встряхнувшись, она настойчиво стиснула колючие щеки Максима и заставила поглядеть ей в глаза.

— Как это понимать?

— Так и понимай. Я ей не отец.

— А кто же ты ей? — растерялась Арина.

— Никто. Пока даже не усыновитель. Я нашел ее...

— Обалдеть! — она потерла виски. — Почему же ты не отнес ее в приют? Или в милицию? А вдруг ее ищут?

— Ищут? Ее бросили на шоссе. Там машины ходили!

— Все равно. Ты должен куда-то заявить. Зачем тебе чужой ребенок? Ты ведь даже не женщина!

— А дети нужны только женщинам?

Арина вдруг догадалась:

— Ты подобрал ее для своей коллекции? Свидетель преступления... Ты — больной, Макс!

— Ты тоже не особенно здоровая, — парировал он.

— Я прекрасно себя чувствую.

— Тогда поехали.

Он заставил ее подняться. Нехотя натянув джинсы и ветровку, Арина взглянула в зеркало и обомлела: вокруг губ кожа побледнела до синевы. На мгновение стало так страшно, что она едва удержала крик: "Что это со мной?!"

— Ты идешь? — окликнул Макс из прихожей.

"Кирилл!" — рванулся из нее зов, и пришлось слегка пережать горло, чтобы Макс его не услышал. Она еще немного постояла у зеркала, рассматривая свое изменившееся за несколько дней лицо. Потом почти хладнокровно подумала: "Я должна успеть дописать роман. Это сейчас самое главное. Это единственное, что я могу ему оставить".

Переведя дух, она вышла к Максиму и даже улыбнулась ему. Но это не могло его обмануть.

— Тебе плохо? — обеспокоенно спросил он. — Может, тебе лучше полежать? Кирилл с меня голову снимет, если я не прослежу, и ты разболеешься.

— Кирилл об этом может и не узнать, — сдержанно напомнила Арина. — Даже, если я умру, как ему сообщить?

— Все не так безнадежно. Вдруг его мама сжалится надо мной? А ты будешь валяться у нее в ногах.

— Да, — ответила она, пропустив его слова. — То есть, нет... Я не поеду. Я должна поскорее закончить роман.

— Ну-ну, — разочарованно пробубнил Макс. — Ты его хоть начала?

— Уже несколько глав готово, хорошо идет. Если не буду отлынивать, напишу за месяц.

"У меня есть месяц?"

— Как хочешь, — холодно сказал Макс. — На меня все свалила? Ладно, твое дело.

Когда он повернулся к двери, у нее вырвалось:

— Макс, ты проведай меня, ладно?

Он удивленно обернулся:

— Да я на обратном пути заеду. Расскажу что да как.

— Хорошо! — обрадовалась Арина. — Я, правда, не смогу уделить тебе много времени.

— Разве спешка не вредит в твоей работе?

Она взмолилась:

— Уйди, Макс! У меня сейчас нет сил спорить с тобой.

— Разве мы способны только спорить?

Закрыв за ним дверь, Арина доплелась до стола, и несколько минут сидела, собираясь с духом. Стопка бумаги заманчиво белела. В Ариной власти было расцветить ее всеми

красками мира, ведь любовь всегда многоцветна, а на этот раз она собиралась писать о любви. О королевиче, наивные глаза которого однажды блеснули из-под зонта, похожего на огромный желтый одуванчик. И в тот же миг Арина поняла, что никогда не отпустит от себя этого человека... Арина была преданна по натуре: ее жизнь принадлежала одному делу и одному мужчине. Пока Кирилл был рядом, это казалось настолько естественным, что она даже не задумывалась над тем — нужен ли он ей? Скорее казалось, что нет, чем да. И только теперь, начав писать о нем, Арина смогла осмыслить все, что было между ними.

Ей внезапно открылось, почему они оба не стремились иметь детей. В выбегающих из-под пера строчках ясно читалось, что каждый из них был для другого и ребенком, и родителем, и любовником. Кирилл придирчиво следил, чтобы она во время обедала, и выводил гулять, и вытирал своим платком слезы, усадив ее на колени, когда Арина рыдала, после очередного отказа какого-нибудь журнала. Она же любила купать его, как маленького. Наполняла ванну пенной водой, сама раздевала его, посмеиваясь над тем, как взгляд Кирилла туманится от предвкушаемого удовольствия. Потом терла его мочалкой, массируя голову, но каждый раз все заканчивалось тем, что Арина тоже оказывалась в воде.

Пузырьки смущенно потрескивали на их коже, а вода в изнеможении выплескивалась за бортик ванны. "Мы затопим соседей!" — смеялась она, но Кирилл никогда не отвечал. Наслаждение лишало его способности говорить.

Арина и не подозревала, что ее память хранит столько подробностей, связанных с ним. Она и теперь не могла с уверенностью сказать, на самом ли деле любит его, потому что любовь никогда не выходила за пределы ее воображения, а Кирилл принадлежал реальной жизни. Но вот жить без него оказалось невозможно. И Арина судорожно хваталась за воспоминания, чтобы удержаться хоть еще ненадолго...

Когда Кирилл вытягивался без одежды во весь свой почти двухметровый рост, Арина делала с ним, что хотела. Он на все был согласен и почти не шевелился. Говорил, что боится спугнуть ту сладость, что разливается по телу. И только под глазами трепетали узкие тени. Кирилл утверждал, что умрет, если наслаждение прервется, и она знала, это не преувеличение. Жизненные силы он получал от любви, как Арина от работы. И теперь она тем же способом пыталась продлить свою жизнь до его возвращения.

Ей вспомнилось и то, как она впервые дала интервью в прямом эфире. Кирилл довез ее до телецентра и уехал смотреть передачу.

А когда все закончилось, Арина обнаружила его, изнемогающего, у ворот. Он был таким бледным и мокрым, будто это ему только что пришлось выкручиваться и отвечать на вопросы. Бросившись к ней, он забормотал: "Ну, слава богу! Я не смог высидеть дома, запрограммировал на запись и вернулся..." И Арина с некоторым замешательством подумала: "Как же он любит меня..."

Это был роман-открытие, роман-признание, не похожий на все, написанное до сих пор. Роман-крик, который Кирилл должен был слышать хотя бы через годы. Каждую свою книгу Арина писала, как последнюю, отдавая столько себя, что жизнь просто не могла не прерваться. Но сейчас это предчувствие обернулось абсолютной уверенностью. Это на самом деле был ее последний роман.

Красная капля накрыла только что написанное слово. Арина отшатнулась и схватилась за нос. Кровь лилась так неудержимо, что вся рука тотчас, стала мокрой. Запрокинув голову, она перебралась на диван и на ощупь сорвала с журнального столика чешуйчатую салфетку. Прижав ее к лицу, Арина побрела в ванную. Однако сколько ни прикладывала она холод, кровь не останавливалась.

Услышав звонок, она выругалась:

— Кого там еще черт принес?!

За дверью оказался Макс. Она удивилась: неужели прошло столько времени, что он успел съездить? Или куда не уезжал? Он уронил шлем на пол и схватил ее за плечи.

— Что с тобой?

— Не видно? Ничего, у меня это часто бывает.

Бережно придерживая, Макс подвел ее к дивану и помог лечь, а сам сел рядом на ковер.

— Ну, говори же! — не выдержала она.

Макс пожал плечами:

— Что говорить? Она осталась нечувствительна к моему шарму. Отпирается. Клянется, что Кирилл ей не звонил. Наверняка врет. Она выглядела уж слишком спокойной.

— Одной надеждой меньше, — невозмутимо сказала Арина. "Я должна успеть... Мне не дожить до его возвращения. Такая обида быстро не иссякнет".

— Но одна вещь показалась мне интересной, — снова заговорил Макс. — У нее есть одна приятельница — экстрасенс. Оказывается, она предсказывала Кириллу судьбу.

— Не может быть! Он бы мне рассказал!

— Когда Кирилл пропал, его мать бросилась к той даме. И та ей сказала, что он жив и здоров.

— Это я и без нее знала...

— А еще она сказала, что предупреждала Кирилла, чтоб он не брал какой-то конверт. Почему-то мне кажется, что все дело в этом

конверте. И я знаю, кто может прояснить это.

— Лари? — догадалась она. — Но почему? Макс хмуро ответил:

— Он много чего знает о Кирилле. И я намерен устроить ему допрос с пристрастием.

Внезапно он схватил ее руку и повернул ладонью вверх. На незагорелой коже темнели крупные пятна.

— Что это? — быстро спросил Макс. — Откуда?

— Не знаю. Ударилась. Чего ты так испугался?

— Точно ударилась? Ты помнишь?

— Нет, не помню. А в чем дело?

— Я видел такие у одной девочки в детском доме, — он отвел глаза. — И у нее тоже шла кровь. Слушай, писательница, тебе нужно срочно показаться врачу.

— Какому еще врачу?

— Онкологу.

— Мило! — тоненько воскликнула Арина. — Ты хочешь меня напугать?

— Поверь мне. Это очень серьезно.

Она категорично заявила:

— Никуда я не пойду. Еще не хватало, чтобы меня сейчас уложили в больницу! Мне нужно закончить роман.

— Знаешь что, красавица, я тебя и спрашивать не буду. Завтра утром возьму у отца машину и отвезу тебя.

— Я вспомнила, — у нее все задрожало внутри, но говорила она также ровно. — Где-то мне встречались эти симптомы... Думаешь, у меня лейкоз?

Подскочив, Макс заорал:

— Как я могу такое думать?! Я что — врач?

— Не кричи, — попросила Арина. — Так еще больше видно, что ты напуган. Езжай домой, Макс. Мне надо работать.

— Стой-стой, может мне лучше остаться? Вдруг снова пойдет кровь?

— И чем ты поможешь? Сам же сказал, что не врач.

— Я приеду утром, — пообещал он, отступая к двери. — Ничего не бойся. Все обойдется, вот увидишь!

— Я и не боюсь.

— Хорошо, что ты такая... сильная.

Арина кивнула:

— А! Теперь хорошо? Ты сам не бойся, Макс.

Когда под окном завелся мотоцикл, Арина уже сидела за столом и писала.

Глава 20

Я смотрел с холма, как в низине пасутся коровы. Это зрелище неспешной вечной жизни завораживало, как медитационная музыка для глаз. Вся земля была округлой и мягкой,

как женское тело, и я не мог оторваться от этого простого чуда. Хотя понимал, что пора уходить из этой деревни, что неделя в чужом доме — до неприличия долгий срок. Но страх путался в ногах и лепетал, что стоит мне выйти за околицу, как меня тут же найдут... Если не люди, тогда та же непобедимая, как болото, тоска. В эту деревушку ей не было хода, ведь это было единственное место на земле, где люди жили весело. Не показано весело, как в нашем ресторане, подчиняясь приказу Лари, а по-настоящему.

Здесь правила женщина, которая была доброй волшебницей, о чем сама, кажется, и не догадывалась. Мне нравилось ее имя — Лиза. Оно звучало изысканно и чуть старомодно. В лице ее просматривалась лукавая живость старшей сестры, только Лизины черты были тоньше и кожа светлее. Было забавно наблюдать, как она пытается расшевелить меня и вовлечь в бурный водоворот своей жизни. Она таскала меня в кино и на вечера отдыха, которые сама же и проводила. Макар был в восторге!

Я исподтишка следил за Лизой и не обнаруживал в том, как она держалась, признаков женского кокетства. Много, много раз я замечал, как у женщин чудесным образом округляется грудь и молодеет шея, стоит мне приблизиться. Их глаза наливались блеском, а все тело было — сплошной зов. Только я на

него не откликнулся. Мне это было неинтересно. Арина сразила меня своей естественностью. В ней проснулась страсть, и она тут же напрямик сказала мне об этом...

— Вот вы где!

Лиза быстро опустилась на траву, мягко и ловко, будто опала. Поджав ноги, она посмотрела на меня и улыбнулась так, словно я сказал, что-то смешное.

— Вечером приезжает джаз! — сообщила она, как обычно, слегка восклицая, потому что привыкла призывать к действию. — Вы любите джаз?

— Да, — ответил я, хотя был к нему равнодушен.

— Хотите мне угодить? — догадалась Лиза. — Вы не похожи на человека, который любит джаз.

— А на какого же человека я похож?

— Ну... — она запрокинула голову и негромко рассмеялась. — Ладно, попробую... Вы любите... Чайковского! В вас чувствуется склонность к лиризму. Угадала?

— Почти. Если честно, чаще всего я слушаю "Пинк Флойд". Но Чайковский — это, конечно, более утонченно.

Ничуть не огорчившись, Лиза сказала:

— Значит, не угадала. Что же вы еще любите? А, ну изысканную кухню, конечно.

Почему вы ни разу ничего нам не приготовили?

— Я не повар. Я — администратор.

Она вдруг схватила меня за руку. Ладони у нее были гладкими и прохладными.

— А давайте откроем у нас кафе! Вы ведь знаете все тонкости. Прямо при клубе! Вот чего нам не хватает!

— Нет, — твердо сказал я.

Лиза убрала руку.

— Почему?

— Потому что я не умею плохо работать.

От напряжения над ее правой бровью проклюнулась маленькая ямка, которую хотелось потрогать.

— Если я сделаю хорошее кафе, о нем обязательно узнают в городе.

— Теперь поняла, — с облегчением сказала она, и вытянула гибкую, как у балерины, руку: — Видите тот лесок? За ним — деревня старообрядцев. Там я родилась.

— Вы из старообрядцев? Вот не подумал бы... Они представляются мне... мрачными... А вы такая веселая.

Улыбка у нее была, что называется, ослепительной. Когда я видел ее, мне всякий раз хотелось зажмуриться.

— Я — та самая паршивая овца, без которой не обходится ни одно стадо, — без сожаления сказала Лиза.

— Если вы — изгой, то уж скорее все стадо паршивое, — ответил я и лег на спину.

Небо над нами было налито такой пронзительной синевой, что пришлось закрыть глаза. Мне казалось, я летел куда-то на зеленом ковре-самолете, которым управляла веселая волшебница. Сквозь ресницы я видел изгиб ее косы, и он волновал меня сильнее, чем женские прелести всего мира. Я поднял руку и потянул за эту косу. Лиза откинулась без сопротивления. Мы молча лежали рядом и смотрели друг на друга. В ее карих глазах были ожидание и боязнь, как у девочки на первом свидании, хотя Лиза была старше меня на год. Я подумал, что Арина уже искусила бы мне губы, она не умела так долго ждать. Когда я прижался щекой к Лизину лицу, мне передалась ее дрожь. Я шепнул:

— Не бойтесь. Я сам боюсь.

Ее осмелевшая рука скользнула по моей спине, от поясицы вверх, и желание рванулось за ней следом. У нее оказалось чудное тело, совсем молодое, покрытое легким загаром, только груди и низ живота были великолепно белыми. Я вжимался в белизну лицом, цепenea от благодарности, потом скользил губами, пытаюсь вобрать ее всю. Лиза была такой нежной, что я не чувствовал ее пальцев, будто легкий вздох самой Афродиты скользил по моей коже. За последние семь лет она

была моей первой женщиной, кроме Арины. И я чувствовал себя с нею совсем другим...

Когда мы пришли в себя, к Лизе вернулась ее обычная веселость. Тихонько засмеявшись, она восторженно сказала:

— Вот это мы учудили! На глазах у всей деревни!

— Запишите это в отчет, как занятие по сексу.

Мы опять замолчали, глядя, как высокие шустрые облачка обгоняют пухлые, низко плывущие. Я думал о том, как же мне хорошо, и о том тягостном, из-за чего считал, что мне не может быть так хорошо. И я сказал:

— Мне так хорошо...

Потому что ничего другого не было в моих мыслях. Ее темные ресницы часто забились. Она спросила:

— Вы меня слегка презираете?

— Я?! Что это — еще одна бредовая идея?

— Наверное, у вас просто такое выражение лица... Байроновское. Надменно-разочарованное. Это правда, что он не мог видеть, как женщина ест?

— Не знаю, — я подумал, что Арина смогла бы ответить. Как ребенку, придерживая Лизе голову, я снова поцеловал ее и шепнул: — Я сегодня не оторвусь от тебя.

— Пойдем ко мне, — в ответ прошептала она.

— Ты чего-то боишься?

— Нет. Если хочешь, останемся тут.

— Лучше спрятаться, — согласился я. — Тебе здесь жить.

Ее невысказанный вопрос: "А тебе?" так и завис в воздухе. Я потянулся к ее губам сквозь него, однако он ухитрился помешать.

— Куда же вы отправитесь? — спросила Лиза таким голосом, будто у нее болело горло.

— Сам не знаю.

— Вы мне не расскажете, что случилось?

— Разве Макар вас еще не посвятил?

— Он не такой уж болтун, — вступилась Лиза. — Сказал только, что вам нельзя возвращаться в город.

— Я никого не убил и ничего не украл.

Она повернула удивленное лицо:

— Я так и не думала.

— А что можно подумать о человеке, который бежит из дома и ночует в лесу?

— А знаете, — оживилась она, — в профиль вы похожи...

— На верблюжонка. Это мне уже говорили.

— На верблюжонка, которого обманом заманили в клетку. Кто посадил вас в клетку?

— Я сам себя посадил. Слишком долго жил с закрытыми глазами.

Ее прохладная рука скользнула по моей щеке и задержалась на плече.

— Все будет хорошо, любимый, — вдруг сказала она.

— Что?! — я замер потрясенный, потому что ко мне никогда так не обращались. — Почему вы так меня называли?

— Я говорю то, что чувствую, — голос надломился в конце фразы, и последняя буква не прозвучала. Я и сам ничего не мог из себя выдать, только ждал, чтоб она сказала это еще раз. И Лиза повторила: — Мой любимый...

Я упал ей в колени, покрытые крапчатым ситцем. Лизины пальцы совсем по-другому ласкали мои волосы. Как никто никогда. У меня само собой вырвалось:

— Я хочу остаться с тобой!

— Правда? — она приподняла мою голову.

— Правда! — восторг захлестнул меня, и я начал восклицать подобно Лизе. — Мы построим таверну! Самую лучшую, какую только можно вообразить! И назовем ее "Ветер Зурбагана". И пусть все узнают об этом, плевать я хотел! А если Лари достанет меня... Пойдем! Осмотрим твой клуб.

— Да ты уже видел его!

— Ничего я не видел. Ничего. И я тебя-то разглядел только сейчас.

— И как? — боязливо спросила она.

— Ничего прекраснее я еще не встречал.

Что-то вскрикнуло внутри, ударив по сердцу, словно Арина оттолкнула меня. Я переждал боль. Я знал, что она сейчас пройдет. И она прошла.

Лизино плечо горделиво подрагивало в моей ладони, когда мы проходили с ней по деревне. Я понимал, как важен для нее этот момент и старался улыбаться и нашептывал на ухо разные глупости. А сам думал о том, какой же я, оказывается, подонок. Я и не знал этого о себе.

— Давай заберем сюда мою маму? — предложил я, и Лиза с готовностью кивнула. — Она всегда хотела жить в деревне. Для нее романтика не в магнолиях и пальмах, а в петухах и резиновых сапогах. Ты ходишь в резиновых сапогах?

— Хожу, — смущенно призналась Лиза.

— Я тоже куплю себе. Огромные и черные.

У нее вдруг вытянулось лицо.

— Ты уйдешь, — тихо сказала она. — Я поняла это, когда ты заговорил про сапоги. Ты не сможешь ходить в таких. Ты будешь чувствовать себя несчастным.

— Вздор! Несчастливым себя чувствуешь, когда некому назвать тебя любимым.

Лиза остановилась и доверчиво подняла ко мне лицо:

— Тебя правда так никто не называл?

— Можно я поцелую тебя?

В огородах возились женщины, мальчишки гоняли на велосипедах. Оглядев их, Лиза храбро произнесла:

— Поцелуй.

Но прежде, чем сделать это, я попросил:

— Никогда не целуй меня сама, ладно?

Глава 21

Как же мне хотелось построить это кафе! Стоило нам войти в заброшенную часть их солидного клуба, возведенного еще в застойные времена, как пыльный воздух ожил, и образы закружились в нем, дразня и призывая к действию. Я ловил их глазами, ртом, вбирал кончиками пальцев и наливался ими, как губка водой. Я видел, какого цвета, будут стены в моей таверне: переливы синего — от прозрачно голубого до фиолетового. А белые легкие занавеси будут вскипать на этом фоне, как морская пена. Столы я покрою скатертями, на которых специальными красками нарисую навигационные карты. Посетители будут изучать их в ожидании заказа и мечтать про себя, как однажды отправятся в долгое плаванье за золотым руном.

Мне вспомнилось, как с полгода назад в одном из магазинов системы "Свет" я видел настенную лампу, стилизованную под старый

компас. Ее рекламировали, как украшение для детской, но для моей таверны такие были бы в самый раз. Я уже слышал голоса людей, чуть возбужденных, как всегда бывает в таких местах. Обрывки песен, кусочки историй, смех и оклики кружили вокруг, дурманя голову. Еще не видя этих людей, я делил их полуночную радость...

— У тебя лицо светится! — Лиза ахнула. — Ты правда хочешь сделать здесь кафе? Нужно много денег! А я знаю, где их достать! Ты видел огромный кирпичный дом на том краю деревни? Там живет цыганский барон.

— Кто?!

— Может, на самом деле он и не барон. Но все его так зовут. Он ужасно богатый! У него в доме сауна, музыкальная гостиная с оркестровой ямой... Я познакомлю тебя с ним. С деревенскими он не знается, но ты ведь не местный. Его цыгане каждый вечер ездят в город развлекаться. А если у нас будет свое кафе...

Я напрямик спросил:

— Будем отмывать его наркодоллары?

И повернул Лизу лицом к тусклому окну, чтобы не пропустить ни малейшей перемены в ее лице. Но губы у нее были настолько влекущими, что я снова начал ее целовать. Кажется, я еще никогда не целовался с таким упоением, хотя это всегда мне нравилось. Дальше я заходил редко...

Губы многое говорят о человеке. Но еще больше можно узнать из того, как человек отдает свои губы другому или наоборот — забирает его. Первый поцелуй не случайность. Он способен рассказать о вашей будущей семейной жизни, о том, кто будет задавать тон, и много ли вам предстоит настрадаться друг от друга. Главное — суметь все уловить, а это как раз и не получается, потому что любой поцелуй плохо влияет на умственную деятельность. Когда Арина впервые поцеловала меня, я совсем перестал соображать.

— Пойдем ко мне в кабинет. Там будет удобнее. Только не подумай, что я уже занималась этим в кабинете!

— О господи! Да я ведь тоже не из монастыря пришел.

— Это заметно. У тебя, наверное, было не меньше миллиона любовниц.

— Приблизительно. Кажется, чуть больше.

В ее кабинете оказались задернуты шторы.

— Очень кстати, — заметил я.

— Я еще не была тут сегодня. А вчера, допоздна сочиняла сценарий. Вот, у меня есть диван!

— Это не обязательно. Обошлись бы и столом.

— Столом? — протянула она. — Ой, какой ты развратный! Мне это нравится!

Мне это тоже нравилось. Вот только мешало ощущение, что все происходит не со мной. Будто моя душа покинула уснувшее тело, отправилась странствовать и, заинтересовавшись, остановилась понаблюдать за незнакомым решительным парнем, который строит таверну и соблазняет деревенскую красавицу. Лиза и вправду была красива. У нее были гладкие стройные ноги с узкими ступнями, плавная линия бедер легко изгибалась в талии, грудь была чуть тяжеловата, но мне это нравилось. В движениях рук была та мягкая подвижность, которую принято называть "лебединой". И у нее были самые соблазнительные губы изо всех, что я видел. Словом, Лиза была совершенна...

— Что ты сейчас вспомнил? — отрывисто спросила она.

— Ничего. Разве теперь время для воспоминаний?

Лиза сняла руки с моей шеи и спокойно сказала:

— У тебя не было миллиона любовниц. Только одна женщина, которую ты любил. Это из-за нее ты здесь?

Я попробовал было ответить, но у меня ничего не вышло. Слова застряли в горле и распухали там, норовя разорвать его. Лиза усадила меня на диван, потом мягко наклонила к себе, и моя голова оказалась у нее на коленях.

— Не говори ничего, если тебе так больно, — сказала она, перебирая мои волосы. — Закрой глаза... Вот так. И вспомни ее, если тебе невмоготу. Невозможно так сразу отказаться от всего, чем жил. Сердце не выдержит.

И я послушался. Моя маленькая рысь неслась ко мне легкими прыжками. В ее зорких глазах горел все тот же хищный огонь, и она не стала ничуть ласковей оттого, что переселилась в воспоминания. Я видел, как она сидит за столом, подпирая левой рукой голову, и удивлялся, почему такая поза до сих пор не вызвала у нее шейный хондроз. Я ставил рядом с ее острым локтем чашечку кофе и опускался возле стула прямо на пол. Хитрый глаз косил в мою сторону и блаженно жмурился. Но я знал, что это кофейный дурман так действует на нее. Иногда она снисходила и запускала пальцы в мои волосы. Я целовал ее уставшую руку, ее талантливую голову, ее неподатливый рот. Она вырывалась и начинала целовать меня сама. Мы падали на пол, а Цезарь тактично выходил из комнаты. Ее тело было совсем легким, и вся она была маленькой. Я знал, что она никогда не уйдет из меня. Ведь она свободно умещалась во мне целиком.

...Лизина ладонь ласково вытирала мне виски, но слезы набегали вновь. Поймав ее руку, я сказал:

— Я ничего от тебя не скрываю. Просто я задохнусь, если начну о ней говорить.

— Может, тебе попробовать вернуться? — предложила Лиза. — Поговорить с ней.

"Чего ей стоило произнести это?!" — ужаснулся я.

— И не надейся! Я останусь. Мне так хорошо с тобой...

— Я знаю, — кивнула она.

— Мы вместе построим таверну. Я мечтал об этом.

— Конечно, построим. Я сразу поняла, что ты — необыкновенный человек.

Много ли найдется на свете людей, готовых признать свою обыкновенность? И рождаются ли на свет обыкновенные люди? Каждый из нас несет в себе частицу Бога, потому что является его творением. Бравирюя своей заурядностью, человек выступает против Бога. Нет обыкновенных людей. Только лень или страх мешают разглядеть в себе уникальность. Я вновь подумал об Арине. Она оказалась самой храброй изо всех, кого я знал. Она жизнь положила на то, чтобы сбечь в себе искру Божью. Этот капризный огонек требует, чтобы на него работали день и ночь. Арина понимала это. И отдавала себя целиком. Теперь, наверное, еще полнее, чем раньше, ведь к ней вернулась та ее часть, которую я оттягивал на себя.

Глава 22

Сегодня она была невидимой и ни с кем не могла поговорить, потому что блуждала внутри своего романа, который начинал все больше походить на сказку.

— Кто-то принес королевичу иволгу, — скользнул мимо шепот. — Она, как и он, сидит в клетке.

Арина рванулась следом:

— Иволгу? Зачем ему иволга? У него ведь есть рысь!

Но ее никто не услышал, ведь от нее осталась одна душа, а люди так и не научились слышать души друг друга.

— Говорят, это сам король...

— Он держит королевича в башне...

— Слава королю!

— Да-да, слава королю!

— Зачем ему иволга?!

— Не кричите, вас все равно не слышат.

Она обернулась так резко, что едва не сбила Пажу с ног. Почему-то он всегда подкрадывался сзади и пугал ее. Арина этого терпеть не могла. Но сейчас она была рада его видеть. Сегодня на нем был костюм апельсинового цвета и нелепый длинный цилиндр.

— А, это вы! А почему вы меня видите?

— Когда-то я был Собирателем, — невозмутимо пояснил он. — Я наловчился отыскивать то, чего другие не замечают.

Арина взмолилась:

— Что происходит? Кто принес королевичу иволгу?

— Никто. Она сама прилетела к нему.

— Да ведь она в клетке!

— Да-да, но клетку доставили позднее. Чтобы птица не продолбила клювом цепь, которой прикован королевич.

Арина пренебрежительно бросила:

— Думаете, его спасет эта жалкая пичуга? Где его рысь? Вот она могла бы...

— Живет себе...

— Вы ее не любите?

— Она хищник. Ее невозможно любить, потому что она все равно не ответит.

— Мило! Но ведь королевич ее любит?

— Королевич, — с нежностью повторил Паж и вздохнул. — У него особенная душа. Иногда мне кажется, что он — не мужчина и не женщина, а одна сплошная душа.

— На счет сплошной души это вы загнули, — с сомнением заметила она. — Разве ваш королевич абсолютно равнодушен к чувственным наслаждениям?

Паж холодно ответил:

— Я не шпионил за ним, — потом смягчился: — Хотите на него взглянуть?

— Как это возможно?

Наклонившись, он понизил голос:

— У меня есть волшебный экран. Пойдемте...

Взяв Арину за руку, он повел ее потемневшими улочками. Она и не заметила, когда село солнце. В сумраке костюм Пажа выглядел маскарадным, и Арина не удивилась бы, услышав вдали бой барабанов. Возле одного из неотличимых друг от друга беленьких домов, Паж остановился и, придерживая оранжевый цилиндр, задрал голову.

— Видите чердачное окно? Там я и живу.

Лестница в доме была старой и темной, но выскобленной на славу.

— Здесь везде так... Красивый, блестящий мир.

— Вы не любите свой город?

— Обожаю! Но я любил бы его еще больше, если б стал королем.

— Однако! — в замешательстве воскликнула Арина.

Паж невозмутимо подтвердил:

— Вот именно.

Дверь в его каморку оказалась не заперта. "А для чего? — удивился Паж ее вопросу. — Или вы подумали о воровстве? Так его давно нет в нашем городе. Король уже казнил всех воров". Внутри воздух был другим — пыльным и загадочно желтоватым от последних лучей заката.

— Вы любите чердаки? — спросил Паж. — Королевичу здесь понравилось.

— А! Так он был тут у вас? С ума сойти — королевский сын шляется по чердакам!

— Пожалуй, король казнил бы его еще раньше, если б узнал. Ему было необходимо, чтобы сын всегда был при нем.

Достав из-под матраца маленькую коробку, Паж с тихой гордостью сказал:

— Вот мой экран. Я нашел его на свалке. Там можно отыскать удивительные вещи! Люди, сами того не подозревая, часто выбрасывают самое необходимое.

Он приложил к бусому экрану ладонь, и от тепла в нем проступила глубина. Выхватив коробку, Арина жадно всмотрелась в очертания башни, которые становились все отчетливее. И увидела королевича, сидевшего на полу напротив окна. Он был так бледен, словно уже умер, и выглядел изможденным. У Арины заныло сердце. Она перевела взгляд и различила клетку, стоящую на окне. Теперь она поняла куда, не отрываясь, смотрел королевич. Ярко-желтая птица с черными штрихами на крыльях была так красива, что у Арины от злости навернулись слезы. Иволга выдавала короткие трели, пытаясь развлечь королевича. Он слушал ее, затаив дыхание, и глаза у него искрились.

— Он влюбился! Он забыл свою рысь! Откуда взялась эта чертова птица?! Желтый — это его любимый цвет!

— Напрасно вы думаете, что он влюбился.

— Но он так смотрит на нее!

— Любуется. А любить и любоваться — это не одно и то же. Его рысь не особенно красива. Но ее-то он любит...

Сунув ему коробку, Арина сердито сказала:

— Уберите ваш экран! Лучше б я этого не видела...

— Ладно-ладно, неведение редко приносит счастье. Я думаю, этот экран принадлежал королю, — заговорил Паж. — Он следил за своим сыном... Он просто глаз с него не спускал! От этого с ума можно сойти... А потом, видно, кто-то украл его, а как пользоваться — не догадался.

— А вы такой хитрый!

— Да-да, я такой хитрый!

Арина понизила голос:

— Вы хотите помочь ему? Как вы это делаете?

— Да уж придумаю что-нибудь.

На лестнице он подал ей руку. Пальцы у Пажа были худыми и цепкими, а ногти оказались неровно обкусаны. Раньше Арина этого не замечала. Она представила, как он сидит ночами возле чердачного окна, грызет ногти и ломает голову над тем, как спасти своего королевича. На луну Паж скорее всего не обращал внимания.

Оглядевшись, Паж слегка поежился и тоскливо сказал:

— В нашем городе всегда все спят. Потому и счастливы.

— Сон разума рождает чудовищ, — вспомнилось Арине.

— Они уже родили его, — тихо сказал Паж. — Сами родили, а теперь подчиняются.

Она с надеждой предположила, что, может, король еще передумает. Но Паж скептически скривился.

— Ну, уж нет. Наш король из тех, кто идет до конца. Даже, если приходится переступить через любимого сына.

— Так он все-таки любит его?

— Любит — не любит! — вскричал Паж. — Что вы вечно талдычите об этой самой любви?!

Арина с обидой спросила:

— Когда это я талдычила о любви?

— Разве нет? — Силясь вспомнить, он потер лоб: — Почему же мне кажется, что мы уже говорили об этом?

— Может быть, в другой жизни? — насмешливо предположила Арина.

— И, может, даже в будущей... — отозвался Паж.

Глава 23

Признаюсь, я здорово нервничал, когда мы с Лизой подходили к дому этого "цыганс-

кого барона". Мне предстояло убедить человека, который меня никогда в глаза не видел, как будет здорово, если он вложит деньги в осуществление моей собственной мечты.

— Волнуешься? — шепотом спросила Лиза, когда мы подошли к ограде из металлической сетки. — До чего же противно деньги просить!

— Ну, не скажи! Только попрошайничая, человек может обнаружить, какая бездна презрения сокрыта в нем. Главное, чтобы презрение, идущее из тебя, пересилило презрение, направленное на тебя. Тогда ты победишь.

Лиза посмотрела на меня с восхищением:

— Даже не верится, что ты работал в ресторане... Смотри, у него охрана!

Вытянув шею, она посмотрела через сетку на троих цыган, игравших в карты. Я напомнил, что пока мы идем не грабить, а всего лишь разведать обстановку. Но это ее не успокоило. Я видел, как она нервничает по ямке, что опять задрожала у ней над бровью. Чтобы отвлечь, я остановил ее и поцеловал на глазах у цыган. Они прекратили игру и уставились на нас. Но я целовал Лизу так долго, что настороженность в их глазах успела смениться одобрением.

— Молодец! — выкрикнул один из них, когда я, наконец, вспомнил, где нахожусь. — Огонь-парень!

— Увидите, как мы будем целоваться, когда выйдем от вашего хозяина, — сказал я поверх сетки.

Они недоверчиво переглянулись:

— Вам нужен Степан Васильевич? Зачем?

"Ох, как по-русски его зовут!" — удивился я.

— Засвидетельствовать почтение. Ладно, шучу. У нас к нему деловое предложение.

Самый пожилой безо всякой нервозности спросил:

— А ты кто такой? Что-то я тебя не видал...

— Я из города, — выложил я главный козырь. — Директор ресторана. Уж не обессудьте, не могу сказать — какого.

— Хорошо, — старший неспешно поднялся. — Подождите.

Пока мы ждали, Лиза спросила вполголоса:

— К тебе никогда не приставали цыганки на улице?

— Сколько раз! Одна так меня заморозила, что я отдал ей все деньги и ушел.

— Что она тебе посулила?

— Конечно же, горы золота и жену красавицу.

— Она тебя обманула, — эти слова прозвучали вопросом, за которым робко всходила надежда.

— На половину, — ответил я так, как она и ожидала. — Золота мне так и не удалось найти. Я обнял ее, и Лиза благодарно прижалась щекой к моей груди.

— Кое-кто называл моего шефа "старым цыганом".

«Прости, маленький! — взмолился я, ужаснувшись этому тайному предательству. — Прости... Ты никогда, не станешь для меня "кое-кем"!»

— Что с тобой? — встревожилась Лиза. — Ты снова заволновался?

— Жаль, что я не курю. Говорят, это успокаивает.

— И я не курю! — радостно сказала она.

— Не куришь. И не ругаешься. И великолепно готовишь. Ты — само совершенство!

Она вдруг сжалась, будто я хлестнул ее по лицу. Но я смотрел на дом за прочной сеткой и думал, что если очень постараться, то через несколько минут он станет моим личным склепом. Я похороню себя заживо в этой деревне. Построю таверну своей мечты. Женюсь на самой красивой женщине. Заведу детей. И буду мертв, насколько это вообще возможно. Ведь моя жизнь сидела сейчас за письменным столом за десятки километров от меня и писала очередной роман о том, как люди любят друг друга, но говорят на разных языках. И как некоторые от этого умирают...

— Может, нам не ходить? На тебе лица нет.

Ее умоляющий взгляд высушил на моих губах признание: "Ты права, на мне нет лица. Только маска".

— И не надейся, — сказал я. — Мы уйдем отсюда только с мешком денег.

Тяжелая дверь, украшенная витым орнаментом, отворилась, и уже знакомый цыган кивнул нам. На мгновение я оглянулся, чтобы вобрать напоследок в себя этот мир. У меня было такое чувство, будто я уже никогда не увижусь с ним. Еще по-летнему зеленые холмы за деревней, перетекая один в другой, уплывали к городу, в который мне больше не было пути. Серое шоссе казалось отсюда совсем узким, но я знал, что моя "Мазда" проскользнула бы в любую щель, спасая меня. Только я не позволял ей этого. Она послушно ждала меня на пыльной обочине возле Лизино дома, и, наверное, удивлялась, почему я тут все время хожу пешком. Я задохнулся от желания закричать во весь голос: "Ко мне!" Машина примчалась бы, как дрессированная собака, чтобы выручить хозяина из беды...

Я взял Лизу за руку и уверенно направился к крыльцу. Я шел, не поднимая головы, опасаясь, что цыгане разом все прочтут в моих глазах. Мне самому было смешно — до чего я боялся. Но я храбрился изо всех сил и, видно, чуточку переиграл, потому что Лиза шепнула:

— У тебя сейчас вид гестаповского офицера, который входит в еврейский дом.

Мне сразу полегчало, и когда мы, наконец, дошли сквозь череду разноцветных комнат, обставленных итальянской мебелью, до так называемого "кабинета", в котором даже не оказалось письменного стола, я уже чувствовал себя нормальным человеком. Не знаю, кого я ожидал увидеть, но цыганский барон сразил меня отсутствием перстней, цепей и жгучих кудрей. Он оказался щедедушным человечком с залысынами и бледной кожей. Рядом с ним Лари смотрелся бы чистокровным цыганом.

— Приветствую, — негромко сказал он и указал на голубой диванчик, стилизованный под "ампир". — Рад видеть вас, Елизавета Петровна. Познакомьте же меня с вашим другом.

Его тон и слова окутали нас обоих дурманом церемонности. Лиза представила меня так, словно мы были едва знакомы, но она давно относилась с почтением и ко мне самому, и к моей уважаемой матушке, и ко всем моим предкам до десятого колена. Не позволив мне открыть рта, Лиза обрисовала ситуацию, и это неожиданно меня разозлило. Если б это проделала Арина, я бы и бровью не повел. Но Лизе отводилась совсем другая роль.

— Хватит! — вырвалось у меня. — Я уверен, что Степан Васильевич уже понял наше

предложение. Это вашей деревне нужно кафе. Я знаю, каким оно должно быть. Если вас это интересует — прекрасно. Если нет, я не заплачу. Заведение было бы вашим, и доход соответственно. Я бы вполне довольствовался ролью директора. Если бы вы согласились, я бы со временем выкупил его, но брать вас за горло я в любом случае не собираюсь.

Я замолчал, и душа моя переполнилась ликованием: сейчас он выгонит нас, и больше ничто меня тут не удержит. Перед самим собой я буду чист. А главный, кто удерживает меня в этом заколдованном месте, — это я сам. Человек всегда склонен винить обстоятельства и злопыхателей, но никто не чинит ему препятствий больше, чем он сам.

Но моя тирада произвела эффект обратный тому, на какой я втайне рассчитывал. Стоило мне умолкнуть, как Степан Васильевич воскликнул с жаром, выдававшим текущий в его жилах красный огонь цыганской крови:

— Ай да парень! Кулаком по столу и деньги — на бочку!

Сжавшаяся в уголке дивана Лиза осмелела, подняла голову и посмотрела на меня с обожанием. Ее взгляд выжег мне все нутро. Я снова был пуст. Я был мертв.

Цыган угощал нас хорошим вином, и мы наперебой вспоминали благословенные времена, когда массандровские портвейны про-

давались в крымских магазинах возле касс. Можно было купить маленькую бутылочку и утолить жажду на скамейке под магнолией. Я рассказал ему, с какими городами французские виноделы налаживают связи. Он усомнился, что в нашей стране найдется много желающих приобрести дорогое вино. Однако я напомнил, что когда французы осваивали американский рынок, там тоже не пили ничего, кроме виски и пива. Лиза в разговор не вмешивалась. Она была умной женщиной, и поняла, чем вызвана моя вспышка.

— Музыки хочешь? Коня хочешь? — в хозяине все громче говорил голос крови.

Я смотрел на него с завистью. Я-то всю жизнь боролся с собственной.

— Я умею ездить только на машине, — признался я. — Если меня посадить на коня, я наверняка убьюсь.

Зыркнув на Лизу, он медовым голосом спросил:

— Вы с Лизаветой Петровной по-деловому или как?

— Или как, — ответил я.

— Нет вопросов! А то хотел тебя вечером пригласить. Брат троюродный приезжает. Красивые девушки будут в честь гостя петь. Цыганские песни любишь?

— Кто ж их не любит?

— Правильно, они, как русские — за душу берут, — внезапно посерьезнев, он внуши-

тельно побарабанил крепкими пальцами: — Но в нашем деле душе нет места. Я тебя люблю, ты меня любишь, но деньги у нас у каждого свои.

— Это я усвоил, когда еще в институте учился.

— Хороший институт у тебя был, — удивился барон.

— Не институт. Учитель. Я у него потом и работал.

Он равнодушно спросил, поболтав в бокале вино:

— Обворовал его? Все равно не сознаешься...

— Я не жадный.

Его невзрачное лицо оживилось любопытством:

— До денег не жадный? А до чего же тогда? Человек обязательно до чего-то жадным бывает. Ты — до чего?

Я смотрел прямо в его хитрые черные глаза, но мой взгляд проникал сквозь него, и сквозь стену его дома, и сквозь холмы, отделявшие нас от того места, где сидела в пустой квартире моя маленькая рысь. Я был жаден до ее кровавых ласк, до быстрых укусов, до распятий на полу и воскрешений. Но об этом я бы не рассказал, даже если б за это Степан Васильевич подарил мне таверну.

— Не говори, — согласился он. — Мы еще не друзья.

Но в том, как он лукаво потупился, мне почудился знак, будто цыган все прочел в моих мыслях. Ведь не на пустом же месте возникли все эти рассказы об ясновидении всего их племени до последнего вороватого цыганенка.

Провожая нас, барон придержал меня за локоть:

— А может, все же заглянешь вечером? У нас такие девки — маму с папой забудешь!

— Верю, — согласился я. — Но мне не хочется забывать.

Глава 24

Когда Лари доложили, что один из посетителей требует его в зал, у него сразу тягуче заняло в груди слева. Это ощущение почти не проходило с тех пор, как исчез Кирилл, и он постепенно начинал привыкать к нему, ведь сердце никогда не оставляло его в покое надолго. На всякий случай Лари выпил таблетку и, выпрямив спину, направился в зал. С каждым днем ему было все труднее делать это, потому что тело умоляло лишь об одном — чтобы он позволил ему скрючиться под теплым одеялом и погрузиться в воспоминания.

Его взгляд скользнул по табличке с именем Кирилла. В послеобеденные часы, когда ресторан затихал, Лари украдкой пробирался в этот кабинет и запирал дверь. Потом садил-

ся в кожаное кресло и опускал седую голову на гладкую поверхность стола, уже забывшего тепло Кирилла. У этого мальчика всегда были теплые руки. Лари помнил, как стаскивал с них мокрые варежки, думая согреть дыханием, а маленькие ладошки, облепленные ворсинками, оказывались горячими. Когда Лари впервые охватило желание прижать эти руки к губам, он ужаснулся. Потому что сразу понял: эта тяга не имеет ничего общего с тем, что он чувствует к сыну. Он любил Макса и едва не умер, когда тот попытался отравиться. Но Лари никогда не тянуло обнять его и уж тем более поцеловать. Теперь ему казалось, что за всю жизнь только один человек и пробудил в нем такое желание, хотя Лари был близок со многими женщинами и мужчинами.

Пока мальчик рос, Лари чуть ли не каждую ночь представлял как обнимет его когда-нибудь по-настоящему, сливаясь в каждом изгибе тела, как напьется соком этих удивительных губ, и как наивные глаза Кирилла закроются, затрепещут длинными ресницами. Он изводил себя этими мечтами и упивался ими. Он торопил время, боясь травмировать ребенка, пока тот душевно не окреп для того, чтобы все понять. И не знал: понимает ли сам то, что с ним происходит.

Искушенные в наслаждениях греки, в трудах которых он пытался найти ответ, в один голос сулили неслыханное удовольствие от

близости с мальчиком. Но Лари это не убеждало, потому что он вырос в другое время и в другой стране, где гомосексуализм всегда приравнивался к преступлению. В его желании не было ничего веселого и шального. Оно вытягивало из него силы. Оно вытягивало жизнь.

А мальчишка рос, ничего не подозревая, и когда Лари обнимал его, доверчиво прижимался затылком к его ключице. Сколько раз Лари дул на его ободранные до крови коленки, едва не касаясь губами. Он жаждал напиться этой горячей влаги, чувствуя, как напрягается тонкая голень, которую держал в руках. Ему казалось, что он весь уже выгорел изнутри и порою, издеваясь над собой, думал, что его пора наградить орденом за мужество в борьбе с самим собой.

Никогда прежде он не чувствовал склонности к мужчинам. Да и потом тоже... В постели с другими Лари закрывал глаза и представлял своего мальчика. Своего единственного мальчика. Его длинную шею, неокрепшие плечи, мягкий рот. Он помнил, как отозвались эти губы, оцепеневшие только в первый момент. Как они нетерпеливо ожили, по-детски заторопились... Ни разу за все свои шестьдесят два года Лари не испытывал ничего подобного, а ведь случались у него моменты бурной, сумасшедшей близости. Но вспоминал он только те несколько минут, когда

губы Кирилла принадлежали ему. И можно было не сомневаться: если б не ворвался Макс, мальчик отдал бы ему себя целиком.

...Лари подумал об этом в тысячный раз, глядя на развалившегося за столиком сына. Макс уселся в середине зала, не сняв ни бейсболу, ни темные очки. Заметив отца, он выпрямился, но тут же снова сполз по стулу. Когда Лари сел напротив, он сказал, выдавая волнение развязностью тона:

— Ну давай, выкладывай. Что это был за конверт?

— Какой конверт? — Лари и в самом деле не сразу понял.

— Который ты собирался подсунуть Кириллу.

— Кто... кто тебе сказал? Ты его видел?!

— Тихо-тихо! — Макс подался вперед и навалился на стол. — Ты испугался или обрадовался?

Лари впервые отвел глаза. В них больше не пылал темный огонь, и Макса внезапно охватила жалость к отцу. Только сейчас он заметил, как тот постарел.

— Ну, что ты делаешь, а? — пробормотал Макс. — Ты совсем помешался на нем... Так нельзя.

Взяв в руки ажурно вырезанное меню, Лари бессознательно обвел пальцем края. Кириллу нравилось, чтобы все вокруг вилося, как его волосы.

— Почему бы не поговорить дома? — спросил Лари.

— Да-да, конечно! Дома тебе будет наплевать, если я стану орать и громить все вокруг. Так что это за конверт?

Когда Лари, наконец, объяснил, бросая сыну в лицо сжатые, сухие фразы, Макс снял очки:

— Ты в своем уме? Ты ведь чуть не погубил его.

— Я бы его и спас.

— Чтобы погубить снова?

"Я сам погибал!" — едва не вырвалось у Лари, но он смолчал. Разве мыслимо было объяснить сыну, как смертельно скрутил его ужас, когда он увидел из кухни... Лари и сейчас не мог обозначить словами то, что делал Кирилл в кресле у камина с той женщиной. Он не просто целовал ее... Он растворялся в ней... Точно так, как мечтал Лари, чтобы он растворился в нем. Застыв посреди кухни с какой-то глупой тарелкой в руках, Лари судорожно хватал ртом воздух, и молил Бога послать ему третий, последний, инфаркт... Но его сердце предательски выдержало. Оно не споткнулось и в ту минуту, когда примчавшийся среди ночи Кирилл уселся в его кресло с рюмкой коньяка, а сам Лари пил его запах. Мальчишка дерзко заметил: "У тебя рука трясется", и толкнул его плечом. И Лари понял, не в тот миг, а чуть позднее, когда в голо-

ве прояснилось, что этими словами Кирилл отрекся от него. Он все видел и понимал, что творится с Лари, только ему было наплевать. И тогда Лари пришел в ярость. Он решил для себя: "Ты приползешь ко мне, и будешь молить о любви и пощаде". Его грузинская кровь дала о себе знать. Рано утром Лари нанес один короткий визит...

Но Макс у него всего этого не рассказал, а только бросил:

— Что ты понимаешь...

— Ничего! — выкрикнул Макс. — Потому что ни ты, ни он ничего мне не объяснили. Почему ушла мама? Из-за этого?

— Нет. Она и не подозревала. Это было внутри меня. Может, там бы и осталось. Если б она не ушла.

— Конечно-конечно! Наконец-то виновник найден!

Теряя терпение, Лари громко сказал:

— Нет. Я не говорил, что она виновата.

— А кто же? Может, наш глупенький Кирилл?

— И не он.

— Ура-ура! А я уж думал, что ты скажешь, будто он соблазнил тебя в три года, сидя на горшке...

— Ты переходишь все границы! — оборвал его отец.

Но Макс уже закусил удила. Сорвав кепку, он ударил ею о стол и выкрикнул:

— Это ты переходишь все границы!

— Тихо! — Лари бросил взгляд в сторону кухни.

Шепот Макса оказался ненамного тише крика:

— Ты совратил ребенка!

— Он уже не был ребенком.

— Да-да, как же! Побойся Бога, ему едва исполнилось пятнадцать! Почему ты не оставишь его в покое?

Лари хотел было ответить и не смог. Привычная тягучая боль внезапно выпустила когти, и он замер, пережидая приступ. Макс тут же пришел в себя.

— Что? Тебе плохо?

Когда удалось продохнуть, Лари бесстрастно ответил:

— Мне давно плохо.

Макс остервенело растер виски.

— Ты же сильный человек! Неужели ты за столько лет не мог с собой справиться?

Молчание Лари заполнило притихший зал. Макс щелкнул ногтем по сложенной пирамидой крахмальной салфетке. Трагических ситуаций он не выносил и от беспомощности начинал кривляться, и говорить людям гадости.

— Вери-вери гуд! — пропел он. — Мне этого не понять.

— Я не сказал.

— Вот-вот. Ты не сказал. Он не сказал. Какого черта я вернулся?! Чтобы помолчать вместе с вами?

— Никто не произнесет вслух главного, — серьезно проговорил Лари. — Наружу вылетает шелуха.

Макс опустил голову:

— С Кириллом же тебе было о чем поговорить!

— Я только этим мог удержать его возле себя. Речь всегда лицемерна. Рассчитана на слушателя. Она или выше или ниже мысли. Но никогда — вровень.

— А то, что ты говорил ему, было выше или ниже твоих мыслей?

Ничуть не смешавшись, Лари ответил:

— Выше. Я старался понравиться ему. Произвести впечатление. Мои мысли были низки.

— Так-так! Ну, наконец-то! — усмехнулся Макс.

— Я думал низко. Но чувствовал высоко.

— Не верю я тебе, понимаешь?! Высокие чувства? К ребенку, которого хочешь лишить невинности? Большой бред! Он же до сих пор говорить об этом не может! Представляешь, что у него внутри?

На секунду Лари прикрыл глаза.

— Я у него внутри. И он пытается меня изгнать.

— Так не мешай ему! — крикнул Макс.

— Я умру, если он меня изгонит.

— И я это выслушиваю! — Макс запрокинул голову.

— Ты — взрослый мужчина, Макс.

— Но все такой же тупой... Почему я не могу этого понять? Все твои излияния кажутся мне такой мерзостью!

Ему все же удалось пробить невозмутимость Лари. Тот вздрогнул и сгорбился, опустив седую голову. "Да он же совсем старый! — ужаснулся Макс. — Что я с ним делаю?!"

— Пап, он любит Арину...

— Знаю.

— Ты перепугал его до смерти с этим налоговым инспектором. Он, наверное, где-то прячется.

— Найди его, Макс.

— Пап, тебе надо лечиться! Ты сходишь с ума...

— Я давно безумен! — Лари вскинул голову. Его вновь охватила бессильная паника, возникшая в тот вечер, когда ему сообщили по телефону, что Кирилл ушел. В никуда. Лишь бы очутиться подальше от него, Лари. Тогда он прочувствовал, как это бывает, когда из-под ног уходит земля. Схватившись за трубку, Лари завис в безвоздушном пространстве, ловя ртом пустоту: "Нет, мальчик мой! Только не исчезай... Это же мои последние годы. Скоро я уже не смогу приласкать тебя..."

— Что с тобой, папа? — глаза у Макса стали большими и черными от страха. — Может, отвезти тебя домой?

— Да, — выдохнул Лари и протянул сыну руку. Макс подхватил его, осторожно повел к двери. Бормотание Лари и впрямь напоминало бессвязную речь безумного:

— Найди его, сынок! Я должен объяснить... Он поймет... Такой умный мальчик... Такой красивый мальчик...

"Это какой-то невысказанный абсурд! — в отчаянии думал Макс, усаживая отца на переднее сиденье. — Он презирает речь и при этом говорит со мной, своим сыном, о том, что должен бы скрывать ото всех. И от меня в первую очередь".

Всем вокруг хотелось найти своего королевича, и все, как один, возлагали эту обязанность на Макса. Который, если на то пошло, не виделся с Кириллом пятнадцать лет и даже не успел поговорить. Но и Арина, и Лари почему-то были уверены, что если кто-то и способен отыскать его в этом огромном шумном мире, так это старый бродяга Макс.

И он смирился с их верой в него.

Глава 25

Лизина дочка оказалась милым и ненавязчивым ребенком. И звали ее подходяще —

Настей. У нее было живое личико ее матери и совершенно неразвитое, почти мальчишеское тело. Настя появилась рано утром — приехала на попутном молоковозе. На ней был длинный льняной сарафан, сплошь увешанный бубенчиками. "Чтоб отгонять нечистую силу, — объяснила она позднее. — На Руси всегда так делали". В этот момент Лиза куда-то выскочила, а я еще валялся в постели. Комната уже наполнилась солнцем — прозрачным, не жгучим. Звон бубенчиков вплыл в это утро веселой, волшебной мелодией. Заметив меня, девочка остановилась посреди комнаты, и передернулась от неожиданности:

— Вы кто? — озадаченно спросила она.

Ее замешательство обрадовало, ведь было очевидно, что ей в новинку заставить мужчину в постели матери.

— Как бы тебе объяснить, — туманно начал я.

Настя вдруг прыснула:

— Да это я понимаю! Вас как зовут? Вы не местный, да? Я вас раньше не видела. Вы — городской?

Мне оставалось только назвать свое имя.

— Без отчества? — уточнила она. — И на "ты" можно? Классно! А ты у нас поживешь или так... переночевал?

— Поживу, если ты непротив.

Она сразу напустила на себя важности, будто мне и впрямь было необходимо ее раз-

решение. Я уже поселился тут. Оглядев меня оценивающе — полугололого, прикрытого простыней — Настя солидно произнесла:

— Ну что ж... Поживи, конечно. Мама опять ставит на ночь банку с водой?

На дне банки загадочно мерцали мелкие камешки.

— Наверное, ты очень устаеть, — предположила девочка. — Или что-то тебя мучает. Вода забирает всю грязь из твоих снов.

— Вы с мамой — ведьмы?

— Вот еще! Это каждый человек должен знать. Люди столько всего забыли... Мама обливает тебя этой водой?

— Кажется, — с трудом вспомнил я. — Какую-то воду она льет мне на спину. Может, эту.

Она хихикнула:

— Ты что, в полусне живешь? Надо тебя к нам вытащить. Мы знаешь кто? Толкиенисты, — у нее горделиво вытянулась нежная шея. — Что, не слышал о таких?

— Я даже читал "Властелина колец".

— Ух, ты! Первый раз вижу взрослого, который читал Толкиена! Ой, тебе обязательно надо к нам прийти. Мы такие игрушки устраиваем! Ну, игры то есть. Мечи себе делаем. Раньше из лыж вырезали, а теперь нам кует один парень. А у меня есть кинжал! Меч для меня тяжеловат...

— И вы сражаетесь на этих мечах? — я представил, как они выступят на открытии таверны.

— Бесконтактный бой, — пояснила она. — Правда, один новичок как-то въехал мне по руке... Такая гематома вылезла — ужас! Он потом мне землянику таскал. Сейчас она уже отошла. Но может, ты приедешь к нам следующим летом?

Ее глаза распахнулись в ожидании. Я почувствовал себя мерзким извергом, словно за пару минут мы успели сродниться, и теперь в моей власти было осиротить девочку вновь или подарить ей чувство защищенности, какое должен испытывать ребенок при хорошем отце.

— Пора вставать, — сказал я. — Ты может, отвернешься?

Разочарованно дрогнул маленький подбородок... Звеня бубенчиками, Настя отошла к окну и сказала:

— Мама идет. Корову доила.

Я быстро натянул джинсы, к которым уже стал привыкать, и простую белую майку. Когда вошла Лиза, я уже прибирал постель. Настя с визгом бросилась обниматься, а я старательно отворачивался, потому что было невыносимо видеть, какие они обе веселые, счастливые, и все время помнить о том, что могу лишить их этого.

— Я уже познакомилась с ним, — небрежно бросила Настя, давая мне понять, что не за была моего малодушия.

В отместку я сказал:

— Хорошенькая у тебя козочка — вся в бубенчиках.

Девочка бросила на меня свирепый взгляд и вдруг расхохоталась. Мне сразу полегчало.

— Прекрасно! — принялась восклицать Лиза. — Сейчас мы позавтракаем все вместе! Пойду...

— И не думай, — остановил я. — Вы тут пока посплетничайте, а я сварю манной каши. В своем ресторане я кормил посетителей манной кашей. Они повязывали слюнявчики, чтобы не измазаться. Такие фирменные слюнявчики.

— Вот заливает! — Настя пришла в полный восторг. — Никогда еще не слышала, чтобы взрослые так ввали!

— А я и не взрослый. Просто большой.

Кухня у Лизы была маленькой и по-настоящему деревенской. Половину ее занимала печь, топить которую я не умел, да летом ею и не пользовались. Время от времени я готовил на плитке "Тайга". Она еле теплилась, но я был убежден, что манную кашу следует варить на медленном огне, и потому ничуть не нервничал. Крупу я засыпал в холодное молоко и постоянно помешивал — так она получа-

лась нежнее. Лиза тихонько подкралась сзади и обняла меня:

— Кашевар мой ненаглядный!

— И не надейся, — строго сказал я. — Заниматься этим каждый день я не собираюсь. Я — художник.

— Настя сказала, что ты веселый, — шепнула она.

— Отойди от меня! — прорычал я. — Не то изнасилую на глазах у ребенка.

Она обрадовано засмеялась и выскользнула из кухни. Я аккуратно положил ложку на блюдо и с силой зажмурился. "Отпустите меня! Вы оба, отпустите же меня! Я же вам не нужен... А здесь меня любят..." Через минуту я наполнял тарелки кашей, призывно звенел ложками, которые беспечно играли солнечными зайчиками. Мои девчонки, усевшись в комнате за старомодный, круглый стол, сверкали улыбками. Все вокруг светилось жизнью, излучало радость. Я должен был соответствовать — только и всего.

Глава 26

Это было необычное строительство. Напоминающее ту веселую работу "всем миром", когда отстраивают погорельцев. Хотя "цыганский барон" прислал на работу своих ребят, затеянный в клубе ремонт вызывал у

местных тот стыдливый интерес, который не позволяет остаться в стороне. То и дело в ту часть клуба, что была отдана под будущее кафе, заглядывал кто-нибудь из местных мужиков, с неизменной папироской в уголке рта. Кирилл задыхался от дыма, но никого не гнал, потому что все они оставались помочь.

— Э, парень, да у тебя... эта самая... аллергия! — догадался Макар, который почти постоянно был рядом. — Хреново дело! У нас ведь все смолят. А лишние руки не помешают. Может, тебе это... покомандовать малость? Сможешь в стороне держаться. Старшой, он ведь руками не работает. Глянь на свои: барские руки. Куда тебе — стены красить!

— Но я знаю, как это делается! Мокрую штукатурку...

— Погодь, погодь! Кликни всех и объясни толком. У тебя, поди, институт за плечами. Должен уметь речи толкать.

— Ладно, — решил Кирилл. — Попробуем.

— О кей, — важно сказал Макар.

Это так неожиданно и так не шло ему, что Кирилл расхохотался. Продолжая улыбаться, он быстро вышел во двор и созвал всех — и цыган, и русских. Их лица выражали сдержанный интерес: "Что еще затеял этот городской?" Кирилл оглядел этих людей, работающих на его мечту, и, в который раз, ощутил

страх. Стоит ему сделать одно неверное движение, и половина из них преспокойно разойдется по домам. Он ничего не знал об их жизни, он не представлял, что они ценят в людях и что презирают, и потому в отношениях с ними брел узкой тропкой через трясину. Ему оставалось только держаться самого себя и не пытаться ни под кого подстраиваться. Внезапно он вспомнил, как потешалась над ним Арина: "Когда ты что-нибудь объясняешь, то так тщательно проговариваешь каждый звук, будто я не слушаю, а читаю по твоим губам. У тебя красивые губы, королевиц!"

...Лиза смотрела на происходящее во дворе из распахнутого окна своего кабинета. Кирилл все время вскидывал голову, будто направлял свои слова вверх, чтобы они проникли в мозг его слушателей не через уши, а сквозь чакры. Лизе казалось немного смешным и удивительно милым, как он помогает себе руками. Взмахи его длинных кистей и пощелкивание пальцев были так выразительны, словно какое-то время Кирилл работал мимом.

И вдруг он запнулся. Лиза подалась вперед, охваченная желанием помочь ему. Но было не похоже, чтобы Кирилл потерял мысль. Он будто увидел кого-то над головами собравшихся и не мог отвести глаз. Все терпеливо ждали продолжения, потому что Кирилл

успел понравиться деревенским. Он не заигрывал с ними и не изображал своего парня. И говорил тем языком, которым привык общаться. Они чувствовали, что сейчас он замолчал вовсе не потому, что решил, будто его не понимают. Никто не торопил его. Но Кирилл так и не смог продолжить. Он что-то коротко сказал, вскользь обведя всех невидящим взглядом, но Лизе не удалось расслышать.

Когда Кирилл повернулся и пошагал куда-то так быстро, точно опять пытался убежать, она выскочила из клуба и, обогнув его с другой стороны, бросилась следом. Широкие шаги Кирилла оставляли на пыльной дороге редкие отпечатки. Лиза старалась не наступать на них, словно он мог вернуться только по своим следам. Поравнявшись с последним домом, Кирилл свернул на старую тропинку, ведущую в степь, куда до сих пор гоняли в ночное коней. Лиза приотстала, боясь, что он оглянется и сразу увидит ее на открытом месте. Выждав несколько секунд, она выглянула из-за серого штакетника, и обнаружила, что Кирилл исчез. Она в ужасе вскрикнула и рванулась в ту сторону, куда он ушел. Но, взбежав на пригорок, замерла. Кирилл упал в заросли полыни и корчился, срывая длинные стебли. "Он умирает!" — Лиза едва не бросилась к нему, но успела остановиться и присесть среди высоких дудников. Оттолкнув-

шись от земли, Кирилл встал на колени и закричал, срывая голос:

— Я не могу больше, слышишь?! Сделай же что-нибудь!

Когда он снова упал на землю и затих, Лиза сползла с пригорка, и побежала прочь. Ей хотелось повторить то же, что сделал он: рвать с корнем траву, катаясь по земле, и вопить от боли. Теперь Лизе казалось, что он сознательно загрузжал себя так, чтобы к ночи валиться от усталости. Наверное, Кирилл боялся бессонницы, а она этого не замечала. Лиза подумала, что и сейчас, придя в себя, он опять вернется в клуб, и потому свернула к своему дому. В его тишину вливалось только виноватое тиканье часов, которые не хотели отвлекать хозяйку в такую минуту.

Лиза прошла на кухню, поставила чайник, потом сама удивилась и выключила его. Ей не хотелось ни есть, ни пить. Но она села за стол, будто вызвала официанта, и стала ждать. Когда вернулся Кирилл, ей показалось, что прошло всего несколько минут. В его волосах серебрились крупинки полыни, и это было похоже на первую седину.

— От тебя пахнет летом,— сказала Лиза, когда он молча поцеловал ее в щеку.

Подвинув старый твердый стул, Кирилл сел рядом. Все лицо его было в пыльных разводах.

— Ты хочешь уехать? — спросила она. — Ты можешь сделать это в любую минуту. Это все равно случится рано или поздно. И не чувствуй себя обязанным.

— Ты польешь мне? — разлепил он губы. — Надо умыться.

Конечно, она полила ему. И накормила. И уложила спать. Сделала все, чего требовала от женщины народная житейская мудрость. Когда она укрыла его, Кирилл рывком перевернулся на живот, и Лиза услышала, как он зло, хрипло заплакал, едва не разрывая наволочку. Она прижалась к его подрагивающей спине и стала шептать самые ласковые слова, какие только знала. Кирилл вывернулся; схватил ее и положил рядом с собой. Лизе подумалось, что он цепляется за ее тело, как утопающий за соломинку, и согласна была оставаться ею. Никогда прежде она не занималась любовью с мужчиной, который задыхался бы от слез о другой, и нашла в этом пугающее, необъяснимое удовольствие.

Лиза не преувеличивала, говоря, что у нее никогда не было такого мужчины, как Кирилл. Высокомерного и простодушного, избалованного и неприхотливого, привыкшего к хорошей кухне и готового штукатурить стены. В его вытянутой голове рождались фантастические идеи, и в то же время он, как ребенок удивлялся самым простым вещам.

Когда Лиза доила корову, он следил за этим, раскрыв рот и затаив дыхание. "А можно я попробую?" — умоляюще прошептал он, и Лиза расхохоталась, спугнув Чернушку. С дойкой у него ничего не получилось. "Мои руки никуда, не годятся!" — в сердцах бросил Кирилл, разглядывая длинные пальцы, липкие от молока. Лиза взяла его руку и поцеловала ладонь.

Кирилл откликнулся на ласку так благодарно, что у нее возникали сомнения: а был ли он близок с той женщиной, которую любил? Казалось до сих пор он блуждал в одиночестве, не имея компаса и не видя звезд. И случайно вышел к ее дому... Но дорога снова звала его. Лиза каждое утро со страхом открывала глаза: вдруг он уже ушел?

Сколько Лиза помнила себя, она всегда жила в радости. Смерть мужа стала первым горьким событием в ее жизни. Но она быстро пришла в себя, и стала вести прежнюю жизнь, полную выдумки и веселья. Теперь Лизе думалось, что она очнулась так скоро, потому что никогда не любила мужа. Стоило же ей только подумать о Кирилле, как у нее сжималось от нежности сердце. Он так часто склонял ее к любви, будто доказывал что-то самому себе. Лиза не знала, было ли это так на самом деле. И если Кирилл доказывал, то что именно? Для нее не подлежало сомнению,

что он — лучший мужчина из всех существующих и воображаемых. А он говорил, что она — самая красивая и что ему хочется остаться с ней. Лиза верила и тому, и другому. Даже после того, как увидела его катающимся в полыни. Кириллу хотелось остаться с ней, она интуитивно чувствовала это, но та женщина, имени которой Лиза до сих пор не знала, притягивала его к себе так мощно, что он просто не мог удержаться.

— Любимый, — прошептала Лиза, когда он затих и откинулся на другую подушку, — я не гоню тебя и не держу. Решай все сам.

Глава 27

"Чем был вызван мой затянувшийся протест?" Пока Арина решала это для себя, строчки набегали одна на другую, предлагая свои версии. "Он в первое же утро назначил тебе цену, равную стоимости однокомнатной квартиры", — читала она в одной. А другая восклицала: "Какая глупость! Он выкрикнул это от беспомощности, ведь ты уходила, и ему больше нечем было тебя удержать!" Третья ехидно поддакивала: "Не он купил тебя, а ты продалась. Это стыд за себя заставлял тебя ерепениться столько лет". За каждым новым поворотом сюжета открывалось: ее сопротивление не имело смысла, ведь его любовь

была так бескорыстна, как вообще не случается в жизни. Теперь-то Арина понимала это и писала об этом, все время опасаясь скатиться на мелодраму, потому что на страницу капали то слезы, то кровь.

— Я совсем расквасилась, — сердито говорила она Цезарю, и тот сочувственно вздыхал.

Иногда Арина сползала к нему на пол и нежно гладила теплую собачью шерсть. Ей все вокруг казалось удивительно теплым, потому что ее собственные руки неудержимо остывали. Ее силы воли уже не хватало на то, чтобы согреть их.

— Ты помнишь Кирилла? — допытывалась Арина. — Он не оставит тебя, но ты уж и сам не брыкайся. Видишь, к чему меня это привело? Кирилл хороший. Он такой добрый... А я — полная дрянь! Но книги-то я писать умею.

С кряхтением поднявшись, она пережидала головокружение и плелась к столу. Максимум она дала запасной ключ, потому что уже не было сил бегать к двери каждый раз, когда он придет. А он появлялся так часто, что Арина с трудом сдерживала раздражение.

— Ты меня отвлекаешь, черт бы тебя побрал!

— Я пришел выгулять собаку, — заявлял он.

— Да ты два часа назад его выгуливал!

— Ну и что? У тебя в квартире холодно. А когда холодно, я и сам без конца в туалет бегаю.

— А! Какие занимательные подробности!

— Ты же писательница. Тебе любые подробности должны быть интересны, — и Макс выкладывал тот подарок, который все это время прятал за пазухой или в кармане. — Съешь у меня на глазах, — строжился он.

Арина пыталась его поддеть:

— Ты устроился к Кириллу заместителем?

— А можно? — оживлялся он. — Я хоть сейчас.

— Скромница Макс!

— Нет, правда! — не отступал он. — Не тряхнуть ли нам стариной? Твой королевич ничего не узнает.

— Ты уж извини, но я рассыплюсь, если тряхну, — печально отвечала она, и Макс виновато умолкал.

Однажды он спросил, по привычке отведя глаза:

— Помнишь, что я наболтал тебе тогда у ресторана? Так вот... Я больше так не думаю.

— Ну? Я оказалась слабее, чем ты предполагал?

— Нет. Кирилл оказался сильнее. Я бы не выдержал столько времени без любимой женщины.

— Я начинаю бояться, что уже не увижу его. Ничего хорошего в том, что он оказался таким сильным!

— Он вернется.

— Он-то вернется... Только я запросто могу не дожить.

Макс схватил ее руку и растер, яростно дыша на нее.

— Эй-эй! Ты только не сдавайся.

— И не подумаю. Помнишь, как говорил герой Бельмондо? "Я еще не выкурил свою последнюю сигарету!"

— Смешной был фильм, — сказал Макс.

— Смешной.

— Хорошо, что ты сейчас вспоминаешь такие вещи...

— А ты думал, я убиваюсь над своей коротенькой жизнью? Ну уж, нет. Мне работается, как никогда. Вот только кровь эта дурацкая мешает! Портит мне рукопись...

Умоляющим тоном Макс предложил:

— Может, нам все-таки поехать в больницу?

Отложив ручку, Арина погладила его волосы:

— Ты же понимаешь, Макс, что я оттуда уже не вернусь? И я это понимаю. Так что, никуда я не поеду, пока могу писать. Нельзя уходить, оставляя недописанную книгу. Отпечатать его я уже и не мечтаю, но хотя бы дописать я должна. А потом — все. Увезешь меня,

куда захочешь. А теперь иди, Макс, мне надо работать.

— Куда мне идти? — уныло спросил он. — Можно я посижу у тебя? Клянусь, что не произнесу ни слова!

Иногда Арина соглашалась и думала при этом: "Если он не будет лезть мне на глаза, я смогу представить, что это Кирилл". Из стопки исписанных листов доносился его призывный шепот:

— Арёнушек мой... Мой любимый, маленький зверек...

Она склонялась над столом, закрывая собой его голос, чтобы не услышал Макс, и пробивалась навстречу сквозь туман еще не сложившихся строк. Они давались ей как никогда легко, и Арину настораживала эта легкость. Наугад открыв рукопись, она перечитывала написанное, и ясные большие глаза Кирилла одобрительно глядели на нее сквозь любую страницу. Все получалось. Естественно и просто. И это казалось Арине самым убедительным доказательством того, что перед ней — ее последний роман.

Делая передышки, Арина подходила к окну, и потревоженные голуби с шумом осыпались вниз. С недавних пор они облюбовали ее подоконник... "Это ничего, — уговаривала себя Арина. — Голуби — не вороны. Они не слетаются на запах смерти. А он уже есть — этот запах?"

Когда становилось совсем худо, она негромко звала:

— Макс!

И он тут же оказывался рядом. Помогал ей перебраться на диван и укрывал стеганным одеялом. Оно ничуть не согревало, это было под силу только ее королевичу. Но Максу она в этом не признавалась — он тотчас залез бы к ней под одеяло. Арину же передергивало от одной мысли о прикосновении чужого тела.

Часто Макс оставался ночевать и спал на полу в другом конце комнаты. Как-то Арина проснулась среди ночи и увидела, что он сидит у нее в ногах.

— Ты что, Макс? — спросила она шепотом, хотя будить, кроме пса, было некого.

Он в отчаянии простонал:

— Я не знаю, что мне делать! Я помогаю тебе погубить себя окончательно. На кой черт Кириллу будет нужен твой роман, если тебя самой уже не будет? Что я ему скажу?

— Он поймет, — заверила Арина. Боязливо высунув из-под одеяла руку, она похлопала по острому колену Макса: — Ты не бойся, он не будет на тебя сердиться. Уж ему-то известно, что меня невозможно заставить...

— Да не во мне дело! Плевать я вообще на себя хотел!

Он скорчился, обхватив руками беззащитную голову. Арина почувствовала к нему почти материнскую нежность.

— Эй-эй! — сказала она, как любил говорить он сам. — Ты только не кисни! Лучше расскажи мне сказку.

Макс уставился на нее в замешательстве.

— Когда я не могла уснуть, Кирилл рассказывал мне сказки. Знаешь, иногда так уробо-таешься, что и сон не идет...

— И какие же он рассказывал? Про колобка?

— Ты его совсем не ценишь, — с огорчением сказала Арина. — Я таких и не слышала. Может, он их сочинял?

— Я не умею сочинять.

— Тогда расскажи про колобка.

И Макс послушно начал вспоминать. Но когда он, путаясь в подробностях, добрался до очередного: "Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...", у нее навернулись слезы. Сдерживаясь, чтобы не всхлипнуть, Арина подумала: "А вдруг какая-нибудь хитрая лиса проглотит его раньше, чем он сжалится надо мной и решит вернуться?"

Твердая ладонь Макса отерла ей глаза.

— Нельзя плакать, — строго сказал он. — Ты должна быть настроена оптимистично.

— Так настрой меня!

— Я не умею. Я и сам не большой оптимист.

— Ложись спать, Макс, — посоветовала Арина, уворачиваясь от его руки. — Спасибо за сказку.

Но Максим не вставал и продолжал смотреть на нее.

— Ну, что еще?

— Наверное, об этом нельзя спрашивать, — с сомнением проговорил он, — но я не успокоюсь, пока не узнаю... Кирилл и правда был твоим лучшим любовником?

Арина не стала ни укорять его, ни отшучиваться. Она по голосу поняла, что ему действительно надо это узнать.

— Правда, — твердо произнесла она. — Я еще не встречала таких нежных мужчин.

— Нежных? А тебе именно это нравится в мужчинах

— Мне ничего не нравится в мужчинах, — отрезала Арина. — Только в нем, понял?

Максим вскочил, как от толчка:

— Понял. Тихо-тихо! Только он. Дураку понятно.

— Ты не дурак, Макс.

— И на том спасибо!

— Тебе — спасибо! — насмешливо возразила Арина. — Твоя сказка мне очень понравилась. А теперь — спать.

Макс послушно протопал в свой угол и улегся на пол. Через минуту Цезарь, громко цокая в тишине когтями, прокрался туда же и лег рядом с ним. Арина услышала, как Макс едва слышно рассмеялся.

"Может, Макс заберет собаку? — она думала о времени, которое неизбежно должно

было наступить, без малейшего содрогания. — Когда Кириллу с ним возиться? А с псом веселее бродяжничать. Если Кирилл не вернется, Макс тут тоже не останется..." Когда все окончательно стихло, Арина послала в пространство ночи мысленный крик: "Приснись же мне, наконец! Хватит меня мучить... Я уже умираю, что тебе еще надо? Как мне еще искупить?" Зажмурившись, она приготовилась к встрече. Но Кирилл опять не пришел.

Глава 28

Когда годами откладываешь момент, с которого начнется оживление твоей мечты, а потом она вдруг сама собой, за какой-то месяц обретает черты реальности, настолько ощутимой, что ее можно потрогать, невольно возникает чувство некой отстраненности от тебя всего происходящего.

Украдкой ото всех я ощущивал шершавые стены моей таверны. Морские переливы набирали на них синеву, оттененную ослепительной белизной занавесок. Лиза сама развесила их вчера, а я не стал закрывать окна, чтобы ветер поигрывал ими, оправдывая название и создавая иллюзию водной стихии. Мы с Макаром закупили в городе небольшие крепкие столики, какие, в моем представле-

нии, стояли в настоящих тавернах. Стилизованные под старину стулья выглядели мрачно и казались сделанными из дуба.

По вечерам Лиза помогала мне наносить на желтоватый материал специальными фломастерами подобие морских карт, эскизы для которых я рисовал на выделенных Настей листках из школьной тетради. Она и сама рвалась помочь, но я доказал ей, как дважды два, что она еще сопля зеленая и рано ей заниматься делами нашей таверны. В качестве утешения я подарил ей дорогой шведский нож с несколькими лезвиями. Лиза беззлобно ворчала, что я балую ее дочь, и что совсем не обязательно было вести ее сегодня в школу на машине, даже если это и первое сентября. Идти-то — пятьсот метров! Но я видел, как у девчонки горели глаза, и понимал, что раздул ей авторитет среди ребятни, как минимум года на два. Мало того, что я подвез ее утром к самому крыльцу, где уже лениво строились на линейку школьники, я еще и приказал Насте не трогаться с места, а сам вышел, открыл перед ней дверцу и подал руку.

Самому горластому завучу не удалось бы установить на площади такую тишину, какая там воцарилась. Держа девочку под локоть, я проводил ее к тому месту, где стоял их класс, и сам подарил учительнице цветы. В ее несчастных глазах я прочел, что вчера она так и не успела сделать маникюр, а волосы за

лето совсем выцвели. Надо было бы их подкрасить, но... Я все это понимал. И все равно наклонился и поцеловал ей руку, чтобы сгрудившиеся вокруг нас пацаны поняли, что женщина всегда остается женщиной.

Лиза так и не вышла из машины. Когда я вернулся, она уже изнемогала от сдерживаемого смеха.

— Скорее! Поехали же... Я сейчас умру.

Я торопился проверить, как мои мужики пытаются соорудить для бара какое-то подобие стойки. Я нарисовал ее в готовом виде, и даже попытался начертить схему, но в результате все равно могло выйти, черт знает что! У меня всегда было туго с объемным воображением, в школе даже гайки в разрезе давались мне с трудом. Макс чертил их за меня, а в мои обязанности входило писать два сочинения. Мой друг был мастаком на всякого рода выдумки, но сам процесс написания слов вызывал у него яростный протест. За все эти годы Макс не прислал отцу ни одного письма.

Вспомнив о Лари, я угодил колесом в ухаб на дороге. У Лизы вырвался вопль, но она испугалась не за себя. Это я понял, потому что она сразу же схватила меня за плечо.

— Ты не ушибся?

Я прижался щекой к ее руке.

— Все в порядке. Просто задумался.

Лиза не спросила: о чем, ведь я никогда ей не отвечал.

— Я думал о своем друге, — сказал я, чувствуя себя садистом. — Был у меня друг. Единственный. А теперь мы не можем даже поговорить с ним, как нормальные люди. Наверное, как раз потому, что оба — ненормальные. Мы не виделись с ним много лет. Может, еще и поэтому.

— Ты нуждаешься в нем?

— Нет, — ответил я, и это было правдой. — Но я скучаю по нему. Это немножко разные вещи.

Лизина голова согласно склонилась. Ее тоненький пробор сверкнул вытянувшейся белой змейкой. Она все понимала и без слов, но я продолжал объяснять. Мне просто хотелось поговорить о Максе.

— Я не стремлюсь его увидеть, и в то же время должен все знать о нем. Когда он пропал больше пятнадцати лет, я почти не волновался о нем, хотя понятия не имел где он, на что живет и жив ли вообще. А теперь Макс вернулся, и я начал о нем беспокоиться. Глупо, да?

— Нет, не глупо, — возразила Лиза. — Все это время он был для тебя чем-то абстрактным, что не может по-настоящему затрагивать. А сейчас он снова стал частью твоей жизни. Возьми, к примеру, меня. Я всегда верила, что на свете существует такой мужчина, как ты, и даже надеялась, что встречу... Но я

же не сходила по тебе с ума, пока ты не появился на самом деле.

— Я тоже схожу по тебе с ума, — сказал я, решив, что ей необходимо это услышать. Женщины любят признания, клятвы и высокие слова. Даже если понимают, что за ними — пустота. Мне это никогда не казалось смешным, я и сам был таким же. Лиза не была исключительной женщиной. Но она была доброй, ласковой и удивительно красивой. Моя мама пришла бы от нее в восторг.

Я позвонил маме, когда ездил в город за машиной. Она даже не пыталась выпытать подробности случившегося. Ей было важно знать главное — что я жив и здоров. Я попросил ее никому не говорить об этом звонке и делать вид, будто ей ничего не известно обо мне. Мама с готовностью согласилась. Все, что я не натворил бы, для нее было хорошо.

— Наверное, я скоро женюсь, мама, — сказал я.

— Господи, наконец-то! А почему ты общаешься об этом таким голосом? На ком ты собрался жениться?

— На той самой любимой девушке, о которой ты говорила.

Она ничего не спросила про Арину, видно почувствовала, что лучше об этом не заговаривать. Я пообещал звонить, и всю дорогу на-

зад упрекал себя за то, что назвал Лизу "любой девушкой".

Возле клуба кипела работа, хотя я не увидел сколь-нибудь заметных результатов. Казалось, все повскакивали только что, увидев мою машину. На примятой траве еще дымились окурки. Я не был им ни бригадиром, ни хозяином и даже не оплачивал их труд, но все почему-то меня слегка побаивались. "Ты становишься настоящим мужиком, — как-то одобрил Макар. — Даже командовать научился. Если так пойдет, еще набьешь морду этому Лари!"

Когда мы с Лизой подошли к ним, все расступились, скромно демонстрируя свое произведение. Трудно было поверить, что из этого жалкого брусчатого скелета когда-нибудь получится настоящая стойка.

— Это она? — уточнил я на всякий случай.

Все оглянулись на Макара, который слыл в деревне моим другом. Тот не спеша выступил вперед и, понизив голос, будто нас подслушивали, заговорил:

— Ты, Кирюха, это... Не тревожься. Это ж еще что? Так, наметки одни. Сделаем тебе стойку в лучшем виде. Я, слышь, с тобой о другом хотел...

Он кивнул мужикам, и отвел меня в сторону. От него так разило дешевым табаком, что я чуть отвернулся.

— Бабу мою поварихой возьмешь? — равнодушно спросил он и сплюнул на пыльный лопух.

— Возьму, — ответил я, не задумываясь.

Макар сначала даже опешил, потом принялся хватать меня за локоть. Меня всегда удивляло, что некоторые люди обнаруживают бездну красноречия, когда уже все решено.

— Она, слышь, чего хочешь тебе состряпает. Пашуня ж в прошлом поварихой была. А потом муж ейный ревновать начал. Мол, ходят к тебе всякие! А они ж не к ней ходили, правильно? А пожрать. Вот и пришлось ей в доярки уйти.

— Договорились, — сказал я. — Можешь так ей и передать. А ты пойдешь охранником?

— Кем? — от удивления он так дыхнул мне в лицо, что я чуть не рухнул замертво. Спихватившись, Макар прикрыл рот рукой. — Вышибалой, значит?

— Вроде того.

— Опять — вроде того? — он грозно нахмурился. — Я тебя как говорить учил? Сказал — отрезал. Мужики и так не горят на работе, сам видишь. Ну, я их пинаю, само собой...

— Спасибо, — сказал я, протянув руку.

Он сильно хлопнул по раскрытой ладони:

— Интеллигент!

Глава 29

Кошке надо было уйти. У нее разламывалось все тело от кисточек ушей до кончика короткого хвоста. Когда-то она в прыжке ловила птиц, теперь ей неважно было даже шевельнуться. Ужас холодил ее члены, но рысь и не подозревала, что умирает. До сих пор смерть доставляла ей только удовольствие, ведь это всегда была чужая смерть, не причинявшая ей самой ни малейшей боли. Сейчас же в ней была одна лишь боль, и кошка подозревала, что ее причина в смуглом лице человека, которого все вокруг звали королем. Раньше рысь не видела его и не испытывала боли.

Страдания заставляли ее быть настороже. Она боялась упустить нечто, способное усилить их еще больше. Рысь открывала глаза с первым лучом солнца, а ночью засыпала последней. Наверное, ей хотелось бы увидеть королевича, но, к несчастью, кошки не видят снов. То и дело рысь втягивала воздух, надеясь уловить знакомый запах, но чутье ее слабело с каждым часом, а чужих запахов было столько, что они окружили кошку плотной пеленой. Ее длинные уши ловили разговоры придворных:

— Говорят, у рысей бесподобное мясо...

— Нам его не отведать. Это привилегия высшей знати. Этих диких кошек на земле осталось так мало...

— Кто же станет ею лакомиться? Кошка совсем больна.

— Лучше бы король приказал выбросить ее за городские ворота, пока не случилось беды...

Незаметно напрягшись всем телом, рысь попыталась встать. Надо было уходить. Боль подстегивает кошек страхом и гонит подальше от человека. А люди воображают, что эти животные из благородства не могут оскорбить их зрение видом собственной смерти. Рысь презирала все человечество. Ей был необходим только один человек.

Кошке не удалось даже сдвинуться с места. Если б здесь оказался королевич, он легко поднял бы ее на руки и унес подальше от этих сытых людей, жаждущих ее мяса. Он всегда был ее слугой и хозяином одновременно. И, потеряв его, рысь разом лишилась и того, и другого.

Ночь приносила утешение душе, потому что смолкали разговоры двуногих хищников, которые кружили вокруг нее, еще живой, словно гиены. Но тело ее продолжало страдать. Рысь попыталась ползти, впиваясь расслоившимися когтями в тускло мерцающий паркет. Кое-как ей удалось выбраться из зала, где оставил ее король, и попросту забыл о ней. На пороге следующего зала рысь замерла, распластавшись на полу, и затихла, увидев короля. Ее охватил ужас и какое-то

еще, не знакомое кошке чувство. Она не знала, что люди называют его покорностью. Если бы король приказал освежевать ее, рысь не двинулась бы с места.

Однако король не обращал на нее внимания, и ее сердце вскоре забилося в нормальном ритме. Темнота не могла укрыть от все еще зорких кошачьих глаз даже дрожания человеческих век. В каком-то оцепенении король сидел на маленьком диване сбоку от огромного окна и смотрел в темноту. Если бы рысь подползла чуть ближе, она сумела бы разглядеть, что глаза его обращены в сторону башни, венчавшей западное крыло дворца. А если бы ей было дано читать мысли, то слух ее поразил бы протянувшийся в пространстве стон: "Мой мальчик! Неужели и под страхом смерти ты не полюбишь меня?!"

По лицу короля скользили тени редких ночных птиц. Иногда они пересекались, и тогда казалось, что это он посажен за решетку, а кошка вынужденно разделяет его заточение, замкнутая в оковах боли. Ей было неинтересно, кто заключил короля в ту тьму, в которой он пребывал, и почему он не может освободиться, обладая такой неслыханной властью. То, что происходило с королем, ее совершенно не волновало. Она заботилась о себе самой и о королевиче.

Услышав позади скользящие шаги, рысь чуть скосила глаза, и сердце ее пугливо екну-

ло. Она ожидала, увидеть кого-нибудь из этих несносных придворных, от которых невозможно избавиться даже ночью, но, к счастью, это оказался знакомый кошке Паж королевича. Впервые его появление вызвало в ее душе подобие радости. До этого дня с новым другом королевича было связано только чувство ревности.

Паж спрятался за тяжелой багровой портьерой. Его салатного цвета костюм в сумерках выглядел серым, хотя люди самоуверенно полагают, что только кошки выглядят ночью такими. На миг рысь даже забыла о боли, наблюдая за ним. Паж заметил ее и прижал палец к губам. Но кошка и не собиралась поднимать шум. Большее, на что она сейчас была способна, это тихо застонать. Однако даже этого она ни за что не стала бы делать ради короля.

Последний неожиданно поднялся и быстро вышел в другую дверь, не обратив внимания на валявшуюся на полу кошку. Его шаги разнеслись по притихшему дворцу прорвавшимся наружу пульсом. Когда он опять ушел под кожу, Паж выбрался из своего укрытия и присел перед рысью.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он шепотом.

Кошка не ответила. Все равно никто, кроме королевича, не понимал ее языка. С ним они разговаривали даже молча, или касаясь

друг друга, и такие беседы рысь любила больше всего. Иногда ей казалось, что ее тело тотчас обрело бы прежнюю силу, если б королевич хотя бы раз провел теплой ладонью по ее шкуре. Паж просунул одну руку под ее загривок, другой приподнял задние ноги.

— Давай-ка, я помогу тебе... — он подхватил ее довольно мягко, но у рыси все же вырвался короткий рык. Она всегда избегала близости чужих людей. Но Паж мог отнести ее к королевичу, и кошке пришлось смириться.

— Тихо-тихо, — зашептал он. — Скоро ты будешь с ним. И тебе сразу станет легче. Я попробую помочь вам обоим. Не уверен, что это получится... Но чем черт не шутит!

Ступая почти бесшумно, Паж спустился по долгой дворцовой лестнице. Каждый шаг отдавался в кошкином теле, и она уже начала думать, что не доживет до конца пути. Она не подозревала, что кошки — самые живучие существа, хотя это известно любому ребенку. Рысь смирилась с тем, что без королевича ей не поправиться. Но мысль о смерти скользила в ее вялом мозгу только тенью. Она была не из тех, кто оплакивает себя еще при жизни.

Выбравшись за ворота дворца, Паж привалился спиной к каменной стене, и осторожно сполз на траву. Продолжая держать рысь на руках, он пальцами погладил ее голову:

— Почему я это делаю? Уж мне-то враз отрубят голову, если уличат в помощи преступнику! Королю всегда было плевать на меня. И это разумно. Стать королем можно, только научившись плевать на головы своих подданных.

Устроившись поудобнее, Паж злорадно продолжил:

— Знаешь, на ком он погорит? На королевиче. Вот кто держит его за самое сердце! Я это понял, когда король приказал казнить его.

Луна вдруг исчезла, и человек замолчал. Рысь еще некоторое время напряженно вслушивалась, надеясь, что он опять заговорит о королевиче, потом задремала. Уже сонную Паж опять поднял ее и, пробираясь окраиной, понес к своему дому. Сахарные кубики домов были тихи, однако Пажу было прекрасно известно, что в любом из них мог оказаться человек, которому не до сна. И тогда уже утром за ними придут. Болезнь кошки их не разжалобит. Когда речь заходит о счастье своего народа, человек часто становится безжалостен.

Дома он уложил рысь на кушетку и накрыл старым плащом. Паж ни на минуту не сомневался в том, что рысь оживет с возвращением королевича. Иначе, зачем существует на свете любовь, если не для того, чтобы спасти от смерти? Оставалось только вер-

нуть королевича. Паж рассмеялся про себя — всего-то! Забраться в высоченную башню и выкрасть узника! Ни на миг не усомнившись, он вывалил из большого сундука предметы своей коллекции. Когда он показывал ее королевичу, тот смеялся и называл его чудаком. А те самые "репы", что искал Паж сейчас, развеселили королевича больше всего: он представлял своего друга гигантской мухой, ползающей по стенам.

Именно это Паж и собирался проделать. Он уложил "репы" в небольшой рюкзачок, на дне которого уже были две пилки и две веревки, чтобы они все проделали вместе. Проверив сухой нос кошки, он сокрушенно вздохнул, закинул рюкзачок и неслышно прошептал несколько слов. Никто так и не узнал, что это были за слова...

Глава 30

Я забрался на крышу своей таверны и глядел, как желтеющие холмы набегают один на другой, словно застывшие волны заколдованного моря. Мои мечты сбылись — я поселился на его берегу, и таверна моя была построена.

Когда накануне вечером я вымел последний мусор, сидевшие на траве мужики стали растерянно тушить сигареты. Их лица, одно за другим, принимали торжественное выра-

жение, точно их слуха волной достигали звуки духового оркестра. Мы все переглядывались, и я чувствовал, что должен произнести какие-то важные слова, но не мог подобрать их.

И тут хлынул дождь. Его ждали еще с утра, но он, видимо, выбирал подходящий момент. Это был не привычный, лениво разгоняющийся дождь, а по-южному страстный, заполняющий собой все пространство до горизонта. Едва его струи обрушились на нас, всех охватило какое-то сумасшествие. Но оно было не опасным, а веселым. Все бросились обниматься, и возгласы ликования перекрыли шум дождя. Настя как повисла у меня на шее, так я и таскал ее, словно маленькую, посадив на руку.

Мне пришлось связаться со старыми поставщиками, и было уже наплевать, что кто-нибудь из них может проболтаться Лари. Порой я ловил себя на том, что даже хочу, чтобы Лари нашел меня. Теперь я чувствовал в себе достаточно сил для разговора с ним. И я выдержал бы его взгляд.

Сегодня на шесть часов вечера было назначено открытие. Настя уже собирала своих меченосцев. Потому-то я и не мог далеко уйти от таверны, хотя так хотелось побыть одному. Тогда я залез на крышу и уселся на теплый пыльный шифер. К празднику я собирался переодеться в костюм, который тайком пере-

вез от мамы вместе с другими вещами. Но сейчас на мне все еще были джинсы, перемазанные всеми оттенками синего. Руки загрубели за это время и в некоторых местах потрескались так, что стало больно сгибать пальцы. На ночь Лиза обвязывала их шерстяными лоскутками, прореженными вдоль нитями елочного "дождика". Она утверждала, что такие шерстинки способны излечить едва ли не ото всех болезней. Но мне это средство пока не очень помогало, ведь утром я снова принимался за работу.

Я подул на трещины, в глубине которых, как на дне ущелья, влажно поблескивало. "Королевич!" — вспомнил я придуманное Ариной прозвище. И даже не усмехнулся. Я думал о том, что они с Лари давно вернулись, и, скорее всего, он настоял, чтобы Арина поселилась в его доме.

Следовало бы вспомнить о Лизе и утешиться. Но ее не было в моих воспоминаниях. Она жила только наяву, и я любил ее, когда видел перед собой. Я поспешил спуститься с крыши, чтобы увидеться с ней и убедиться, что хоть кому-то нужен и я сам, и то, что мной сделано.

Я осторожно приоткрыл дверь в ее кабинет. Мне все еще неловко было видеть, как она тут же бросает и посетителей, и дела, чтобы поприветствовать меня, хотя мы сталкивались раз сто за день. Но сейчас Лиза ока-

залась одна, и я распахнул дверь пошире. Она вскинула голову, вскочила из-за стола и бросилась ко мне с такой неподдельной радостью, что я стиснул ее, задохнувшись от благодарности.

— Ну, как? — жадно спросила она. — Последние штрихи?

— Нет, все. Можно, я поваляюсь у тебя на диване?

Она уложила меня и протянула пачку газет.

— Отдохни. Может, чайку поставить?

— Вечером напьемся, — пообещал я, раскрывая газету. — И наедемся до отвала. Я уже растолстел до неприличия.

Лиза вдруг наклонилась к газете с обратной стороны и ухватилась за край листа:

— Переверни.

Я повернул газету, и Лиза ткнула пальцем в объявление. Сначала мне подумалось, что за такой жирный шрифт пришлось дорого заплатить, потом уловил смысл напечатанного: "В таверне "Ветер Зурбагана" беда".

— Что это значит? — встревожилась Лиза. — Предупреждение? Кто-то собирается сорвать открытие?

Но я видел сквозь тонкий лист зовущие глаза Макса.

— Что-то случилось, — сказал я. — Наша таверна здесь ни при чем... Лишь один человек мог подать такое объявление.

— Она? — спросила Лиза упавшим голосом.

— Макс. Только он знал о том, как я хочу ее назвать.

Я сел и бросил газету на пол, вскользь взглянув на число. Она оказалась почти недельной давности.

— Мне нужно в город. Срочно.

— Прямо сейчас? А как же открытие?

— Справишься без меня. Ты умеешь устраивать праздники. Паша там уже наготовила целую гору, официанток я подучил. Ничего без меня не случится.

— Это же твоя таверна, твое детище!

— А Макс — мой друг. И он — человек, а не какое-то паршивое кафе!

— Переоденься! — крикнула Лиза мне вслед.

Я даже не попрощался, чтобы у нее не возникло опасений, что я не вернусь. Заехав домой, я надел серую вельветовую рубашку и галстук в тон брюкам. Потом зачем-то нацепил темные очки, хотя солнце уже садилось. Я все проделал так неторопливо и тщательно, будто собирался на свидание, но, сев за руль, вдруг запаниковал. Макс никогда не произносил слова "беда". Когда ушла его мать, он заглянул ко мне, и буркнул на пороге: "Вот дела... Меня мать бросила". А через неделю наглotalся таблеток... Если Макс писал, что

случилась беда, значит хуже трудно и представить.

Я гнал машину, потеряв всякое представление о предельно допустимой скорости. Но впечатление, было такое, будто я еду по тренажерной дорожке: одни и те же косогоры, неразличимые стада пятнистых коров, неизменное солнце, бьющее в боковое стекло... Каким-то образом я все же добрался до поворота к дому Лари и позвонил. Если б подошел Лари, я, скорее всего, не заговорил бы с ним. Но отозвался Макс и, узнав меня, заорал в трубку:

— Где ты шляешься? Быстро ко мне! — и, додумавшись, добавил: — Отца нет.

Я долетел до их дома минуты за две. Макс уже сидел на крыльце. Завидев машину, он бросился навстречу:

— Разворачивайся! Поехали.

— Куда? — я боялся спросить о главном.

— В город. Нет, постой. Притормози.

Я не выключил мотор, предчувствуя, что мы все равно сейчас помчимся куда-то. Макс положил руку на мое плечо, и мне захотелось выскочить, лишь бы не слышать, того, что он собирается сказать. Я смотрел перед собой и старался дышать как можно ровнее.

— Арина в больнице, — без выражения произнес он. — У нее очень тяжелое заболевание. Острый лейкоз.

Листва берез из желтой стала бурой. Все вокруг замерло, будто мы оказались в безвоздушном пространстве.

— Давай, я поведу, — предложил Макс. — Выходи.

Когда мы пересели, Макс спросил:

— Где ты пропадал все это время? Ладно, молчи. Нет, черт! Не молчи! Заплачь, что ли! Не меня же стесняться.

— Заткнись, — сказал я.

Он успокоился и стал смотреть на дорогу. Через несколько минут я спросил:

— Как это проявляется?

— У нее открылось кровотечение, — хмуро ответил Макс. — Сначала носовое... Потом... Обмороки всякие. И темные пятна пошли по телу. Ее увезли на "Скорой". Она долго крепилась. Все ждала, что ты вернешься. У нее кровь из носа хлестала, а она продолжала писать... О тебе писала, между прочим! Я уже знаю, что ты подумал. Ни на какие Канары она не собиралась. Отец все это подстроил. Вряд ли тебе станет легче, но я уже дал ему в морду.

— Это неизлечимо? — спросил я.

— Ей сделали переливание. Но врачи темнят. Она в онкологии. В реанимации.

— Лари знает?

Макс даже разозлился:

— А кто оплатил бы все расходы, как ты думаешь? Тебя же не было! Мне и самому

было противно у него просить. Ты почему так спокоен? Хоть выругайся!

— Отстань, — попросил я.

Он проводил меня до отделения и сунул деньги:

— Отдай санитарке, а то не пропустит. Я жду в машине.

Я нажал на кнопку, и когда мне открыли, сделал все, как велел Макс. Мне дали бахилы и халат. Темный коридор показался мне дорогой в преисподнюю. С каждым шагом я погружался в состояние полусна, когда все вокруг кажется нереальным, а собственная реакция становится заторможенной. Распахнув одну из дверей, санитарка шепнула:

— Кровотечение остановили. Она в сознании.

"А была без сознания?!" — ужаснулся я, но уже не успел спросить, потому что увидел Арину. Ее лицо было таким бледным, что казалось неживым. И она вся была спутана трубками, будто попала в плен к гигантскому пауку. Голову ее повязали белой больничной косынкой.

Стараясь ни на что не наткнуться, я подошел к ее кровати и сел на маленький табурет. Арина смотрела на меня.

— Привет, королевич! — сказала она, как ни в чем не бывало. — Ты все же нашелся?

— Я здесь, — только и смог я произнести.

Рука у нее оказалась холодная, и я прижал ее к щеке.

— Ты изменился. Загорел. Черт возьми, ты потолстел!

— Немного.

— У тебя появилась седина, королевич. За месяц... И волосы больше не выются.

— Просто они очень короткие. Я подстригся.

— Зачем? Ты хотел измениться?

— Ты видишь меня насквозь... Тебе нужна еще кровь? Пусть возьмут у меня.

Она напомнила:

— У нас разный резус. Я из простых, королевич, твоя кровь мне не подойдет... Чего не сделала для тебя рысь?

"У нее бред", — я уткнулся в безжизненную ладонь. Но Арина спросила совершенно ясным голосом:

— Зачем ты посылал меня к Лари? Ты ведь не просто так это сделал... Не такой уж ты и лопух.

Я понял, что ей действительно важно это знать. И я хотел, чтобы она узнала это обо мне.

— Он бы не устоял, — сказал я. — Его сердце не выдержало бы твоего накала, как у всех остальных. Я надеялся на третий инфаркт. Мне было необходимо освободиться от него. Я просто не мог больше этого выдерживать...

Она пробормотала что-то вроде: "Рысь должна была убить короля... Я так и думала".

— Что ты говоришь, маленький? — спросил я.

— Никуда я не собиралась с ним ехать.

— Я уже знаю. Макс мне сказал.

— Я хорошо пишу, мой королевич, но совсем не умею говорить. А то я давно сказала бы тебе, что хочу быть только с тобой.

— Ты со мной, — сказал я и стиснул зубы.

— Где ты был все это время?

— Строил таверну.

Арина мечтательно повторила:

— Таверну... Я бы хотела ее увидеть. Да, похоже, не успею. Вот так... Я закончила свой последний роман. Вернее я писала роман, а получилась сказка. Она о тебе. О тебе ведь можно написать только сказку... Я только не успела ее перепечатать. Ты сделаешь это?

— Ты сама это сделаешь.

Она чуть растянула бескровные губы:

— Ты должен был так ответить... Только не нужно этого. Я ведь знаю цену словам. Ты почитай мой роман, ладно?

— Я люблю тебя, — без прежнего страха признался я.

И тогда она впервые сказала:

— Ты — моя жизнь, королевич. Ты ушел, и мне стало нечем жить. Глупо, да? Я работала, как лошадь, а умираю от любви.

— Ты не умираешь, я же вернулся!

— Ты чуть-чуть опоздал, — она опять попыталась улыбнуться. — Но это ничего. Главное, что я еще раз увидела тебя. Хорошо, что ты такой красивый. Меня всегда угнетало это, а теперь я рада. Ты не останешься один...

— Конечно, не останусь! Потому что ты будешь со мной. Знаешь, я кое-чему научился за этот месяц. И сейчас я выйду и переверну всю землю. Я найду то, что тебя спасет.

Арина внимательно меня выслушала и сказала:

— Я верю тебе. Кто знает, а вдруг ты и вправду меня вытащишь? Тогда поспеши. Эта, проклятая кровь не хочет во мне приживаться. Беги, королевич, спасай меня!

И я побежал. Прыгнув на сиденье рядом с Максом, я крикнул:

— Поехали! Я вытрясу из Лари душу, но он ей поможет.

Макс не ответил. Мы вылетели с больничного двора, едва не столкнувшись с машиной "Скорой помощи", внутри которой тоже кто-то умирал. Через пять минут мы уже были возле ресторана. Когда я ворвался в кабинет, не отвечая на приветственные возгласы позади, Лари даже не удивился.

— Явился, — только и сказал он.

Я подошел и за грудки вытащил его из-за стола. Впервые в жизни я не боялся и не стыдился его. Прижав Лари к стене, я спросил:

— Что, сволочь, надеялся меня больше не увидеть?

— Надеялся, — коротко ответил он.

И я тут же выдохся.

— За что ты меня ненавидишь, Лари? Я еще помню, как мечтал, чтоб ты стал моим отцом.

— Отцом?!

Лари толкнул меня в грудь с такой силой, что я отлетел и упал на диван. Встав на него коленями, он схватил меня за волосы. Но они были слишком короткими и выскользывали у него из пальцев.

— Отцом? — повторил он. — А ты спросил, хотел ли я когда-нибудь стать твоим отцом? Мог ли я относиться к тебе, как отец? Когда я видел эти губы... Эти глаза... Эту шею...

— Замолчи, Лари! — взмолился я, уворачиваясь.

Он схватил меня обеими руками за лицо и приподнял. Но я теперь уже был другим. И я ударил его снизу в солнечное сплетение. Он сдавленно охнул и, скорчившись, упал рядом со мной. Переведя дух, я сказал:

— Бог тебе судья, Лари. Я приехал не выяснять отношения. Я прошу тебя... Если хочешь, я встану перед тобой на колени... Помогги мне спасти ее, Лари! И я больше никогда не покажусь тебе на глаза.

Он угрюмо сказал:

— Ее не спасешь, котенок. Она слишком затянула с лечением. Говорят, вдохновение меняет химический состав крови... Может, все от этого?

— Должны быть какие-то средства!

— Говорят, в Германии могут что-то сделать...

— В Германии? — загорелся я. — Значит, мы летим в Германию! Лари, купи у меня машину.

Его невозмутимое лицо болезненно сморщилось:

— Она не выдержит перелет. Я бы и так занял тебе денег. Но можно ли ее везти куда-то? Ты спроси у врачей.

— Я спрошу, Лари... Ты хотел, чтобы меня посадили?

— Я бы освободил тебя, — спокойно ответил он.

— Чтоб я был тебе благодарен? Что ж тебя так заклинило-то на мне? Ты мог бы купить мальчишку и помоложе.

— Дурак, — отозвался Лари. — Купить... Иди отсюда. И не думай о деньгах. Я отдам тебе все, что у меня есть.

У него внезапно перехватило горло. Схватившись рукой за кадык, Лари переждал спазм, и тихо добавил:

— Я буду молиться за тебя. Хотя вряд ли Бог услышит меня... Твое заявление я не подписал.

Глава 31

Макс подвез меня к таверне, когда было уже за полночь. Но Лиза ждала на крыльце, обхватив руками поджатые колени, прикрытые подолом шерстяной черной юбки. Я вышел из машины и присел на ступеньке рядом с ней. Воздух был сырым, и казалось, что он все выжигает холодом внутри меня. Я виновато заглянул Лизе в лицо, и она улыбнулась.

— Как все прошло? — спросил я.

— Отлично! Председатель сказал трогательную речь! Я догадалась, что он понятия не имеет, что такое Зурбаган. Ему кажется, что это из Чуковского.

— Ему простительно.

Не меня выражения, она спросила:

— Ты уезжаешь?

— Мне нужно сейчас быть в городе. Арина заболела.

— Значит, ее зовут Арина?

— А я не говорил?

— Нет. Никогда.

"Никогда", — повторил я про себя. Мы прожили вместе всего месяц, а она относилась к этому так, словно я был с нею целую вечность. Я не хотел вращаться в нее так стремительно, однако сделал это, не прилагая никаких усилий. И теперь возникло это слово — никогда. Я ужаснулся стоявшей за ним тьме.

В ее руке жизни оказалось не больше, чем в Арининой. Я также прижал ее к щеке и почувствовал, что предаю обеих.

— А что с ней? — спросила Лиза.

Когда я сказал, она вся вздрогнула, словно речь шла о близком ей человеке.

— Но это же... — начала она. — Мы чем-то можем помочь?

Я едва не отбросил ее руку, так меня ударило это "мы". И я произнес слишком жестко, слишком непростительно:

— Мы — это я и Арина.

— Да! — выкрикнула Лиза.

— Извини, — попросил я. — Понимаешь...

Она чуть сжала мои пальцы:

— Не объясняй. Я знаю, что все это необъяснимо... Что ты собираешься делать?

— Повезу ее в Германию. Говорят, там могут помочь.

— Подожди в Германию, — испугалась Лиза, будто я и без того не уходил от нее — дальше некуда. — Надо попытаться вылечить ее здесь. Кажется, я могу тебе помочь.

— Ты? Врачи ничего не могут сделать...

— Помнишь, я говорила про деревню старообрядцев?

Я невольно напрягся, предчувствуя что-то важное.

— Неподалеку от них есть скит. Там живет один старец. Люди называют его святым. Он

вылечил от рака женщину из нашей деревни, да ты ее знаешь! Маруся, почтальон. Я знаю дорогу. Я проведу вас туда. Сейчас уже темно, а утром...

Я смог только поцеловать ей руку, а Лиза по-матерински притронулась губами к моему лбу. Мне захотелось упасть перед ней на колени. Но я не знал слов, которые оказались бы достойны Лизы. Я молча смотрел на нее и мечтал уменьшиться до размеров гнома, который никогда не унывает, потому что у него очень маленькое сердце.

— Куда поедем? — спросил Макс, когда деревню жадно поглотила беззвездная ночь.

— В больницу.

— Я только что звонил. Говорят, что все так же. Они называют это "стабильное состояние".

По дороге Макс рассказал, как они пытались найти меня и даже устроили обыск в моем кабинете. И как Арина вдруг решила писать обо мне. Макс понял, насколько важно для нее закончить этот роман и отложил визит к врачу.

— Считаешь меня убийцей? — со злостью спросил он. — Но я подумал: когда дело идет о жизни и смерти, надо выбирать самое главное. Для нее главным была эта книга о тебе, а не какие-то несколько лет, за которые она могла уже ничего и не написать.

— Успокойся, она ведь сама так решила, — сказал я и подумал: "Великолепно! Я еще и утешаю его!"

Не глядя на меня, Макс спросил:

— Она наконец-то сказала, как любит тебя?

— Сказала.

— А знаешь, что я тебе скажу, приятель? Ты — полный идиот! Как можно уйти от такой женщины? Да я бы свернул шею любому, кто только подумал бы к ней приблизиться!

— Я не умею сворачивать шеи...

Но Макс продолжал нападать:

— А что это за женщина? Ты же не был бабником!

— Я и не стал им. И ни слова не говори о Лизе.

— Арине?

— Мне!

— Тихо-тихо, — он вытянул губы трубочкой, и мне подумалось, что таким он бывает, убаюкивая дочь.

Я спросил о ней. Макс несколько раз неуверенно глянул на меня, будто что-то решал на ходу, потом вздохнул:

— Ладно, чего там... Арине я уже сказал. Лика ведь мне не дочь. Я ее подобрал на дороге, когда шел к тебе.

— Ко мне?

— Ну да. Я ведь не к отцу шел, а к тебе, — он резко нажал на тормоз. Моя "Мазда" на-

стороженно затихла, и глухой голос Макса заполнил ее: — Ты для меня — единственный родной человек. Я так обидел тебя... Прости, а?

Мне захотелось обнять его, но я даже не прикасался к мужчинам. Но тут он сам рванулся ко мне и прижался лицом к рубашке. Щекой я чувствовал, как, оказывается, мягок его упрямо торчавший "ежик". И решился сказать:

— Я ждал тебя, Макс.

— Я столько думал о тебе, — торопливо заговорил он. — И все понял. А встретились — и ничего не смог сказать.

— Хорошо, что ты здесь, Макс.

— Ничего хорошего мое появление не принесло.

— Разве в тебе дело? — возразил я. — Это все равно бы произошло. Один человек мало что может изменить.

Откинувшись на спинку сиденья, он внимательно посмотрел на меня, и положил голову на руль:

— И это говоришь ты? Который взял и построил таверну своей мечты? А Арина взяла и заставила себя дожить до окончания романа. Один я ничего не сумел.

— Ты вернулся, Макс. Как раз во время. Что бы я сейчас без тебя делал? И ты спас ребенка. Я бы не решился взять его с собой.

— Решился бы, если б приспичило, — заверил Макс, и строго спросил: — Так что будем делать?

Я вкратце передал разговор с Лизой. Он слушал меня, кусая тонкие губы, потом дернул плечом:

— Чем черт не шутит?! Удивительная женщина эта Лиза. Бывают же такие...

— Только такие и бывают. В каждой женщине это есть.

— У меня их столько было во всяких городах, что я имен не помню... Но ни одна меня не любила.

— А ты?

— Я бы мог полюбить одну женщину, — Макс повернулся и посмотрел мне прямо в глаза. — Мне понравилось о ней заботиться. Только оказалось, что она по уши влюблена в моего друга. Ну-ну, не бей меня! Я тебе еще пригожусь. Куда мне до Арины... Где ты будешь ночевать?

— Посплю в машине возле больницы.

— Вот так королевич! Можно я останусь с тобой?

Мы заехали в ночное кафе и набрали с собой всякой хрустящей всячины и по паре бутылок пива. Добравшись до больницы, заглушили мотор и включили радио. Было так уютно, словно мы, как в детстве, сидели вдвоем в шалаше, недоступном остальным жителям планеты Земля. Макс что-то болтал, а я

почти не слушал, но посмеивался и потягивал пиво. Оно оказалось не слишком холодное, такое, чтобы выпить бутылку залпом. Я захмелел так быстро, что сам стал смеяться над собой. Макс вдруг затих и опустил глаза. Тогда до меня дошло, что я уже не смеюсь, а плачу. Он притянул меня за шею, я уткнулся в его твердое плечо и чувствовал только, как он похлопывает меня по спине. Потом услышал, как откинулось сиденье, и Макс уложил меня бережно, как тяжелобольного. Я все пытался сказать, что болен вовсе не я, но у меня ничего не получалось.

— Тихо-тихо, — знакомо прошептал Макс.

Он тоже лег, не убирая руки с моего плеча. Мы смотрели друг на друга и ничего больше не говорили.

На рассвете Макс разбудил меня и коротко бросил:

— Пора!

Объяснения с врачами были недолгими. По-моему, они только обрадовались тому, что я увожу безнадежного больного. Макс принес из машины плед, и я укутал Арину, как новорожденную. Она и весила не больше, и уже не пыталась шутить. Возле губ у нее появился страшный синеватый треугольник, и мне было известно, что это значит. Я тронул его губами, и Арина открыла глаза.

— Не надо, — шепнула она.

— Тебе неприятно?

— Это тебе неприятно.

— Глупая, — сердито бросил я. — Какая же ты глупая! А еще писательница! И не надейся, что я стану разбирать твои каракули, пока ты не отпечатаешь рукопись.

— Ладно, — выдохнула она. — Договорились.

Веки у нее были совсем прозрачными. Я поцеловал каждое, пока нес ее к машине. Они задрожали под моими губами, как неоперившиеся птенцы. Макс распахнул дверцу, и я уложил Арину на переднее сиденье, которое так и не поднял с ночи. На этот раз я сам сел за руль, чтобы она могла меня видеть. Но Арина почти не открывала глаз. Я не знал — больно это или просто требуется слишком большое усилие.

Глава 32

Над огородом поднимался туман. Лизе подумалось, что теперь предстоит брести сквозь него до конца жизни и, возможно, раствориться в нем. И никто не явится спасти ее от смерти. Все злые слова незаметно ушли в картофельные грядки. Земле было не впервой впитывать людскую ненависть, боль, слабость, которых не могут избежать даже са-

мые лучшие. Закрыв за собой калитку, Лиза прислонилась к ограде, и стала ждать. Дорога терялась в тумане, но звуки были слышны далеко. Собаки еще не проснулись, а петухи уже откричали. Никто не мешал выпитывать тишину и наслаждаться ею до спазма в горле. Ведь это были последние мгновения, когда та, больная женщина, еще принадлежала миру иллюзий.

Лиза, конечно, не замечала, что со вчерашнего вечера ни разу не улыбнулась. Веселые полукружья возле губ постепенно наливались горечью, потому что ей не удавалось и заплакать. Слезы копились в ней, и незаметно проступали наружу. Лиза сочлились болью, и не видела этого.

Но Кирилл все сразу же заметил. Пока машина со скоростью несущего разрушение смерча надвигалась на Лизу, она цеплялась за корявый штакетник, рискуя посадить занозу. Но когда Кирилл подбежал, она протянула к нему руки инстинктивным движением женщины, взывающей к своему любимому. Он остановился, сжал ее ладони. От прикосновения Лиза очнулась и быстро перевела взгляд на машину: "Она заметила?", но лица лежавшей на переднем сиденье женщины не было видно.

— Ты не передумала? — Кирилл все еще держал ее руки.

— Зачем ты спрашиваешь?

— Садись позади меня. С другой стороны неудобно.

"В каком смысле — неудобно?" — едва не вырвалось у Лизы, но ей удалось вовремя остановиться.

Только усевшись, она подняла глаза, и встретила внимательный, испытующий взгляд того, кто, по-видимому, и звался Максом. Он молча кивнул ей, и Лиза кивнула в ответ, боясь перевести взгляд на другое лицо. Чуть скосив глаза, Макс подвинулся, закрыв собой Арину. Но Лиза не ощутила к нему даже благодарности.

— Куда ехать? — отрывисто спросил Кирилл.

Наклонившись к его плечу, Лиза принялась объяснять дорогу. Кирилл гнал машину так быстро, что пару раз она едва не прозевала поворот. Даже в лесу он не снизил скорость, хотя машина то и дело болезненно кричала на выбоинах. Отсыревшие за ночь листья низких ветвей хлестали по стеклам. Это были единственные звуки, нарушавшие тишину между Лизиными подсказками.

— Видишь поселение впереди? — она вытянула руку.

Движение воздуха скользнуло по Арининому лицу, и она открыла глаза. Несколько минут она молча вглядывалась в профиль Кирилла, потом чуть слышно спросила:

— Куда ты везешь меня, королевич?

"Королевич! — болезненно удивилась Лиза. — А я не придумала ничего подобного..." В этом слове слышалось столько достоинства и нежности, что было очевидно: такое прозвище могло родиться лишь в самом любящем сердце.

— Ты только не смейся, — весело предупредил Кирилл, быстро переведя на нее взгляд, — мы едем к святому старцу. Он вылечит тебя.

Лизе показалось, что она не очень-то в это поверила.

— Он вылечит, — убежденно произнесла она, чтобы поддержать Кирилла. Слова постороннего человека часто оказываются убедительнее, потому что ему не нужна ваша вера.

Макс отклонился, пропустив Аринин взгляд. Они встретились с Лизой глазами и ничего не сказали друг другу. Отвернувшись, Арина шепнула:

— Ты в надежных руках, королевич.

— Что? — спросил Кирилл.

Но она уже замолчала, с трудом повернув голову к окну. Лиза увидела, как побелели сплетенные пальцы Макса. "Я все испортила, — подумала она в отчаянии. — Надо было просто объяснить ему дорогу. Я выбила из-под ее ног последнюю опору".

— Знаешь, Арина, — вдруг заговорил Макс, — а мы с Лизой решили удочерить девочку. Лику. Ты ведь ее помнишь?

Арина также медленно повернулась, и потухший взгляд засветился радостью. Сжавшись от стыда, Лиза смотрела на нее, и улыбалась. У Кирилла слегка дернулась голова, но он не обернулся.

— Я не представил тебе, извини. Но ты спала, — невозмутимо продолжал Макс. — Это моя Лиза. Скоро я вступлю в законный брак. Кошмар! Самому не верится!

Бесцветные губы дрогнули. Лиза наклонилась и умоляюще проговорила:

— Вы уж поправляйтесь поскорее. Нам с Максом не терпится пожениться.

— Вот так-то, маленький, — сказал Кирилл. — Ты задерживаешь людей. Давай-ка, бери себя в руки.

— А куда ей теперь деваться! — Макс засмеялся, став на мгновение совсем другим. — Не может же писательница погубить два любящих сердца.

— Еще как может! Она уже столько народа угрохала в своих книгах. Так что ты с этим поосторожнее.

— Она — писательница? — шепотом спросила Лиза.

Кивнув, Макс достал книгу, лежавшую у заднего стекла. Лиза аккуратно взяла в руки

солидный том и с горечью подумала: "Нашла с кем тягаться..."

— Куда? — спросил Кирилл.

Лиза спохватилась:

— Останови. Дальше можно только пешком. Старец не переносит технику.

— У него есть имя? — поинтересовался Макс.

— Есть. Но он не всем его сообщает. Я не знаю.

— Пошли, — скомандовал Кирилл. — Закрой машину.

Он бросил Максу ключи и, перебежав на другую сторону, взял Арину на руки. Дав себе слово не оглядываться на них, Лиза пошла впереди. У развилки она остановилась и, обернувшись, увидела, как Кирилл целует на ходу бесцветное Арино лицо. У нее вырвался едва слышный стон. Макс тут же обнял ее за плечи и строго сказал:

— А ну, тихо! Держите себя в руках.

— Дальше идите вдвоем, — твердым голосом произнесла Лиза, когда они приблизились. — Эта тропинка вас выведет.

Кирилл кивнул и пошел, так и не сказав напоследок ни слова. Торчавшие из одеяла Аринины ступни покачивались при ходьбе, как раздвоившийся маятник часов. Лиза не шевелилась, отсчитывая минуты ее жизни.

— Подождем, — сказал Макс и снял руку с ее плеча. — В любом случае он должен вернуться.

"Вернуться, — повторила она и медленно набрала в грудь воздуха. — Разве это можно назвать возвращением?"

В машине зазвонил телефон, и Макс бросился на зов. Проводив его взглядом, Лиза с завистью подумала: "Хорошо быть мужчиной. Мы могли бы дружить с ним всю жизнь, и это не вызывало бы у Арины ревности. Мирится же она с существованием Макса". Ей вспомнилось, как весело жили они с дочерью до появления Кирилла. Он увлек их на самый пик радости, забыв предупредить, что за ним — обрыв. Они обе рухнули в пропасть, а он скатился туда, откуда пришел. И теперь между ними непробиваемая скала.

Услышав шаги Макса, она стиснула руки: "Я не хочу его видеть! Я никого не хочу видеть!" Ей хотелось бы ослепнуть и погрузиться во тьму, озаряемую только воспоминаниями, в которых лицо Кирилла было бы обращено к ней. Но Лиза упустила момент, когда это еще было возможно. Если б это случилось теперь, то первым перед ее внутренним взором вставало бы мучительное видение: как он целует на ходу другую женщину.

— Плохие новости? — спросила она Макса.

— Вам это не может быть интересно. Вы не знаете человека, о котором сейчас сообщили, — он опустился возле ее ног на сырую траву и низко наклонил голову, будто выискивал что-то: — Я и сам его не знаю.

Глава 33

Каждый корень норовил ухватить меня за ногу. Когда я спотыкался, Арина открывала глаза. Их зелень выглядела увядшей, в них было больно смотреть. Но ей полагалось видеть только мою улыбку. Я бормотал на ходу:

— Дыши глубже, здесь такой воздух... Ты заработалась в своей душной квартире. И курила, наверное, без остановки! Тебя нельзя оставлять без присмотра.

— С тобой тепло. Я все мерзла одна.

Я зубами подтянул плед на ее плече. Ночной туман еще ползал между деревьями, но Аринины ноги болтались высоко над землей.

— Скоро взойдет солнце, — пообещал я. — Ты согреешься.

— Я люблю тебя, королевич. Я так по-настоящему и не сказала тебе этого.

— Сказала. Ты написала роман.

— Он получился немножко странным. Его издадут, как ты думаешь?

— Издадут, мой ненасытный зверек. У тебя выйдет еще много-много книг. Чудесных книг!

— Хотелось бы... Еще вчера мне ничего не хотелось. Я радовалась, что успела закончить роман. А теперь...

Я строго посмотрел в ее то и дело уплывающие глаза:

— Знаешь что, сочинительница? Брось пугать меня страшными историями о жизни и смерти. Отшельник тебя вылечит. Он уже спас одну женщину. А, может, и не одну...

— Я знаю, что он поможет. Я это чувствую.

— Пусть только попробует не помочь!

— Мне даже сейчас хочется целовать тебя, королевич.

Я сам поцеловал ее. Но сухие губы не отозвались.

— Сейчас я опять провалюсь, — предупредила Арина. — Я все время куда-то проваливаюсь. Ты не уйдешь?

— Нет, что ты! Больше я никогда тебя не оставлю.

Арина закрыла глаза, и я едва не бросился бегом, но побоялся потревожить ее. Мне стало так страшно оттого, что она замолчала, будто только слова и держали ее в этой жизни. Отчасти так оно и было. Хотелось крикнуть на весь лес, чтобы старик отозвался, потому что никакого скита не было видно.

Только бесконечный лес, пестрый, как цыганский табор, и так же похожий на единый организм. Я поймал себя на том, что крепче сжал Арину, и расслабился, испугавшись, что сделал ей больно.

"Мой маленький, — думал я, с беспокойством оглядывая незнакомые окрестности, — мы еще придем в этот лес в начале лета. Будущего лета. Все тут будет закипать жизнью, и ты снова будешь — сама жизнь. Немножко злая, не всегда понятная, часто несправедливая, но все равно прекрасная! Наверное, я на самом деле сентиментальный дурак, как ты меня назвала. Но я знаю, что умру следом за тобой, если ты и вправду выкинешь этот номер. Я не оставлю тебя в покое даже на небесах. Но там будет скучно, моя хищница, ведь ты не сможешь ни укусить меня, ни распластать на полу. У тебя так жадно поблескивали глазенки, когда ты глядела на меня сверху. Ты жаждала моей крови. Почему ты не выпила ее? Я бы с радостью отдал тебе всю. Потому что если кто и должен выжить в этом неблагоприятном мире, так это — ты..."

Корни больше не попадались, но я остановился, как вкопанный. Наверное, это и был скит, хотя то, что я увидел, мало напоминало дом. Маленький сруб, не имеющий привычной покато́й крыши и окон. Как я потом выяснил, единственное окно, которое старик на зиму забивал, находилось с обратной сторо-

ны. Читал он при свечах, которые приносили старообрядцы, или сидя под деревом. Меня поразило, что возле домика был возделан небольшой огород, словно я предполагал, что отшельник питается Святым Духом.

Я подошел к дому и остановился возле двери, не зная, как постучать — не ногой же! Опустить же мою несчастную девочку прямо на непросохшую траву я тем более не мог. Наверное, я все же что-то придумал бы, но тут дверь сама отворилась, и мне сразу поверилось, что старик обладает даром. Ведь подошел я совершенно бесшумно.

Мы смотрели друг на друга, и я понял не могу сообщить этому низенькому лысоватому человечку ничего сверх того, что он и так видит.

— Проходите. Вот на том настиле ей будет удобно.

Я, конечно, не думал, что он заговорит на старославянском, и все же был слегка обескуражен, услышав простую человеческую речь. Так и не найдя в себе слов, я прошел внутрь домика и опустил Арину на дощатые палаты. Она не открыла глаз, а старик ждал, и я вынудил себя произнести:

— У нее острый лейкоз. Пересадка костного мозга уже не спасет... Только вы можете ей помочь.

— Помочь может лишь Бог, — без назидания ответил он.

— Да, конечно. Только вас он скорее услышит.

— А вы просили?

— Мы с ней оба грешники. Я не смею...

— Всякий смеет обратиться с молитвой.

— Но не всякого Он услышит.

— Услышит. Но не каждый достоин помощи Божьей.

Это не было открытием. И все же произнесенные стариком слова будто ударили меня под колени. Я упал перед ним, но отшельник тут же испуганно схватил меня за плечи:

— Бог с вами! Я же не святой! Поднимитесь же!

— Спасите ее.

Он заставил меня встать, но я по-прежнему смотрел на него снизу вверх. Мне и раньше приходилось испытывать зависимость от других людей, от Лари, например, но еще никогда моя жизнь не была целиком отдана в чужие руки. Я чувствовал себя косноязычным, тупым уродом, который не может вызвать сочувствия. Во мне не было ничего такого, что могло убедить его помочь нам.

— Как вас зовут? — спросил он.

Почему-то я был уверен, что старик уже прочел это в моей ауре. Но, может, как раз имя там и не пишется. Когда я ответил, он благосклонно кивнул:

— Хорошее имя.

"Спасибо, мама!"

— Что вы считаете своими грехами, Кирилл?

— Я не обвенчан с этой женщиной...

Его кивок был уклончив и не завершен.

— У меня много грехов, — пробормотал я.

— Вы должны освободиться от них, — сказал он так, словно речь шла о мелочи, которую предстояло раздать нищим. — Любовь чистого человека способна творить чудеса.

Меня бросило в жар. Я не ожидал, что спасение Арины будет настолько зависеть от меня.

— Ваши помыслы должны быть чисты. Чего вам больше всего хочется в этой жизни? — Он оговорился: — Кроме исцеления этой женщины.

— Я уже... Я построил таверну, о которой мечтал.

— Таверну? — повторил старик нараспев. — Чтобы люди напивались там и теряли человеческий облик?

— Человеческий облик можно потерять и служа в церкви! — ответил я неподобающе резко и сам испугался.

Но отшельник согласно кивнул:

— Слуги Господа сами часто грешат. Не на них равняйтесь, но на Него. Я не могу написать за вас вашу жизнь. Вы должны вернуться в мир и сделать это самостоятельно.

— А как же Арина? Она надеется, что я останусь.

— Ничего, я объясню ей все, когда проснется.

— Вы будете ее лечить?

— Я попробую это сделать, — уклончиво ответил старик. — Только главное зависит от вас. Вы сумеете. Десять заповедей просты. Их выполнение под силу любому.

Страх пробудил во мне дерзость:

— Если живешь один в лесу, то, конечно...

— А уныние? — напомнил он. — Затосковали бы в одиночестве-то... Ну, ступайте. Время дорого.

Я склонился над Ариной и поцеловал. Ее веки дрогнули, но раздалось только сонное бормотание.

— Не будите. Ступайте же, все будет хорошо, — открыв передо мной шаткую дверцу, он жизнерадостно сказал напоследок: — Вы такой крепкий! Справитесь и с этой ношей.

Я оглянулся, ужаленный подозрением, что старец знает обо мне все и читает мое будущее, но дверь уже затворилась, и я не посмел ее тронуть. Чтобы он не подумал, будто мне хочется подслушать, я отошел на несколько метров и притаился за деревьями. Так сразу уйти от того места, где оставалась Арина, я не мог.

Лес пытался развеселить меня, играя перед глазами солнечной листвой. Я на ходу трогал ветви и пытался сосредоточиться. Потом сел возле тропинки под сосну и, достав

блокнот, попробовал восстановить по памяти десять заповедей. И был удивлен тем, что они вспомнились без особого труда, будто давно росли в мою душу. Перечитав их, я понял, что не нарушил до сих пор только одну — не убий. И со злостью исправил себя: почти нарушил. Ведь Арина умирала из-за меня. И я желал смерти Лари...

Спрятав блокнот, я вернулся к той развилке, где ждали меня Лиза с Максом. Когда они увидели меня, лица обоих просветлели. "Господи, помоги! — взмолился я. — Как мне заслужить прощение этой женщины? И как мне простить отца моего друга? Во мне столько темного, Господи!"

— Ну что? — нетерпеливо спросил Макс.

— Он взялся ее лечить. Арина поправится.

— Поедем ко мне, — предложила Лиза. — Позавтракаем. Настя передавала тебе привет.

— Наверное, мне надо поговорить с ней?

— Совсем не обязательно. Я ей уже объяснила.

— Что — объяснила? Ты же сама говорила, что это невозможно объяснить!

Макс сделал шаг вперед, словно пытался закрыть от меня Лизу. Я посмотрел на него с удивлением, и он смутился. Потом сердито буркнул:

— Успокойся! Она-то ни в чем не виновата.

— Я спокоен. Гнев — это один из грехов.
Ты не знал?

— У меня уже в животе урчит, — сказал Макс.

— Я поговорю с ней, — что-то подсказывало, будто мое очищение должно начаться с этой девочки.

— Позови ее, — попросил я Лизу и сел на крыльцо.

Макс неуверенно остановился возле, но я мотнул головой :

— Иди в дом. Пожалуйста.

Но вместо этого он присел и снизу заглянул мне в глаза.

— Ну что? — спросил я.

— Пока тебя не было, по твоему телефону звонили. Я взял трубку.

— Мама?

— Нет.

— Да говори же!

— Мой отец угодил в больницу с третьим инфарктом. Для него все это тоже не прошло даром. Он поручил кому-то из персонала позвонить тебе. Он просит тебя приехать.

"Господи, дай мне силы!"

— Хорошо, — сказал я.

Макс удивленно поднял брови. Кажется, он не ожидал, что я сдамся так быстро.

— Ты правда съездишь к нему?

— Правда.

— И не задушишь его подушкой?

— А ты боишься за него?

— Да не особенно. Я за тебя боюсь.

— Я и сам хотел его видеть, — признался я. — Вернее, должен был... Нет, хотел.

Макс хлопнул меня по колену:

— Все-все, утихомирься!

Я услышал, как скрипнула позади дверь, и обернулся. Молча склонив перед девочкой голову, Макс проскользнул в дом, а Настя в нерешительности остановилась.

— Садись, — сказал я. — Ступеньки уже нагрелись.

Крыльцо было узким, и Настя прикорнула на самом краю, чтобы держаться от меня подальше. На ней была длинная широкая юбка, и когда она сгорбилась, отвернувшись, то стала похожа на старушонку.

— Ты уже все знаешь, — начал я и, не найдя, чем продолжить, взмолился: — Что я должен тебе сказать?

— А я откуда знаю? — огрызнулась она. — Это ты хотел со мной поговорить.

— А ты не хотела?

— Мне и так все ясно.

— Завидую. А мне вот нет...

Это ее ничуть не растрогало.

— Ну и разбирайся сам! Я-то при чем?

— Ты хочешь научиться владеть мечом? — спросил я.

— Ну, — буркнула Настя.

— А почему не можешь?

— Сам знаешь. Сил не хватает!

— Вот видишь, — сказал я. — Иногда просто не хватает сил. Даже если чего-то хочешь.

Некоторое время она молчала, попеременно высовывая из-под темного подола босые пальцы. Затем повернула ко мне хмурое личико. Глаза были злыми и заплаканными, но где-то внутри уже просветлело.

— Ладно, отчим, — пробурчала она, — будем считать, что ты просто оказался слабым.

Я молча смотрел на нее, также положив голову на согнутые колени. У Насти задрожал подбородок. Уцепившись за мой локоть, она подъехала ко мне, скользя по ступеньке, и прижалась к плечу.

— Прости меня. Я просто злая, маленькая дура! Она поправится? Отшельник ее вылечит?

— Если мы будем молиться...

— Я буду молиться, — серьезно пообещала она. — Только ты заезжай к нам хоть изредка, чтобы не думали, будто мы с мамой совсем ничего для тебя не значили!

— Вы всегда будете много для меня значить.

Девочка вскочила, и потянула меня за руку:

— Пойдем завтракать! Мне без тебя и есть не хотелось.

— Я должен ездить кормить тебя с ложечки?

— Я бы не отказалась! — в сенях Настя прижала меня к косяку: — Мне так жалко, что у тебя нет сына!

— Зачем тебе понадобился мой сын?

Она кокетливо усмехнулась:

— Ну, как ты не понимаешь? Я бы за него замуж вышла...

Глава 34

Над городом Вечного Счастья, как всегда, сияло солнце. Правда, Арине показалось, что сегодня оно будто бы затянуто легкой дымкой. Она шла поблескивающей мостовой, пытаясь уловить обрывки разговоров, но горожане благоразумно замолкали, стоило госте приблизиться. "Что-то произошло, — Арина бесилась от невозможности выведать хоть малость. — Неужели его казнили?!"

Наконец она решительно остановила маленькую женщину со сдобным лицом, похожую на королевскую кухарку.

— Послушайте, я, кажется, пропустила казнь, — посетовала Арина, невинно округлив глаза. — Все уже закончилось?

Кухарка: повертела круглой головой и шепнула:

— Сорвалось. Королевич перепилил решетку и бежал из башни. А потом украл свою рысь. Его, конечно, поймают. Еще никому не удалось уйти от нашего короля.

— Ему удастся! — с вызовом заявила Арина.

— Ой, что вы! Нельзя так думать.

Арина чуть понизили голос:

— Да ведь так думает весь город.

— Откуда вы знаете? Вы — Читательница Мыслей?

"Я их писательница", — едва не вырвалось у Арины, но она не была расположена к откровенности. Угадав, что через минуту ее бестолковая собеседница сбежит, Арина спросила:

— А где теперь Паж? Он ушел вместе с королевичем?

— Не знаю. От Пажа королевича не знаешь, чего от него ожидать. Говорят, он и вправду плакал. Вот ужас-то!

— Может, он просто промывал слизистую?

— Как это?

— Слезы очищают глаза, от пыли. Это все равно, что умываться. Неужели вы этого не знали?

Бедная женщина, только изумленно помотала головой. Арина зловеще посулила:

— Скоро у вас начнут гноиться глаза. Весь город заплачет гноем.

— Ой! — вскрикнула кухарка и бросилась прочь.

Арина одолела еще пару улиц, таких же светленьких и выскобленных, как десятки других. Ее уже тянуло в сон от этого кукольного однообразия. Плюнув на блестящие камни, Арина громко произнесла:

— Ну и ладно! Оставайтесь тут и веселитесь до икоты!

Никого не было вокруг, но Арина твердо знала, что ее слышал весь город. Сорвав на ходу веточку липы, она спустилась к реке, и вышла к тому месту, где когда-то сидел королевич. Но на этот раз его, конечно, там не оказалось. Арина побрела по камням в противоположную от города сторону. Когда ей надоело подворачивать на камнях ноги, она, поднявшись по крутому склону, вошла в лес. У нее не было страха, несмотря на то, что уже вечерело, и не возникало вопроса куда идти. Что-то вело ее, она послушно следовала за этой силой. И почти не удивилась, разглядев среди деревьев костер. Ведь на свете не существует сказки, в которой, блуждая по лесу, человек не вышел бы к огню или дому.

— Ваше высочество!

Королевич резко выпрямился:

— Вас послал король?

— Нет, — заверила Арина. — Я сама по себе. А где же рысь? Говорят, вы взяли ее с собой.

— Она больна, — бесстрастно ответил королевич. — Я отнес ее к старому колдуну.

— Чем вы разожгли костер? Такое необычное пламя.

Он положил на согнутые колени свою красивую кудрявую голову и спокойно сказал:

— Там горят мои мечты. Колдун приказал их сжечь.

— А почему огонь красный?

Королевич поднял глаза и доверчиво улыбнулся:

— Это было немножко болезненно, с кровью...

— Почему вы повиновались?! Разве можно лишиться себя мечты? Зачем тогда жить?

— А зачем мне жить, если рысь умрет? — высокомерно спросил он. — Колдун сказал, что это ей поможет.

— Я полагала, что мужчины так не цепляются за любовь, — призналась Арина.

— Я не цепляюсь, — он вскинул голову. — Что за глупое слово?

— Простите, ваше высочество. Я забыла, что разговариваю не с обычным мужчиной.

— Разве в любви бывают обычные люди?

— О! Вот вы как все повернули? А может, наоборот? Любовь выпадает на долю только необычных людей?

— Не только людей, — возразил он.

"Помешался он на своей кошке, — с сочувствием подумала Арина. — Бывает же такое..." У него она спросила:

— Простите, ваше высочество, — осторожно заговорила Арина, — но вам не кажется немного странным то, что вы отдаете ей столько любви? Если разобраться, она ведь не женщина. От вашей любви никогда не родятся дети.

Сведя широкие брови так, что между ними образовалась глубокая складка, королевич сердито ответил:

— Зачем мне дети? Разве я могу променять ее, живую, на них — несуществующих?

— Во всем этом есть что-то противоестественное...

На этот раз королевич не обиделся.

— В жизни вообще много противоестественного. Вы не замечали? Умирают юные, умирают талантливые... Мир устроен противоестественно. И в этом вся его прелесть. Он непредсказуем... Потому-то я и убежден, что колдун ее вылечит. Ведь на самом деле моя рысь неизлечима.

— И вы так спокойно об этом говорите?!

Королевич слегка повел плечами:

— Я не верю тем, кто бьется об пол и вопит. Моя кошка умирала тихо. Хотя сердце у нее разрывалось от тоски. А я не знал этого. Думал, что ей хорошо и сытно у короля.

— Она не умрет...

— Конечно, не умрет. Я не настолько ее избаловал, чтобы она вытворяла, что хочет. Ну, мне пора! Все сожжено, я могу вернуться. Прощайте!

— Будьте счастливы, ваше высочество, — прошептала Арина, наблюдая, как высокая прямая фигура скрывается между деревьями. Оставшись одна, она поворошила обугленной палкой выдохшийся костер: "Вот глупо... Он успел их сжечь прежде, чем я узнала хотя бы одну..."

Глава 35

Лари показался мне совсем бледным, словно дыхание близкой смерти разбавило смуглость его кожи. Глаза у него были открыты, но пока я не подошел к его постели, никак не мог разобрать — видит ли он меня. Подставив стул, я сел рядом, не зная, что делать дальше. Но Лари сам заговорил:

— Пришел, котенок... Я только тебя и ждал. Тебе сказали? Я подписал все бумаги. Ресторан твой.

— Помолчи, Лари, — посоветовал я, совсем растерявшись. — Наверное, тебе вредно разговаривать?

— Мне все вредно. Сердце выдохлось. Никто так и не изобрел "перпетум мобиле", котенок. И слава Богу!

Я предположил:

— Ты выживешь, Лари, если не умер сразу.

— Не умер. Тебя ждал. Ненавидишь меня?

— Уже нет. Раньше ненавидел.

— Обещаю тебе, что скоро умру, — насмешливо произнес Лари. Его высохшая рука раскрылась, и в этом жесте было столько мольбы, что я не смог не отозваться. Я положил свою руку в его ладонь, и Лари осторожно сжал ее.

— Одно твое слово, и ты увидел бы весь мир. Я подарил бы тебе дом. Ты мог бы получить все, что только захотел.

— Но я захотел сам давать это, а не брать у кого-то!

Он так сжал мои пальцы, что мне стало больно:

— Ты надеялся, что я умру. От любви к твоей писательнице. Но такого ведь и быть не могло.

— Перестань, Лари! Я и так презираю себя...

— Поцелуй меня, — вдруг попросил он. — Простимся. Тебе нечего стыдиться. Я действительно скоро умру.

— Я не могу...

— Можешь. Я же помню, как ты мог.

— Я был ребенком.

— А теперь я вроде ребенка. Сжался, котенок. Ты мучил меня столько лет... Позволь мне уйти счастливым.

И я сделал это. Не знаю почему. Мне совсем не хотелось его целовать. Но я поднялся, положил руку ему на грудь, чтобы слышать, как бьется сердце, потом наклонился и поцеловал. Так же, как он меня когда-то. Его сердце так заколотилось под моей ладонью, что я понял: Лари и вправду сегодня умрет.

— Спасибо, — выдохнул он, когда я отклонился, и даже не добавил: "котенок".

Больше мы ни о чем не говорили. Я сидел рядом, держа его за руку, и вспоминал то, о чем не позволял себе думать долгие годы. Как однажды мы втроем ходили в поход и ночевали в палатке. Лари лег в середину: "Чтобы обоим было тепло". Я тут же уснул, сморившись от лесного воздуха, и не слышал даже комаров. А проснулся от поллюции. Лари спал, обняв меня сзади. Я боялся пошевелиться и страшно гордился тем, что он обнял во сне не Макса, а меня. Со своими поллюциями я это никак не связывал.

В другой раз дело было зимой. Я жутко промерз, добираясь из цирка. Макс сразу поехал на тренировку, а я помчался домой, но на пороге выяснил, что опять забыл ключ. Я бросился к Лари, и тот оказался дома. "Ах ты, чудище мороженое! — воскликнул он, затаскивая меня. — Раздевайся, я наберу ванну". А когда я залез в воду, Лари вошел и присел на бортик ванны. Он просто сидел и разговаривал со мной, и я решил, что, наверное, так

принято у них с Максом, и в этом нет ничего постыдного. Ведь мы оба были мужчинами.

Лари учил нас кататься на лыжах, когда мы с Максом были еще мальчишками. Тогда я чувствовал себя совсем неуклюжим рядом с выносливым, неугомонным Максом. Мне казалось, что я обременяю Лари, ведь ему все время приходилось дожидаться меня, отряхивать снег, поправлять крепление. Как-то я отморозил щеку, и сам не заметил этого. Лари затащил меня на лыжную базу и, встав на колени, принялся дыханием согревать мою кожу. Мне было так приятно, что закрывались глаза. Теперь я понимал, чего ему стоило удержаться и не поцеловать меня.

Лари не справился с собой один-единственный раз. И когда он припал к моим губам с незнакомым, глухим стоном, меня словно ударило током, и все члены отнялись, кроме тех, где растекалось такое блаженство, какого я больше никогда не испытывал. И если в моей жалкой голове осталась в тот момент хоть какая-то мысль, то в ней читалось лишь одно: пусть это никогда не кончается. Лари не мог не угадать ее. И все эти годы я помнил о том, что он знает это обо мне...

А потом начался кошмар. Я ненавидел Лари, ненавидел Макса, я ненавидел всех мужчин и женщин на свете, потому что считал, будто отныне не принадлежу ни к тем, ни к другим. Но больше всего я ненавидел себя

самого за то, что открылось во мне, и что я не мог забыть. Я только и думал о том, как бы покончить с собой, но мне было жалко маму. И я боялся того, что после моей смерти ей все станет известно, и это будет для нее куда хуже того, что я умер.

Со временем ненависть истощилась во мне. Я устал и затосковал по Максу, и по нашим мечтам, и по всему, что нас связывало. О Лари я запретил себе думать.

И вот теперь он умирал, и я твердо знал, что он умирает. Когда инфаркт скрутил Лари в первый и во второй раз, во мне ничто даже не дрогнуло. Лари не мог уйти из жизни, не испив до конца моей ненависти. А теперь ее не было. И любви не было. Ему не за что было ухватиться.

— Прости меня, Лари, — попросил я.

Он опять стиснул мою руку:

— Я так и остался для тебя злодеем?

— Нет, Лари. Правда — нет.

Лари вдруг заговорил такими длинными фразами, что это стало похоже на бред. Я испугался, что он умрет прямо у меня на глазах, и мне никогда не удастся забыть этого.

— Тебе неприятно будет это слышать, котенок, но я все равно должен сказать, что ты — единственный человек, кого я по-настоящему любил. А ты только и позволял изредка погладить тебя по голове... Видно, каждый обречен испытать в жизни свою страсть.

Ты и сам угодил в ту же ловушку с этой писательницей. Почему — она? Ты никогда не задумывался? Она похожа на мальчишку, котенок.

— Нет! — вскрикнул я.

— Тот поцелуй и для тебя не прошел бесследно.

— Я был близок и с другой женщиной. Мне было с ней хорошо. И она ничем не напоминает мальчишку.

— Проверил себя? Значит, были сомнения? Что ж, выходит тебе повезло. А я вот так и не смог... Ты сбил меня с пути истинного, котенок. Когда знаешь, что на свете есть такие губы, как у тебя, о других уже и думать не хочется.

Я взмолился:

— Но ведь это не по-божески, Лари!

— Разве в Библии запрещается любить человека одного с тобой пола?

— Не знаю. Я не читал Библию.

— И я не читал. Может, поэтому нам с тобой так плохо?

— Может быть, — я погладил его цепкую руку.

Лари сделал движение, будто хочет подняться, и вынудил меня склониться к нему.

— Клянусь тебе, что умру сегодня...

— Да я вовсе не гоню тебя на тот свет!

— Скажи мне, умоляю! Была ли хоть одна секунда, когда ты хотел...

Мое сердце сжал такой спазм, что я чудом не рухнул рядом с Лари: "А если он выживет? Как я потом взгляну ему в глаза?" Я посмотрел в них. Они были непривычно широко раскрыты, словно я казался ему самой смертью.

— Да, Лари, — выдавил я. — Много секунд, минут и часов.

Он простонал:

— Что ж ты не пришел ко мне? Зачем эта борьба с собой? Жизнь прошла впустую... Я ведь так любил тебя...

— Я не считал это любовью.

— А чем ты считал это? Пороком? Извращением?

— Да ведь так и есть, Лари!

— Ты — сильный человек, — вдруг произнес он изменившимся голосом. — Ты сумеешь спасти свою... женщину.

— Макс в машине. Позвать его?

— Я рад, что вы помирились, — равнодушно отозвался Лари. — Не надо Макса. Не сейчас. Я слишком полон тобой.

— Я могу для тебя что-нибудь сделать?

Это самый беспомощный вопрос из всех существующих. Когда ты можешь что-то сделать для другого человека, обоим это понятно и без слов. У Лари дрогнули губы.

— Спасибо, котенок. Ты уже сделал больше, чем хотел. Я не заставлю тебя вывернуться наизнанку.

Я выпустил его руку. На миг она зависла в воздухе, затем плавно опустилась на простыню. Она устрашающе темнела на ней как скрюченное огромное насекомое, пробравшееся в больничную палату. Жалость подступила к горлу теплом. Я виновато улыбнулся и вышел.

...Через час мне позвонили и сказали, что Лари сдержал слово. В этот момент мы сидели с Максом возле их дома и смотрели, как Лика то ползает по иссохшей траве, то ковыляет между корнями сосен, а Цезарь наматывает между деревьями петли. Мы ни о чем не говорили, тишина лесного полудня завораживала. Телефонный звонок прозвучал в ней диссонансом.

Я выслушал то, что мне сообщили, и сказал: "Спасибо". Но как я не старался, Макс понял, о чем идет речь.

— Умер, да? — спросил он. — Так и не попрощался со мной. Не простил. А я-то думал, это мне надо его простить.

Он резко повернулся и поглядел на меня исподлобья. Подбородок и щеки у него были покрыты рыжеватой щетиной, и выглядел Макс настоящим бродягой.

— Знаешь, когда он чуть не засадил тебя в тюрьму... В этом было столько отчаяния! И я вдруг понял, как же это страшно: полжизни сходить с ума из-за какого-то мальчишки, и не сметь даже прикоснуться... Черт! Видно, я все

же расстроен его смертью. Хорошо, что ты сейчас со мной.

Решившись, я обнял его за плечи и сказал:

— Я всегда был с тобой, Макс. И ты всегда был со мной.

— Я — плохой друг! Я не сумел помочь твоей...

— Любимой, — подсказал я.

— ...пока тебя не было. Она — уникальная женщина, я просто сражен! Знаешь, как она дописывала последние страницы? Лежа на диване и запрокинув голову, потому что кровь уже не останавливалась. Я принес ей планшет и капиллярную ручку, чтобы можно было писать на весу. И она дописала... Может, ты зря не рассказал ей всего о себе? Тогда все выглядело бы еще трагичней.

— С чего ты взял, что этот роман — трагичен? Может быть, он веселый и светлый.

— О тебе-то? — усомнился Макс. — Что в тебе такого уж светлого?

Мне сразу вспомнилось напутствие старца, но Макс у я о нем не стал говорить. Только сказал:

— То, к чему я собираюсь прийти.

Глава 36

Мама гладила меня по голове совсем не так, как все остальные. Они что-то брали от

меня, каждый свое, а из маминой ладони в меня вливалась энергия, которой я и жил. Она сидела в уголке дивана, а я улегся рядом, и положил голову ей на колени.

— Что, детонька моя, тебе совсем плохо? — наконец, спросила она. — Да что ж ты у меня такой невезучий? Я думала, что родила самого счастливого мальчика, на свете! Такого красивого, умненького, доброго.

— В сравнении со многими, я — счастливый мальчик.

— Да уж, — вздохнула она. — Ты слишком чувствителен, вот в чем беда. Ты же мужчина, ты должен больше думать о достижении каких-то целей.

— О карьере?

— Мне не очень нравится это слово.

— А мне не нравится это дело. Я больше не хочу быть владельцем ресторана.

— Сынок, — она заставила меня посмотреть ей в глаза, — что происходит? Ты собираешься отказаться от ресторана?

— Ну, хорошо...

Я сел, чтобы легче было собраться с мыслями. Мамино лицо едва заметно подрагивало, и я подумал: как же это тяжело иметь сына и жить в постоянном страхе за него...

— Есть такая штука — интуиция, — заговорил я, стараясь не придавать своим словам трагической окраски. — И сейчас она мне подсказывает, что я должен сделать выбор.

Отказаться от чего-то материального и очень для меня дорогого, чтобы духовное начало усилилось. Вот, собственно, и все... Если я это сделаю, Арина поправится. Я в это верю.

— И ты это сделаешь?

— Я уже это сделал, — признался я. — Сегодняшнего дня ресторан принадлежит Максусу. Это справедливо. Правда, Макс еще об этом не знает. Мам, да ты что?

Она отмахнулась, смущенно растерла по щекам слезы:

— Я и не подозревала, что ты способен на такое... И это сейчас, когда друг друга за копейку душат! Господи, детонька моя, неужели я родила святого?!

— Да ты что, мам! И не надейся на это! Я таким подонком иногда бываю, тебе и представить трудно.

— Дурачок, — мама с нежностью поцеловала меня в щеку. — Совсем дурачок.

Пока она готовила ужин, я решил немного пройтись, мне было необходимо оказаться в той части города, где мы обычно гуляли с Ариной, когда она была здорова и так полна жизни, что щедро вдыхала ее во множество придуманных ею людей. Если бы теперь все они могли собраться и, встав возле нее кругом и взявшись за руки, разом выдохнуть ту энергию, которой она их напитала!

Те улицы, где я бродил, не отличались одна от другой. Но только не для меня, потому что

каждая была освящена своим, особым эпизодом, который мог произойти только на этом углу или под тем деревом и нигде больше. Но эти эпизоды можно было пересчитать по пальцам, и я ужаснулся тому, как же их мало! Ведь это значило, что я недостаточно проводил с ней времени и редко выводил на прогулки. Я боялся, что ей скучно гулять со мной, что за письменным столом Арине куда интереснее... Да так оно и было. Но там она отдавала, и ей необходимо было пополнять силы. Я мало кормил ее фруктами. Я не выбросил сигареты. Я ни разу не свозил ее к морю. Моя любовь была бездейственна.

Легко поддаваясь самообману, я думал, что Арина — взрослая женщина и вполне способна справиться с нагрузками. Я забыл, что люди искусства никогда не взрослеют. Они лишь старательно подражают нам, обычным смертным, чтобы нас же и не раздражать. А на самом деле остаются теми же, погруженными в собственное воображение детьми, какими когда-то были мы все. И сердца их по-детски слабы...

Нельзя было полагаться на нее. Но я так боялся пойти наперекор ее желаниям! Чтобы не потерять. Ведь она была счастлива, уходя в творчество, и не потерпела бы, если б я встал у нее на пути. И вот сейчас я терял Арину именно потому, что не посмел этого сделать.

У меня хорошо получалось бороться только с собственными желаниями. Я старался думать лишь об Арине, но Лари то и дело настигал меня. Он спросил: "Почему же, ты не пришел ко мне?" И выйдя от него, я задал себе тот же вопрос: "Почему же я не пришел к нему?" Ведь я хотел этого больше всего на свете... Я помнил, как ночами караулил у окна, поджидая, когда Лари вернется с работы. Тогда мы уже не встречались с ним, и я даже избегал здороваться при случайных столкновениях, будто простое приветствие могло выдать меня. Но я не мог не видеть его. Я думал о нем днем и ночью. Мысли эти были то восторженными, то тягостными, то сумасшедшими. Никто не снился мне в те годы во сне, кроме Лари. И каждую ночь я переживал все то, что так и не случилось, а, проснувшись, жалел, что еще жив. Наверное, я так легко поверил в Арину измену, потому что лучше всех знал, как можно сходить по нему с ума...

Лари и не подозревал, что творилось со мной. Он не видел, как я читаю медицинские справочники, которых было множество в нашем доме. И не замечал, как я слежу за ним из-за шторки. Стоило ему выйти из машины, как меня начинало ломать, а щеки горели так, что казалось голова сейчас просто взорвется. Какое имя можно было дать всему этому?

А потом Лари совсем переселился в загородный дом, потому что сердце его слабело, и разыгравшаяся во мне буря стала понемногу стихать. А когда все, казалось, совсем улеглось, мы встретились на выпускном балу. Взгляд Лари был именно таким, какой я воображал, представляя, как однажды постучу в его дверь, и он откроет... Он предложил мне поступить в пищевой институт, чтобы после работать у него.

Мне было не стыдно за то, как я вел себя в палате у Лари. Даже теперь, зная, что он действительно умер, я был уверен: все сделано правильно. Я ничем не обидел его, но и не обнадежил. Я сказал ему единственное, что уместно перед лицом Смерти — правду. И все же на душе было тягостно, потому что сколько бы мы не сделали для человека, никогда не бывает достаточно. Всегда остается что-то, чего ты не успел или поленился сказать. И это маленькое "что-то" неумолимо разрастается, когда человек умирает, и часто перекрывает собой все те добрые дела, которые окрасили его жизнь.

Я думал обо всем неисполненном в отношении Лари, и отчетливо осознал, что если мне не удастся спасти Арину, вина перед ней просто задушит меня, даже если все вокруг станут твердить, что я сделал больше, чем было возможно.

Глава 37

Мы шли по деревне, и мне казалось, что из-за каждого забора смотрят нам вслед. Лизин домик молчаливо глядел с пригорка, но я старательно отворачивался, пытаюсь поддерживать с Максом некое подобие беседы, и все время терял мысль. Уже возле самого дома "цыганского барона" Макс, не скрывая раздражения, спросил:

— Может, ты все-таки посветишь, меня в страшную тайну? Зачем мы притащились в этот плебейский дворец?

— Плебейский дворец? Арине понравилось бы. Скоро узнаешь. Ты будешь присутствовать при разговоре.

— Вот спасибо, ваше высочество! — завопил Макс. — А я-то думал, что мне придется сторожить ваши калоши!

Я с силой толкнул его локтем, потому что охранники уже повскакивали, бросив карты. Но, узнав меня, они ослепительно разулыбались.

— Доброе утро, — я старался не допускать панибратства. — Степан Васильевич у себя?

— Проходи, Кирилл, — сказал старший. — Это с тобой?

Макс вполне мог бы что-нибудь сморозить, если б я ответил, что он со мной. Поэтому я сказал:

— Мы вместе.

И услышал презрительный смешок за плечом.

— Ты хотел бы отгрохать себе такой домик? — насмешливо бормотал Макс, пока мы проходили светлыми, радующими глаз коридорами к гостиной. — Ничего, скоро сможешь себе позволить. Ресторан теперь твой.

— Он твой. Ты — сын Лари. А я ему — никто.

Макс рванул меня за плечо. Мы остановились посреди залитой солнцем веранды, похожей на большой аквариум. Покрасневшее лицо Макса выглядело в нем кусочком мяса, которым приманивают пираний.

— Что это ты задумал? — с недоверием спросил он.

— Ничего особенного. Я больше видеть не могу этот ресторан. Люди там теряют человеческий облик.

— Ого! А чем лучше твоя таверна?

— Ничем. Затем я сюда и пришел.

Он вдруг серьезно сказал:

— Кирилл, давай уйдем отсюда. Я не знаю, что у тебя на уме. Но мне кажется, тебе надо еще раз все обдумать...

Я заверил, что уже обдумал. Некоторые решения принимаются в один миг, но идешь ты к ним всю жизнь. Кажется, я не убедил Макса, потому что он продолжал смотреть на меня несчастными, полными сострадания глазами.

— Успокойся, в монастырь я не уйду, — сказал я.

— Жаль, — вздохнул он. — А то бы я с удовольствием поухаживал за одной известной нам обоим особой. Давай, ты ее вылечишь, а я женюсь?

— Я все-таки убью тебя, Макс!

На этом мы и порешили. Хозяину уже доложили о нашем приходе, и он дожидался нас, но не в гостиной, а на своем любимом маленьком диванчике. В его мелком лице проглядывали удивление и настороженность. Пока я представлял Макса, цыган несколько раз переводил испытующий взгляд с меня на него, словно пытался угадать, чего ожидать от нового знакомого. И Макс, конечно же, не удержался.

— Ваши дела меня не интересуют, — заявил он. — Я только шлейф ношу.

— Мой друг — большой шутник, — процедил я и попытался усмирить Макса взглядом.

Он фыркнул и отвернулся.

— Мне дорого ваше время, — начал я. — И свое тоже. Во дворе стоит машина. "Мазда". Очень хорошая машина, почти новая. Ее стоимость покрывает часть ваших расходов на ремонт таверны. Она ваша. Остальное я доплачу потом.

— Ты хочешь выкупить у меня таверну? — осторожно поинтересовался Степан Васильевич.

— Нет. Я хочу сжечь ее.

На миг они оба оцепенели, потом Макс сел и уткнулся лицом в ладони. Цыган зачем-то снял пестрый халат и взмахнул рукавами белой рубашки, будто расправил крылья.

— Сжечь? — повторил он, изо всех сил стараясь не показать удивления. — Это неожиданно.

— Я не сумасшедший, — предупредил я. — Мне просто необходимо это сделать. Я не могу объяснить — зачем.

— Это же была твоя мечта, — тихо сказал Макс.

— Я не о том мечтал. И не того хотел.

— Что у тебя стряслось, Кирилл? — спросил цыган. — Кого ты собираешься спасти?

— Это не относится к делу.

Цыган надолго задумался. Время от времени он быстро поднимал на меня пронизательные глаза, но я постарался сделать из своего лица маску.

— Не понимаю, что все это значит, — наконец, признался барон. — Хотя чувствую, что это для тебя еще важнее, чем было построить таверну. Я поверил тебе тогда, верю и сейчас. Но ты обещаешь мне все со временем возместить?

— Клянусь!

— Цыгане верят честному слову, — с достоинством произнес он. — Я не стану брать

с тебя никаких расписок и звать нотариуса. Только ты и я... Когда ты собираешься...

— Прямо сейчас.

— Я позвоню пожарникам. Там работает наш рома. Он пригонит машину и сбережет клуб. Только не благодари. Ты сам за все платишь. Ты и музыку заказываешь. Давай ключи от машины. Пожарные подъедут.

— Мы еще увидимся, — пообещал я.

Цыган усмехнулся:

— Я сразу понял, что ты — горячий парень.

С "Маздой" я решил не прощаться и за воротами сразу повернул в другую сторону. Меня не оставляло ощущение, что машина с ужасом смотрит вслед. Я шел, не оглядываясь, и все ждал гудка, будто она могла сама закричать.

В таверне было немногочленно. Стараясь не вглядываться ни в одно лицо по отдельности, я с порога произнес: " Попрошу всех выйти" таким тоном, что они немедленно повиновались. Я осмотрел опустевший зал. Все вокруг было таким, как увиделось мне в детских мечтах: до последней блестящей кружки, до использованной салфетки.

Я оглянулся и не увидел Макса. Мне вдруг стало до того тяжело, что я даже слегка просел, будто лишь сейчас полностью осознал, какой груз ответственности взвалил на себя. Разделить его было не с кем, ведь это только

так говорится, что кто-то делит с тобой судьбу. На самом же деле каждый обречен нести свой крест в одиночку. Ты можешь идти рядом с человеком по бесконечной и пыльной дороге жизни, и вам обоим будет легче от зримого присутствия другого, но вот крест вы будете тащить каждый свой. Аринин оказался чересчур тяжел, он расплющил ее. А меня даже не оказалось рядом...

Я думал об этом и гладил шершавое море, разлитое по стенам, как гладят любимое лицо, прощаясь на годы. Я прощался навсегда. И с этой новенькой таверной, и со своими старыми мечтами, и с самим собой, каким я все еще оставался. Я вжимался в него лицом и различал едва слышный шепот прибоя: "Ты был порочен с самого детства. И мечта твоя была порочна..." От того, что эти слова, звучали так равнодушно, монотонно, становилось особенно жутко, будто кто-то чужой и неумолимый зачитывал мой смертный приговор, а я был вынужден слушать и ждать его исполнения. Бежать было некуда, ведь казнил себя я сам.

— Вот бензин, — раздался позади голос Макса.

Подняв оставленную им банку, я плеснул немного на стойку. Я старался не задумываться имею ли на это право. Я не мог этого не сделать. Огонь звал меня так мощно, что я был не в состоянии ни сомневаться, ни сопротив-

ляться. В его не рожденном реве слышалось дыхание той самой судьбы, которая когда-то подтолкнула меня к Арине, а потом выгнала из города, в никуда. Охваченный лихорадкой, я метался по залу, расплескивая бензин. Тихие шлепки отзывались в моем сознании вскриками: "Прощай!" Народная мудрость утешает: за потерей следует обретение, за черной полосой — светлая. Я, задыхаясь, мчался по встречной полосе, и все во мне вопило на разные голоса: "Арина! Подожди меня! Куда бы ни увлек нас этот огонь, я — с тобой! Мне не нужно без тебя никаких, светлых полос... Мне вообще не нужно света. Я полжизни прожил во мраке. И я готов тащить свой крест вслепую, только бы слышать рядом твои шаги..."

Когда я вышел, держа в руках, пустую банку, меня охватило бешенство: вокруг клуба было полным-полно людей, подъехала пожарная машина. Все терпеливо ждали начала представления в моем театре одного актера. Макс молча протянул мне зажженный факел, и я едва удержался, чтобы не ткнуть им в лица зрителей в первом ряду.

— Разойдитесь! — крикнул я, сжимая колючее древко.

Их словно отбросило звуковой волной. Коротко взглянув на меня, Макс начал угрожающе надвигаться на толпу. Они отступали и отступали, сохраняя полное молчание. Я от-

вернулся, подавленный и вдохновленный одновременно, и, размахнувшись, швырнул факел в раскрытое окно. Таверна застонала, и я застонал вместе с нею, уже не заботясь о том услышит ли кто-нибудь. Пламя занялось бурно, но еще не вырвалось наружу. Оно пульсировало в теле моей таверны обжигающей вены кровью, и мне казалось, что это я сам горю изнутри. Сколько лет я боролся, с этим закипающим во мне пожаром, и вот он одолел меня. Или все же я одолел его? Меня охватили первобытный восторг и ужас. И необъяснимая уверенность, что я уже видел это когда-то, уже переживал... Будто много-много жизней у меня ушло на борьбу с этим обитающим во мне зверем с огненным языком, и каждый раз я снова и снова изгонял его из себя, и мы смотрели в глаза друг другу...

Огонь с рыком набросился на крышу, взметнулся к небу. Глаза у меня заслезились от дыма, и я увидел в самой сердцевине бушующего пламени странно знакомые очертания какого-то дворца, и множество причудливо одетых людей, и скорчившееся перед прыжком животное, похожее на кошку, и золотистую птицу с опаленными крыльями... И самого себя, одетого в незнакомую белую рубаху с пышными рукавами. Я смотрел на это во все глаза, и вдруг увидел себя — оттуда. Как я стою посреди пустой поляны, растерянный и одинокий. Мне стало бесконечно жаль себя, и

в то же время я понимал, что только так и может быть, ведь человек всегда одинок в своих страданиях.

Я повернулся и пошел прочь, предоставив пожарникам возможность сделать свою работу. Я уходил из этой деревни так же, как пришел в нее — не зная цели, не видя дороги. Мне просто надо было уйти, и я торопился. Уже выбравшись за околицу, я едва не взвыл от отчаяния: надо же было обратиться к огню с какой-то молитвой, упасть перед ним на колени... Иначе для чего я проделал все это? Однако хорошие мысли всегда посещали меня с запозданием. Я поступил, как животное, повинаясь инстинкту. Но кто сказал, что его голос обязательно верен? Может быть, все совершенное мной так и останется нелепой причудой, идиотской затеей...

Макс догнал меня и молча пошел рядом. Я посмотрел на него, и он показался мне мудрым и терпеливым. И очень несчастным. Будто вместе со своей, я уничтожил и его мечту. Угадав мои мысли, он оказал:

— Но ты хотя бы построил. А я так и не поймал свою большую рыбу.

Я ничего не ответил, и он замолчал. Мы шли пустой проселочной дорогой, и было похоже, будто Макс все-таки увел меня в наше заветное путешествие. Или я его. За нашими спинами не было даже котомок, но я не чувствовал никакой легкости, потому что та тя-

жесть, которую я ощутил, стоя посреди таверны, все еще была со мной. Макс не мог разделить ее, хоть и был настоящим другом.

Глава 38

Мы хоронили Лари вдвоем. Мне никого не хотелось видеть, Максу было все равно, а Лари только рад был бы остаться с нами наедине. Макс так нервничал, словно отец мог еще чем-то обидеть его перед уходом. Пытаясь оправдать свое беспокойство, он все поглядывал на небо, и ворчал, что вот-вот польет дождь. Но он так и не начался.

Забрасывая Лари землей, я чувствовал себя убийцей, будто он лежал там, и ждал, когда же я положу руку в его раскрытую ладонь, и поговорю с ним. Когда все было закончено, и мы отдышались и вытерли перепачканные лица, Макс непривычно мягко спросил:

— Может, хочешь попрощаться? Я отойду.

— Мы уже попрощались...

Разглядывая могилу, Макс сказал:

— Он был уверен, что до сих пор живет внутри тебя. Он был прав?

Мне и вспомнилось, как однажды я зашел к Лари в тот момент, когда он разговаривал с одним из официантов. Лари держал руку на

плече этого мальчишки. Это поразило меня так больно, что я выдал себя. Мы встретились глазами, и Лари увидел это. Я был потрясен тем, что мне хочется задушить мальчика. А ведь Арина в то время уже вошла в мою жизнь, и мне казалось, что она заполнила ее целиком.

— Он был прав, — сказал я Максу.

Он весь как-то передернулся, но ничего не сказал. Лицо его стало собранным и злым.

— Макс, я хотел бы забрать его тетради... Можно?

— Я их сжег, — безразлично ответил Макс. Но, взглянув на меня, он поежился, и сердито прикрикнул: — И не смотри так. Я узнал, что в них было, потому и сжег. Тебе этого лучше не читать. У тебя и без того крыша не на месте.

Я изо всех сил стиснул его плечо:

— Что там было, Макс?

— Что-что! — заорал он и вырвался. — Целый трактат о гомосексуализме, вот что! Очень, кстати, умно написан.

Стараясь не злиться, я тихо спросил:

— Кто тебе дал право решать, что я могу делать, а что — нет? Ты что — мой ангел-хранитель? Ну что ты ржешь?!

— Я не над тобой. Просто вспомнил фразу из одного путеводителя по Ленинграду: "На фронтоне вы можете увидеть изображения ангелов в натуральную величину".

Я расхохотался, едва он договорил. У Макса весело заблестели глаза.

— Что у нас дальше по программе? — папаничая, спросил он. — Похороны можно вычеркнуть.

— Макс, — я снова взялся за его плечо, потому что мне было страшно, как никогда. — Я собираюсь пойти туда... Я не знаю, что мне делать. Он сказал: очиститься. Но как? Я уже сделал все, что пришло мне на ум.

— Я с тобой, — успокоил он. — Спрячусь где-нибудь в кустах. Если еще рано, вместе и уйдем.

— Как ты вовремя вернулся, Макс...

— Ну-ну, — он потрепал меня. — Не кисни, пацан!

Лес встретил нас жутковатым молчанием. Я не сразу понял, в чем дело, потому что все мои мысли были медленны, как морские медузы и обжигали глаза изнутри холодными боками. Наконец до меня дошло, что же случилось — улетели птицы. С тех пор, как я принес в этот лес Арину, прошла целая эпоха. Единственная изо всех, не имеющая имени, потому что она была пуста.

Я шел через мертвый лес в неизвестность, и колени мои то и дело подгибались от страха. Несколько раз я едва не рухнул на серую

траву, чтобы застыть на ней перекореженным корнем. Вот только я не мог стать корнем, ведь из меня еще ничего не проросло. Я был самым бесплодным на этой земле, и мне надлежало жить в мертвом лесу.

— Макс, — позвал я, — что останется от нас с тобой, если мы вдруг исчезнем? Мы с тобой неправильно прожили эти годы. Хотя и по-разному... Не построили дом, не посадили дерево, не вырастили сына.

— Ну! Какие наши годы... — печально отозвался он.

— Тридцать пять лет — разве это мало, Макс?

— Много. Я сам знаю, что много. Но что теперь поделаешь? Впредь будем умнее...

Он опять немного отстал, потому что тропинка была узкой, и мы все время сталкивались локтями. Мне казалось, что мы идем целую вечность. Я уже начал паниковать, когда между соснами, наконец, проглянули бревенчатые стены. Я резко остановился, и Макс ткнулся мне в спину.

— Что?

— Пришли, — сказал я, и меня затошнило от страха.

— Эй, — испугался он, — ты чего так побледнел? Еще ты не начни в обмороки падать. Мне уже хватило.

— Макс, — сказал я, — мне так страшно...

— Ну хочешь, я схожу, а ты посиди здесь.

— Нет. Я сам.

Он ничего больше не сказал, только слегка подтолкнул меня в спину. Я пошел прямо через оголившиеся кусты, видя перед собой одну низенькую дверь. Уперевшись в нее ладонями, я перевел дыхание и лишь тогда открыл. В домике было темно, но все же я сразу увидел, что он пуст. Я стоял посреди крошечной комнатки и не мог пошевелиться. Только смотрел на пустой настил, где я оставил Арину. "Он похоронил ее без меня", — подумал я и услышал за стеной дома голоса. Вскочив на лавку, я выглянул в маленькое окошко под потолком. Не выдержав моего наскока, дощечка проломилась, и я упал, больно ударившись коленом. Но тут же вскочил и, выбежав из дома, обогнул его в три прыжка.

Когда я выскочил из-за угла, Арина испуганно вскинулась, а старец укоризненно покачал головой:

— Разве можно так пугать людей?

Ничего не понимая, я смотрел на его сухие пальцы, сжимавшие Арину руку, и, оцепенев, ждал, что сейчас старик отпустит ее, и она упадет. Я не мог поверить, что она стоит сама. Ноги ее были босы и беззащитны. Я думал, как же ей должно быть холодно, и не мог сдвинуться с места.

— Королевич...

Ее голос прозвучал так тихо, что я решил, будто мне слышалось. Я с трудом оторвал взгляд, от ее босых ног. Лицо у Арины было все того же воскового цвета, и голова по-прежнему была повязана больничной косынкой.

— Идите же сюда, — позвал старец. — Смелее. Вы ведь храбрый человек.

Аринины губы не шевелились, и я понял, что мне, конечно же, слышалось то заветное слово. Она не могла его произнести. Просто потому, что на самом деле ее не было. Я видел перед собой то, что мне мучительно хотелось видеть, но оно было так же бесплотно, как любой мираж. Этот старец умел творить чудеса... Арины уже не было на этой земле, а он позволял мне проститься с ней, увидеть ее в последний раз. И я смотрел на нее во все глаза, сердясь на проклятые слезы, которые вечно выступали не во время, и мешали мне разглядеть ее и запомнить измученные потухшие глаза, безмолвный рот, заострившиеся, скулы.

"Прощай, маленький... Я скоро приду за тобой следом. Старик поможет мне отыскать тропинку в этом умершем вместе с тобою лесу. Я очень скоро приду..."

Я утерся, рукавом куртки, и тут старик сказал:

— Да что с вами? Нельзя так. Вы же ее расстраиваете.

— О чем вы? — спросил я, пытаюсь справиться с голосом.

— Подойдите! — настойчиво произнес он, и Арина вдруг протянула руку.

Я даже не испугался. Я протянул свою, понимая, что им не суждено встретиться, ведь мы уже, находились в разных мирах. Когда мои пальцы ощутили тепло кожи, я вскрикнул так, что она отшатнулась.

— Господи, ты теплая! — вырвалось у меня.

— Королевич, — повторила она, — как же я рада тебя видеть.

— У меня есть душица, — вспомнил старик. — Пойду заварю чайку. Поддержите Аринушку.

Я обнял ее, все еще не веря своим ощущениям, и когда старик скрылся, спросил:

— Я сошел с ума или умер? Как это может быть?

— Да ведь ты для того и принес меня сюда, — она попыталась усмехнуться, и стало заметно, как ей еще больно.

Подхватив ее на руки, я со стоном вжался в незнакомый халат. Под тонкими ребрами слышалось биение жизни.

— Молчи, маленький! — взмолился я. — Не трать силы на разговоры. Мы еще погово-

римся с тобой досыта. Дай же мне посмотреть на тебя... О господи, господи!

— Королевич... Не уходи больше!

— Нет, теперь уж он не заставит меня уйти! Я буду спать на полу у твоего настила, как собака. О господи... Что он делал? Нет, потом расскажешь!

Но она все же пробормотала:

— Это не он. Это все ты. Главное — ты.

— Да я ничего и не сделал! — в отчаянии признался я. — Все думал-думал, что мне делать, и ничего не придумал.

— Ты все сделал. Он сказал, что теперь я не умру.

— Конечно, нет! Я всегда это знал.

Ее губы искривились подобием улыбки.

— Ты испугался... Когда увидел меня.

Я осторожно прижал свои губы к ее. Они оставались такими же сухими, но синевы вокруг уже не было.

— Помолчи же, маленький! Закрой глаза. Помнишь, как я рассказывал тебе сказки, когда ты не могла уснуть? Можно, я побаюкаю тебя немножко? Поброжу тут с тобой среди сосен. Ты засыпай, моя девочка... Засыпай. А я расскажу тебе сказку. Ты такой еще не слышала. Знаешь о ком? Об одиноком королевиче, который полюбил однажды дикуую рысь. И, как ни странно, они оба остались живы...

Эпилог

Припав к городским стенам, все жители наблюдали, как навсегда уходит королевич. Рысь, как и прежде, вышагивала чуть впереди. Всем, кто смотрел на эту странную пару, было немножко не по себе, ведь они несли в себе столько непонятого и не соответствующего безмятежному духу города, что казалось, он рассыплется, если королевич передумает, вернется и дотронется до медного кольца на воротах.

Эти двое собирались жить не как все, и каждый опасался, что, глядя на них, и ему самому, чего доброго, захочется измениться. Это пугало и завораживало. Потому-то никто и не отходил от стен, хотя королевич и рысь не замечали этого. Они никогда никого не замечали....

Рысь довольно жмурилась, а королевич что-то напевал. И хотя у обоих был изрядно потрепанный вид, создавалась иллюзия, будто они счастливы. Но этого, конечно, не могло быть. Ведь они стали нищими и находились за воротами города Вечного Счастья.

Литературно-художественное издание

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА
ПОД ЖЕЛТЫМ ЗОНТОМ

Серия «Незнакомка»

Редактор *Н.М. Закусина*
Художественное оформление *В.Н. Савин*
Корректор *С.М. Погудина*
Компьютерная верстка *Т.Р. Пантюхина*

ЛР № 065427 от 30.09.97. Подписано к печати 23.12.2003.
Формат 70×90 1/32. Бумага газетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,28 Уч.-изд. л. 11,21. Тираж 3000 экз.
Заказ № 2.

Издательство «Мангазея», 630132, Новосибирск, ул. 1905 года, 33.
ГП «Новосибирский полиграфкомбинат»,
630007, Новосибирск, Красный пр., 22.

Грандиозный совместный проект
предприятия "Сибтехника"
и издательства "Мангазея"!

ВНИМАНИЕ!
СУПЕРРОЗЫГРЫШ!

11-й тур

Ю. ЛАВРЯШИНА «ПОД ЖЕЛТЫМ ЗОНТОМ»

Купон участника розыгрыша

Будьте добры, вырежьте купон, сделайте заказ, вложите в конверт и отправьте его по следующему адресу:

Россия, 630034, Новосибирск-34, ул. Плеханова 51/1,
предприятие "Сибтехника"

И Вы становитесь участником розыгрыша!

Заказ принимается на книги или видеокассеты, перечисленные на следующих страницах книги. Кроме того, Вы можете сделать заказ по каталогу предприятия "Сибтехника", который высылается бесплатно по Вашей записке.

Да, я заказываю (укажите адрес доставки товаров)

Если Вы не желаете делать заказ товаров по почте, Вы можете стать участником розыгрыша, выслав два купона без заказа из книг серии "Русский криминал" или "Незнакомка".

Фамилия, имя, отчество _____

Код заказчика (указывается только для уже установленных) _____

Почтовый адрес _____

Сделав заказ и выслав купон, Вы становитесь участником розыгрыша множества замечательных призов! Условия проведения розыгрыша - на обороте купона.

Правила розыгрыша призов издательства «Мангазея» и предприятия «Сибтехника»

1. К участию в розыгрыше принимаются купоны с заказом на книги, кассеты, товары, либо два купона без заказа от одного лица.

2. Участники предыдущих розыгрышей, проводимых «Мангазеей» и «Сибтехникой», продолжают участвовать в суперрозыгрыше.

3. Заполненные купоны должны быть отправлены не позднее 1 мая 2004 года.

4. Итоги XI тура розыгрыша будут опубликованы в первых книгах из серий «Русский криминал» и «Незнакомка», вышедших после 15 мая 2004 года.

5. Победители будут извещены по почте.

6. Решение жюри является окончательным и не подлежит изменению. Неправильно или неразборчиво заполненные карточки к розыгрышу не допускаются. За ошибки или задержки почты «Мангазея» и «Сибтехника» ответственности не несет.

7. Сотрудники предприятия «Сибтехника», издательства «Мангазея» и авторы серий «Русский криминал» и «Незнакомка» к участию в розыгрыше не допускаются.

8. По итогам розыгрыша будут объявлены победители на каждый из 25000 ценных призов.

9. Лица, не выигравшие в XI туре розыгрыша, принимают участие в последующих турах розыгрышей призов издательства «Мангазея» и предприятия «Сибтехника».

10. Победители соглашаются с тем, что их имена могут быть использованы предприятием «Сибтехника» и издательством «Мангазея» в рекламных целях. Играй и выигрывай с «Русским криминалом» и «Незнакомкой»!

Дорогой читатель!

В XI туре розыгрыша призов издательства «Мангазея» и предприятия «Сибтехника» в розыгрыше 25000 ценных призов, среди которых:

- ◆ автомобиль «Волга»;
- ◆ автомобиль ВАЗ-21099;
- ◆ телевизор «Panasonic», диагональ экрана 72 см;
- ◆ видео- и аудиотехника;
- ◆ бытовая техника;
- ◆ 25 бесплатных подписок на все издания суперсерии «Русский криминал»;
- ◆ широкий ассортимент подарочных книг, аудио- и видеокассет.

Лучшие книжные новинки ждут Вас!

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Новосибирские издательства СО "Детская литература" и "Мангазея" предлагают Вам познакомиться с наиболее интересными новинками, издаваемыми в первом-втором кварталах 2004 года. Если Вы хотите получить данную литературу в числе первых и по самым низким ценам — сделайте заказ наложенным платежом или по предоплате (см. раздел "Как оформить заказ").

В связи с событиями, происходящими в России, мы вынуждены повысить цену на книги, но Вы сами можете убедиться, что повышение незначительно в сравнении с книгами, выпускаемыми московскими издательствами.

Суперсерия "Русский криминал" Книги в твердом переплете

Код серии 786.

Цена одной книги этой серии
по предоплате - 42 рубля.

Серия "Русский криминал" по объемам продаж является одной из самых популярных в России. В данной серии печатаются произведения самых популярных сибирских и московских авторов, не нуждающихся в рекламе. В ближайшее время будут изданы следующие произведения мастеров детективного жанра:

- Монах Е.** Братва-VI. Хочу на волю.
Михеев М. Тайна белого пятна.
Гриньков В. Министерство мокрых дел.
Черненко М. Расплата за ложь.

Михаил Черненко в настоящее время является самым популярным сибирским автором. Впервые в "Русском криминале" выходит полное собрание сочинений популярнейшего автора.

ВНИМАНИЕ!

Для навстречу пожеланиям наших читателей, издательство "Мангазея" приступило к изданию серии "Русский криминал-2" в МЯГКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ. В этой серии выходят произведения таких авторов, как: М. Черненко, А. Духнов, Е. Монах, А. Троицкий, В. Гриньков, Н. Нестеров, В. Снежко, А. Фишман...

Интересные книги - низкие цены

Лучшие книжные новинки ждут Вас!

Книги в мягком переплете

Цена одной книги этой серии
по предоплате - 31 рубль.

В ближайшее время будут изданы следующие произведения мастеров детективного жанра:

М. Черненко	"Точки пересечения".
	"Последствия неустрашимы".
Ю. Кривоногов	"Рукотворный ад".
Е. Монок	"Братва. На круги своя".
Д. Дубинин	"Не смей ее обижать".
Д. Рябушкин	"Хакеры".
А. Зайцев	"Группа риска".
С. Шведов	"Зверинец".
Г. Кроних	"Менты убойного отдела".

Серия "Незнакомка"

Код серии 790.

Цена одной книги этой серии
по предоплате - 42 рубля.

Для тех, кто любит романтику, приключения, для кого любовь не пустой звук, а смысл всей жизни, предназначена серия "Незнакомка".

Любовный авантюрный роман всегда пользовался и будет пользоваться популярностью у наших читательниц. В данной серии вышли (а также будут опубликованы в ближайшее время) следующие произведения:

Книги в мягком переплете

Цена одной книги этой серии
по предоплате - 31 рубль.

И. Ульянина	"Жена моего любовника".
И. Ульянина	"Невеста плейбоя".
К. Надеждина	"Мама римская".
К. Надеждина	"Погоня за призраком".
Ю. Лавряшина	"Наваждение Пьеро".
Ю. Лавряшина	"Млечный путь".
Ю. Лавряшина	"Живая вода".
Ю. Лавряшина	"Гнездо аиста".
Н. Синиченко	"Сказки о любви".

Лучшие книжные новинки ждут Вас!

Ждём Ваших заказов!

Серия "Хорошее настроение"

Цена одной книги этой серии по предоплате - 39 рублей.

Песенник "Калина красная".

Песни и романсы разных лет, любимые в народе.

Песенник "Сиреневый туман".

Застольные, "блатные" и "уличные" песни.

Песенник "Гори, гори, моя звезда".

Золотой сборник романсов.

Песенник "Владимирский централ".

Песенник "Татьянин день".

Отметим, что в сериях "Русский криминал" и "Незнакомка", помимо отличных литературных произведений, на рекламных страницах Вы найдете очень интересную информацию:

- условия участия в суперрозыгрыше призов (главный приз — автомобиль);
- списки победителей предыдущих розыгрышей;
- обзоры новых товаров, высылаемых по почте Посылторгом;
- новые поступления в видео-, аудиокаталоги;
- информация о подписке на журналы, не включенные в предыдущие каталоги;
- каталог по бытовой химии, косметике, парфюмерии, средств личной гигиены, высылаемых по почте.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Из ранее изданных книг на складе имеются следующие издания:

М. Черненко "Кухтеринские бриллианты",
"Иллюзия жизни", "Ставка на проигрыш",
"Расплата за ложь", "Завещание ведьмы",
"Шальная музыка".

А. Духнов "Бледный рассвет в море",
"Карманный клоун".

В. Привалихин "Умягчение злых сердец".

Е. Монах "Братва. Хочу на волю",
"Братва. Как у людей" и другие.

В. Снежко "Охота на генерала".

А. Фишман "Доставить и выжить".

Лучшие КНИЖНЫЕ НОВИНКИ ждут Вас!

Сотрудничайте с нами — Ваша выгода несомненна!

Как оформить заказ

Вариант 1. ПРЕДОПЛАТА.

Отправить почтовый перевод на сумму заказа, в графе "для письменного сообщения" указать коды и названия заказываемых товаров, для одежды и обуви — размер, рост, цвет; для книг — коды серии и количество книг в месяц.

В графе "Получатель" перевода указать:

ООО "ТД Сибтехника"

Р/с 40702810802000000085 в ОАО НСКБ "Левобережный"

БИК 045017834 к/с 30101810100000000834

Вариант 2. НАЛОЖЕННЫЙ ПЛАТЕЖ.

Отправить заказ на открытке по адресу:

630034, г. Новосибирск-34, ящик 7, "Сибтехника".

Оплата при получении заказа (+30...40 % к ценам по предоплате).

Для справок

Телефон/факс предприятия "Сибтехника": (3832) 43-24-45.

Телефон/факс издательства "Мангазея": (3832) 20-39-54.

Адрес электронной почты: sibteh@online.nsk.su

**Заказ книг в издательстве —
гарантия минимальной цены и сроков доставки!**

ПОЛНЫЕ КАТАЛОГИ

(видео-, аудиокассеты, книги, бытовая химия,
парфюмерия, обувь, одежда) высылаются

БЕСПЛАТНО

всем сделавшим заказ.

Не упустите свой шанс!

1917

1917

1917

1917

Юлия ЛАВРЯШИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"МАНГАЗЕР"

ПОД ЖЁЛТЫМ
ЗОНТОМ

